

Индекс **П8643**

6
2022

РОССИЯ XXI 2022 6

РОССИЯ XXI

6. 2022 ноябрь-декабрь

Геоглобалистика

*Наталья Ивкина, Михаил Кучеров,
Асхад Бзегежев, Александр Торхов*

Россия в концептуальных документах ФРГ

и речах канцлера А.Меркель:

опыт количественного анализа _____ 6

Ресурсы нации

Андрей Келлер

Оружие, иностранцы и сталь:

государственные и партикулярные

практики в металлообрабатывающей

и оружейной промышленности в России _____ 22

Россия в мире

Татьяна Филиппова

«Балканская кадриль» глазами

русских карикатуристов _____ 48

Сергей Матвеев

«Это вдвигает историю национальную

в общую рамку всемирной истории»: Лев

Михайлович Сухотин и его учебники по истории _____ 62

Страницы истории

Екатерина Запелова

Дворянки Нижегородской губернии
в 1860-е – 1890-е годы: землевладение,
брачный статус, предпринимательская
деятельность в имениях _____ 78

*Валерий Журавлев, Любовь Лазарева,
Елена Бесятова, Елена Курапова,
Ольга Шаикова, Наталья Суханова,
Дмитрий Маслов*

Советская экономическая модель
и судьба союзного государства _____ 104

Виктор Шахматов

Монархисты-народники против
конституционалистов: концепция
«Царского Самодержавия»
Н.Д.Облеухова _____ 130

Ярлыки и мифы

Вячеслав Романовский

«...Попробую написать, что
прикажут». Статьи публициста
Н.В.Устрялова на страницах советской
печати (1935–1937) _____ 150

Contents in English look at the page 176

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

У нас, немцев, так много мыслей,
что мы не успеваем даже соста-
вить себе мнение.

Генрих Гейне

Быть соседями не значит
быть близкими.

Василий Ключевский

**Наталья Ивкина, Михаил
Кучеров, Асхад Бзеgezhev,
Александр Торхов**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

**РОССИЯ
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ДОКУМЕНТАХ ФРГ И РЕЧАХ
КАНЦЛЕРА А.МЕРКЕЛЬ:**

ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

УДК

327.57

Статья посвящена исследованию восприятия Российской Федерации в доктринальных документах ФРГ, а также в речах канцлера А.Меркель. Российско-германские отношения в политической сфере и области безопасности на современном этапе нестабильны. Задача по оценке образа России в германских официальных источниках становится актуальной. Методология включает количественные и качественные методы исследования. Контент-анализ и медиаметрический анализ были применены, чтобы дать оценку «индексу агрессивности» Германии в отношении России. Метод сравнения позволил сопоставить «Белые книги Германии» 2006 г. и 2016 г., а также проследить эволюцию речей канцлера Германии. В заключении представлены выводы относительно того, насколько образ России в официальных стратегиях Германии и речах канцлера зависят от ситуации на мировой арене.

Russia-West relations, including Germany as one the country's closest counterparties, are of great scientific interest. The article focuses on the evolution of Russia's perception in German doctrinal documents and in A. Merkel's speeches. Germany-Russia ties are unstable, encompassing both positive and negative connotations. The task to assess Russia's image in German official sources is relevant. The methodology includes quantitative and qualitative methods. Content-analysis and mediametric analysis were used to assess Germany's "aggressiveness index" towards Russia. Comparison method was chosen to compare the 2006 and 2016 German White Papers, as well as to trace the evolution of the Chancellor's speeches. In the conclusion the outcomes on the dependence of Russia's image in the official strategies of Germany and its leader's speeches on the situation on the global arena are presented.

Ключевые слова: Россия; Германия; метод медиаметрического анализа; «индекс агрессивности»; нормативно-правовая база; канцлер Германии А.Меркель.

Key words: Russia; Germany; the method of mediametric analysis; "aggressiveness index"; legal framework; German Chancellor A.Merkel.

E-mail: ivkina-nv@rudn.ru; kucherov.m.yu@yandex.ru; bzegezhev_ashad@mail.ru; torxov98@bk.ru

История российско-германских отношений характеризуется высокой степенью нестабильности. Это связано, прежде всего, с тем, что, с одной стороны, страны географически расположены в одном регионе, а с другой, имеют разные взгляды на политическую международную повестку дня. На современном этапе в политической конъюнктуре отношений есть как положительные факторы, так и отрицательные. Общие задачи по строительству новых путей транспортировки энергетических ресурсов переплетаются с антироссийскими санкциями, которые европейские страны ввели вслед за американскими партнерами. При этом уже неоднократно доказывалось как на экспертном, так и на научном уровне, что политика Германии в отношении России более или менее последовательна с момента установления т. н. «Восточной политики» (“Ostpolitik”) канцлера Вилли Брандта [13, р.4–5].

В связи с этим актуальным является вопрос восприятия Германией российской стороны. Чаще всего для оценки межгосударственной повестки дня используются средства массовой информации (СМИ), так как именно они способствуют формированию отношения населения к той или иной проблеме. Однако анализ СМИ нередко искажает реальную ситуацию, способствуя выявлению пропагандистского фактора в отношениях между государствами [7; 6, с.258–277].

Это подтверждает и теоретическая база исследования, в качестве которой выбрана **теория повестки дня**. Странники теории (например, М.Ховлетт, Э.Даун, Ф.Баумгартнер, Б.Джонс) полагают, что СМИ, наравне с исследовательскими центрами, крайне существенно воздействуют на выявление актуальной повестки в сфере публичной политики. Состоятельность теории доказал канадский исследователь Дж.Кингдон. Он сформулировал так называемую методичку временных рядов, которые составляются по частоте упоминаний ключевых мировых политических проблем. После сбора данные ряды сопоставляются с теми временными рядами, которые упоминаются в источнике. Благодаря появлению этого метода стало возможным оценить степень влияния событий в повестке дня самого источника-объекта исследования на политический курс страны, в том числе и во внешней политике. По мнению Кингдона, следует уделить пристальное внимание активности 3-х групп влияния: во-первых, группам по интересам (политическим элитам в случае с проводимым нами исследованием) и бизнес-группам, во-вторых – исследовательским центрам, в-третьих – СМИ [10, р.45–71]. Канадский политолог ставил своей целью подтверждение более ранней работы Дж.Уолкера об установлении повестки дня в Сенате США [12, р.423–445], где он

в убедительной манере доказал, что на определение вариативной части повестки дня в американском Сенате влияет позиция сенаторов-активистов, которые регулярно взаимодействуют с журналистами и сотрудниками исследовательских центров.

Таким образом, нерелевантно говорить о том, что источником формирования образа страны являются исключительно СМИ. Скорее их можно рассматривать в качестве катализаторов, которые отражают позицию политической элиты или правительства, стремящихся реализовать свои интересы. На фоне этого существует необходимость в оценке доктринальных документов и выступлений уполномоченных лиц. Это позволит дать ответ на вопрос о том, чего же больше во внешнеполитическом курсе Германии в отношении России: желания развивать сотрудничество в тех областях, которые этого требуют, или же нагнетать обстановку на фоне имеющихся противоречий. Особый интерес вызывает изменение риторики в концептуальных документах («Белых книгах») и речах первого лица государства – канцлера А. Меркель.

Методологическая база исследования

Для изучения эволюции восприятия России в доктринальных документах Германии авторы прибегли к количественному методу исследования – контент-анализу. В российской историографии уже накоплен достаточный опыт его применения. Например, в статье «Прикладной анализ внешней политики стран СНГ» [2, стб.176–184] внешнеполитическая позиция стран Содружества определяется с помощью анализа содержания стратегий национальной безопасности. Метод сфокусирован на частоте упоминания основных внешних партнеров государств СНГ – России, ЕС и США – в главном доктринальном документе каждой страны.

Примером анализа оборонных доктрин также может послужить исследование “China Strategic Perspectives. Assessing Chinese Military Transparency” [11, p. 1–60], в котором проводится контент-анализ многочисленных версий «Белой книги КНР» по национальной обороне, начиная с версии 1998 г., а также ее сравнение с подобными оборонными документами стран-членов АСЕАН, государств Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона на предмет их прозрачности.

Однако для решения задач, поставленных в нашем исследовании, классического метода количественной оценки недостаточно. Подсчет количества упоминаемых слов «Россия» или «русский» не может дать четкого ответа на вопрос о том, изменилось ли отношение Герма-

нии к России в рамках эволюции исследуемых доктрин, а также в речах канцлера Германии А.Меркель. Поэтому для полноты картины авторами был привлечен также метод медиаметрического анализа.

Медиаметрия – это набор сервисов поиска информации, который позволяет делать разовый замер информации, не выводящий на глубокие обобщения. Существуют специализированные программные надстройки, которые позволяют усложнять «поиск и сортировку» на основе разнообразных логических контекстных правил [1, стб. 167–179].

Статьи ведущих СМИ зарубежных стран, которые освещают российскую тематику, размечаются по тональности упоминаний РФ. Различают: негативные, умеренно негативные, нейтральные, умеренно позитивные, позитивные. Затем высчитывается средний коэффициент «информационной агрессивности» (ИА) СМИ отдельной страны, отдельной газеты или публикаций отдельного журналиста по следующей формуле: $ИА \Sigma = (N \text{ нег.} + N \text{ ум. нег.}) / N \text{ нейтр.}$, то есть выводится соотношение между суммой негативных и умеренно негативных публикаций и количеством нейтральных публикаций. Показатели «информационной агрессивности» свидетельствуют о фоне инфополя в зарубежных странах – при низких значениях ИА (менее 0,5) он благоприятен, крайне высокие значения ИА (более 5) указывают на информационную войну (см. рис.1) [3; 3, с.250–256].

ИА	Информационная война
5,0	
1,0	Неблагоприятная информационная среда (Очень высокий ИА)
0,7	Высокий ИА
0,5	Средний ИА
0,3	Благоприятная информационная среда (низкий ИА)
0	

Рис. 1. Уровень информационной угрозы в зависимости от значений коэффициента «информационной агрессивности» в СМИ [6; 3, с.80–81]

Кроме того, метод политической медиаметрии комбинирует контент-анализ с ивент-анализом, что позволяет делать выводы об эволюции ИА во временном контексте. Посредством такого подхода эксперты анализируют динамику медиасреды наиболее влиятельных стран мира по отношению к Российской Федерации.

Для выявления изменений отношения к России в доктринальных документах Германии был использован метод контент-анализа, изучающий контекст с использованием слов «Россия» (англ. “Russia”/нем. “Russland”) и «российский» (англ. “Russian”/нем. “russisch”). Каждое упоминание России классифицируется исходя из основных характеристик: негативное, умеренно негативное, нейтральное, умеренно позитивное и позитивное. Информационную базу исследования составили две последние редакции «Белой книги»: 2006 г. [15] и 2016 г. [16]. По такой же схеме проведен анализ и речей канцлера Германии А. Меркель.

**Сравнительный анализ
«Белой книги ФРГ» –
версий 2006 г. и 2016 г.**

В 2006 г. германское правительство приняло «Белую книгу по вопросам политики безопасности Германии и будущего Бундесвера». Эта версия стала заменой аналогичного документа 1994 г. Источником анализа выбрана редакция «Белой книги» 2006 г., так как впервые документ стал содержать в себе главу о национальных интересах страны, по-новому, в частности, определяя задачи Бундесвера [4, стб.54–62].

Слова «Россия» и «российский» в документе в совокупности упоминаются лишь 16 раз, то есть гораздо реже, чем «НАТО» (172 раза), «ЕС» (87 раз) или «США» (33 раз). Однако и первая глава документа, и почти каждый раздел второй главы доктрины, посвященной международной деятельности Бундесвера, содержат интересующие исследователей упоминания России.

Так, уже в первом разделе первой главы под названием «Политика безопасности Германии» наряду с необходимостью более глубокой интеграции в Европе, а также укрепления добрососедских отношений с восточноевропейскими государствами, странами Южного Кавказа, Центральной Азии и Средиземноморья Российская Федерация упоминается как надежный партнер в проведении политики безопасности совместно с ФРГ. В другом разделе этой главы обозначается стремление Берлина развивать надежные отношения с Россией в названной сфере.

Вторая глава, «Политика безопасности Германии на международной арене», содержит в себе 5 пунктов, в которых проводится отдельный анализ каждой из наиболее приоритетных для ФРГ международных организаций (НАТО, ООН и ОБСЕ), а также дается оценка сотрудничеству между НАТО и ЕС и деятельности Германии в рамках Европейского союза. Отдельного внимания в этой главе заслужили и вопросы контроля над вооружениями, разоружения и политики ФРГ по укреплению отношений с партнерами. Примечательно, что в первом пункте, в котором обозрева-

ется деятельность ФРГ в рамках НАТО, Россия упоминается 6 раз. Так, подчеркивается, что парижский «Основополагающий акт Россия–НАТО» 1997 г. и учрежденный в 2002 г. Совет Россия–НАТО имеют особую значимость для политики безопасности Германии. Как пример реализации успешного сотрудничества между Россией и НАТО отмечается участие Москвы в миротворческой операции Североатлантического альянса в Косово в 1999–2003 г. в борьбе с международным терроризмом.

В пункте, посвященном деятельности ФРГ в ОБСЕ, Россия, наравне с постсоветскими странами, США, Канадой и ЕС характеризуется как важный актер крупнейшей организации в области безопасности.

Самые частые упоминания России в документе, а именно 7 раз, содержатся в разделе «Укрепление отношений с партнерами». Здесь России отводится большая роль в установлении прочного двустороннего сотрудничества с Германией. Помимо этого, в очередной раз отмечается статус Москвы как видного партнера ЕС, НАТО и на тот момент члена G-8, а также как важного экономического партнера и поставщика энергии для Европы и Германии, несущего особую ответственность за архитектуру безопасности на континенте. Присутствует и тезис о том, что без участия России безопасность, стабильность, интеграция и процветание не могут быть обеспечены на европейском континенте. Нельзя не отметить и упоминаемый особый интерес Германии к политической и экономической модернизации России, способствующей более тесному сотрудничеству с Североатлантическим альянсом [5, стб.37–54].

После событий 2014 г. на Украине и в Крыму был принят новый вариант документа. Как сообщила в июле 2016 г. Урсула фон дер Ляйен, занимавшая на тот момент пост министра обороны ФРГ, за предшествующие написанию новой доктрины 10 лет архитектура в области безопасности претерпела крупные изменения, в связи с чем выросли политический вес и влияние Германии. Министр прямо заявила, что на мировую политику повлияли «аннексия» Крыма Россией, а также появление ИГИЛ и киберпреступность [14]. Большинство экспертов, оценивавших этапы подготовки и написания новой стратегии Германии, сошлись во мнении, что на то, как Россия представлена в документе, существенно повлияли события в европейском регионе и усиление ее влияния на систему европейской безопасности [13, р.4–11].

В изданной в 2016 г. «Белой книге» слово «Россия» и производные встречалось 17 раз. Еще 3 раза встречалось слово «русский» (“russian”). Таким образом, Российская Федерация упоминается в документе 20 раз. Упоминания, в которых говорилось о сотрудничестве с Россией, диалоге, общих угрозах, проблемах безопасности, интересах, важной миро-

творческой роли страны на мировой арене трактовались как позитивные. Негативными же были сочтены упоминания, которые предполагали расценивание Российской Федерации как угрозы для ФРГ и Европы и инициатора конфликтов, подчеркивали агрессивную военную активность страны, необходимость ее сдерживания. Выражения со смешанной коннотацией, то есть не предполагающие четкой оценки действий России или же имеющие двойственный характер, обозначались как нейтральные.

Первые же 7 упоминаний, связанных с Россией, носят яркий негативный характер. Подчеркивается, что страна способствует насильственному переделу государственных границ (в частности, имеются в виду события в Крыму 2014 г.), нацелена на стратегическое соперничество с Западом и является самостоятельным геополитическим центром с глобальными притязаниями. Также, по мнению авторов документа, Российская Федерация не соблюдает международные договоренности, усиливает военную активность и далеко не всегда обеспечивает ясность своих намерений, что характеризует восточного соседа как вызов европейской безопасности.

Положительные же упоминания России касались, прежде всего, общих интересов на мировой арене. Составители документа утверждают, что Германия имеет давние партнерские отношения с РФ, а гарантии процветания и сотрудничества в Европе обеспечить без России невозможно. Также стремление ФРГ к конструктивному диалогу с Российской Федерацией прослеживается в поддержке Германией идеи партнерства России и Североатлантического альянса, равно как и в активном содействии ФРГ заключению акта Россия–НАТО в 1997 г. и созданию Совета Россия–НАТО, об этом в тексте доктрины говорится 3 раза. Отдельно упомянуты и устоявшиеся формы сотрудничества, включающие в себя группу Е 3+3 по вопросу иранской ядерной программы и Нормандский формат по украинскому кризису, чему посвящены 2 упоминания [9, стб. 148–156].

Оставшиеся 4 упоминания были отнесены к категории нейтральных. 3 из них несут в себе одну и ту же идею о том, что ФРГ будет применять двойственный подход по отношению к России, то есть сдерживать страну на мировой арене и в то же время вовлекать ее в диалог. Еще одно упоминание определяет Россию как крупнейшего соседа ЕС и члена СБ ООН, который несет особую ответственность в борьбе с мировыми угрозами. Это определение лишь снабжено фактами и показывает глобальную роль страны в глазах немецких политиков без оценочных суждений.

Таким образом, сравнивая 2 стратегии, можно получить следующий количественный результат (Табл. 1).

Таблица 1

Предмет сравнения	2006 г.	2016 г.
Конкретные международные соглашения и альянсы	позитивное	позитивное
	позитивное	позитивное
	позитивное	позитивное
	позитивное	позитивное
	позитивное	позитивное
	позитивное	позитивное
	позитивное	
	позитивное	
Региональные вопросы	позитивное	негативное
	позитивное	негативное
	позитивное	негативное
		негативное
		позитивное
		позитивное
		нейтральное
		нейтральное
		негативное
		позитивное
		нейтральное

Глобальные вопросы		негативное
		нейтральное
Вопросы без блоково-географической привязки	позитивное	негативное
	позитивное	негативное
	позитивное	
	позитивное	
	позитивное	
Итоговый индекс агрессивности	0 (благоприятная информационная среда)	2 (неблагоприятная информационная среда)

Составлено авторами с использованием текстов «Белой книги Германии» 2006 г. и 2016 г. и медиаметрической методологии.

Как видно из приведенных данных, образ России в доктринальных документах Германии эволюционировал в худшую сторону. Несмотря на то, что в 2016 г. России уделяется больше внимания, особенно в рамках региональных и глобальных вопросов, заметно увеличилось количество негативных коннотаций. Такой тренд связан с тем, что в период с 2006 г. по 2016 г. произошло обострение отношений России и ЕС: грузино-осетинский конфликт 2008 г., начало протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011 г., начало украинского кризиса в 2014 г. Все это повлияло на деформацию информационной среды в неблагоприятную сторону. Вопреки тому, что ФРГ открыто заявляет о желании выйти за зону своей ответственности, помогая решать конфликты в рамках миротворческих операций, блоковых вопросов, проблемы европейского региона она ставит во главу угла.

Количественная оценка выступлений А.Меркель с упоминанием России

Кроме анализа упоминаний России в «Белых книгах Бундесвера» 2006 и 2016 г., в качестве задач нашей работы было исследование речей

канцлера Германии Ангелы Меркель для изучения изменений в образе РФ в немецком политическом дискурсе. Были рассмотрены все речи А.Меркель, опубликованные на сайте канцлера ФРГ в 2006 и 2016 г. [8]. Если в речи упоминалось слово «Россия», а также производные от него, то статье присваивался один из медиаметрических ярлыков – негативный, умеренно негативный, нейтральный, умеренно позитивный и позитивный. Так же, как и в случае с «Белыми книгами Германии», цель – выявить индекс агрессивности, оценить всплески негативного отношения канцлера к России, проследить эволюцию изменений.

Таблица 2

Год	Всего речей	Речей с упоминанием России	Средняя коннотация индекса агрессивности
2006	108	21	Нейтральная
2007	131	33	Позитивная
2008	110	22	Нейтральная
2009	113	11	Позитивная
2010	89	15	Умеренно позитивная
2011	95	11	Позитивная
2012	81	9	Позитивная
2013	80	10	Нейтральная
2014	79	21	Негативная
2015	96	26	Негативная
2016	84	16	Нейтральная

Составлено авторами с использованием речей канцлера Германии А.Меркель и медиаметрической методологии.

В 2006 г. из 108 речей немецкого канцлера, опубликованных на сайте правительства ФРГ, 21 содержит упоминания России. В них в основном Ангела Меркель говорит о том, что Россия – важный игрок на мировой арене, с которым необходимо налаживать сотрудничество и развивать отношения в долгосрочной перспективе. Несколько раз

Россия упоминается как одна из ключевых держав, наравне с США и европейскими странами, участвующих в решении иранского вопроса. Таким образом, в основном речи Меркель содержат нейтральные упоминания России. 4 текста можно отнести к речам с позитивными упоминаниями – в них канцлер хвалила развитие отношений между немецкой и российской молодежью, а также приветствовала организацию российской стороной форума «Петербургский диалог». В опубликованных речах не встречается ни одного негативного упоминания России, а значит, индекс агрессивности речей Меркель за 2006 г. равен нулю.

За 2016 г. на сайте канцлера ФРГ опубликовано 84 речи Ангелы Меркель. 17 из них содержат упоминания России. Большинство речей содержат нейтральные упоминания России. В основном это речи, в которых Меркель говорит о границах Шенгенской зоны и перечисляет европейских соседей, доказывая, что проблемы в каждой из этих стран касаются всех государств-членов ЕС. В отличие от текстов 2006 г., речи 2016 г. уже содержат негативные упоминания России. В них речь идет об «агрессии» со стороны России по отношению к Украине, а также критика действий РФ в Сирии. Канцлер ФРГ говорит о том, что Россия нарушает международное право в случае с Крымом и востоком Украины, и сожалеет о поддержке Россией режима Б.Асада. При этом нельзя сказать, что слова Меркель носят ярко выраженную негативную эмоциональную окраску. Критику действий российских властей канцлер иногда дополняет словами о том, что Берлин все равно надеется на установление партнерских отношений с Москвой. Всего в речах за 2016 г. можно выделить 6 текстов с негативными упоминаниями России, 10 – с нейтральными и 1 – с позитивными.

Заключение

В целом проведенный анализ показывает, что дискурс официальных документов германской внешней политики зависит от: а) сферы обсуждаемого вопроса, б) от событий на глобальном политическом ландшафте. Говоря о соглашениях и перспективах альянсов с Россией, немецкая сторона не исключает возможности сотрудничества и взаимодействия. Это обусловлено, прежде всего, наличием уже имеющейся нормативно-правовой базы, условия которой готовы выполнять обе стороны, а также углублением энергетических контактов между дву-

мя странами. Россия представлена в положительной коннотации как в 2006 г., так и в 2016 г., что можно считать негласным признанием ее честности по отношению к выполнению уже имеющихся договоренностей.

Проблемы европейского региона и, как следствие, европейской безопасности трактуются уже менее однозначно. Так, если в 2006 г. вклад России в европейские дела оценивался положительно, то в 2016 г. индекс агрессивности стал поступательно расти. Проблема украинского кризиса, вставшая на повестку дня в 2014 г., трактуется Германией как европейский вопрос, требующий коллективного решения. После возвращения Крыма в состав России последовали антироссийские санкции, негативно сказавшиеся и на образе страны за рубежом.

Это же повлекло за собой и нападки на Россию по глобальным вопросам. Если раньше позиция России рассматривалась как отличительная от позиции Запада, то теперь трактуется крайне негативно. Это видно по изменившемуся индексу, а также общему снижению интереса со стороны Германии к обсуждению глобальных вопросов. Свидетельством этого также является исключение/лишение голоса России на различных международных площадках. Что касается речей А.Меркель, то анализ индекса агрессивности подтверждает данные, полученные в результате исследования доктринальных документов.

Немецкие военнослужащие на построении

До 2014 г. очевидно негативных коннотаций образа России в ее речах не было, максимальный индекс агрессивности был на «умеренно негативном» уровне.

Библиографический список

1. Антоненкова А. С., Корконосенко С. Г. Информационное противоборство в зеркале политической медиаметрии // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С.167–179.
2. Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х., Никулин М. А., Оганесян А. Н. Прикладной анализ внешней политики стран СНГ // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2014. №4. С.176–184.
3. Дегтерев Д. А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2019. 644 с.
4. Зуборева М. А. Базовые детерминанты немецкой внешней политики и политики обеспечения безопасности // Международные отношения. 2017. №7. С.54–66.
5. Кокеев А. М., Васильев В. И., Басов Ф. А., Хорольская М. В. Немецкое представление о безопасности // Международная жизнь. 2018. №10. С.57–54.
6. Николайчук И. А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России / М.: РИСИ, 2015. 230 с.
7. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн / 3-е изд., испр., М.: Горячая линия-Телеком, 2017. 285 с.
8. Официальный сайт канцлера ФРГ. Электронный ресурс. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-en> (дата обращения: 22.11.2021).
9. Ханнанова Г. А. Внешняя политика ФРГ на современном этапе: корректировка парадигмы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 11. С.148–155. (163).
10. Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Longman. 2011. 68 p.
11. Kiselycznyk M., Saunders P. C. *Assessing Chinese Military Transparency* // INSS, *China Strategic Perspectives*. Washington D. C., National Defense University Press. 2010. №1. 60 p.
12. Walker See Jack L. *Setting the Agenda in the U.S. Senate: A Theory of Problem Selection* // *British Journal of Political Science*. 1977. №7. P.423–445.
13. *Defence White Paper 2016: The Strategist decides* // Australian Strategic Policy Institute. 2016. URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep04098> (дата обращения: 12.11.2021).
14. *Deutsche Sicherheitspolitik ohne Tabus* // Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/ursula-von-der-leyen-und-das-neue-weissbuch-deutsche-sicherheitspolitik-ohne-tabus/11385126.html> (дата обращения: 17.11.2021).

15. Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr. Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/IMG/pdf/weissbuch_2006.pdf (дата обращения: 14.11.2021).

16. Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr // Bundesministerium der Verteidigung. URL: <https://www.bmvg.de/de/themen/dossiers/weissbuch> (дата обращения: 14.11.2021).

Слон – это мышь,
изготовленная по
правительственному заказу.

Роберт Хайнлайн

Добро должно быть с
кулаками – если у него нет
более современного оружия.

Валерий Серегин

Андрей Келлер

ОРУЖИЕ, ИНОСТРАНЦЫ И СТАЛЬ:

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
И ПАРТИКУЛЯРНЫЕ ПРАКТИКИ
В МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
И ОРУЖЕЙНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ*

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94(470)"17/19" + 342.542.7 + 672 + 338.45:355 + 338.242.4 + 316.422.4 + 331.1

В статье анализируются государственные и партикулярные практики в российских модернизациях, трансфер европейских знаний и технологий в металлообрабатывающей и оружейной промышленности. Для объяснения их феномена автор пользуется концептом симбиоза современных и архаичных, государственных и партикулярных, т.е. частных, неофициальных практик, с помощью которого анализируются факторы государственного протекционизма, частной инициативы, иностранного предпринимательства, интеракции предприятий крупной, средней и мелкой промышленности, включая предприятия ремесленно-кустарного типа. Для понимания процессов адаптации и аккультурации существенным является сравнительный анализ опыта промышленных районов в России и Западной Европе.

It is complicated to evaluate the role of foreign specialists in Russian modernisation and the transfer of European knowledge and technologies into the country's metallurgical and armament industries. For almost three centuries, these industries were marked by a symbiosis of state protectionism, private initiative, foreign entrepreneurship, and the interaction of heavy and light production. To understand the economic and acculturational processes involved, it is essential to compare the experience of industrial regions in Russia and Western Europe. Small independent craft workshops developed as alternatives and supplements to mass factory production. Analysing the interrelation of Russian and European experiences can clarify the role of foreign entrepreneurs and specialists in Russian heavy industry while also demonstrating the positive or negative role of the state.

Ключевые слова: кустарные промыслы; ремесленники; промышленные районы; микро- и макро- и экономика; металлургическая и оружейная промышленность; модернизация.

Key words: Artisan; craftsman; industrial district; macro- and microeconomical partialanalysis; metallurgical and arms industry; metall and weaponfactorys; modernisation.

E-mail: keller26000@gmail.com

*Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ №FEUZ-2020–0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

Металлургическая отрасль промышленности жизненно необходима для каждой страны, заботящейся о своей внешней безопасности и имеющей благодаря этой отрасли современные вооружения и боеспособную армию. Производство вооружений относится к отраслям черной и цветной металлургии, металлообрабатывающей промышленности и машиностроения, в развитии которых на протяжении всего рассматриваемого времени решающую роль играло государство, осуществлявшее, как правило, политику протекционизма при характерном переплетении государственных и партикулярных интересов гражданской и горнозаводской властей, частных предпринимателей и активизировавшихся в ходе реформ 1860–1870-х гг. низших социальных страт: ремесленников, рабочих и крестьян. Пространственная организация металлообрабатывающей и оружейной промышленности анализируется с помощью локализации производства и участников взаимодействия в населенных пунктах сельского и городского типа различной степени урбанизации: в деревнях, промышленных селах, горнозаводских поселках, городах-заводах, региональных и административно-политических центрах. Ключевые отрасли промышленности требовали введения новых технологий, постоянного обмена знаниями, осуществлявшегося при участии иностранных специалистов, горных инженеров, представителей купечества, ремесла и крестьянства.

Ввиду высокой степени сложности этот тематический комплекс анализируется с помощью привлечения различных методологических подходов и концепций: модернизационного, диффузии инноваций, экономической социологии и социальной топологии [см.: 2; 3; 5; 7; 33, с. 5–6; 59]. Американский социолог Нил Д. Смелзер выделяет несколько уровней производственной деятельности, охватывающих представителей всех социальных групп: 1) домашняя промышленность; 2) ремесленно-кустарное производство; 3) рассеянная промышленность (мануфактура); 4) мануфактурное и фабричное производства [58], каждый из которых соответствовал определенному социально-экономическому укладу. В социальной топологии вводится такое понятие, как *время-пространство* (здесь и далее курсив мой. – А.К.), позволяющее по-новому определить место человека, времени и пространства в истории. Понимая историческую событийность как проявление «сущ[е]го» в качестве осмысленного мира, мы способны открыть его действительное время–пространство как процесс совмещения и размещения, складывания и раскладывания различных элементов социальности, где важным является вклад каждого человека в отдельности. История имеет место и это место заклю-

чено в поле антропологического измерения, в точке нахождения самого человека, выводимого за рамки объективистского и натуралистического толкования социально-экономических процессов» [3, с. 83]. Социальная топология раскрывается благодаря анализу социальных (цехи, заводы, институты), культурных (культура труда и общежития) и профессиональных (ремесленные умения, навыки и технологии) практик.

Сочетание российских и зарубежных, государственных и партикулярных практик предполагает присутствие в этом процессе **трех акторов: государства**, представленного гражданской бюрократией, военными чинами и технической интеллигенцией (чиновники, военные, горные инженеры), *специалистов* (мастеров, рабочих) и *предпринимателей* (заводчиков из различных социальных страт) иностранного и российского происхождения, и **трех факторов: форсированных модернизаций** в условиях слабой поддержки полиморфного социума, стимулирующего мобилизующий государственный акционизм; *несвободного труда* зависимого в разной степени населения и, как следствие, узкого рынка рабочей силы; *огромного пространства*, обеспечивающего относительную свободу действий в отдаленных регионах страны, но игравшего отрицательную роль из-за удаленности основных рынков сбыта и повышенных накладных расходов, пространства, создававшего предпосылки для экстенсивного истощения природных ресурсов [34].

В контексте бытования государственных и партикулярных практик в металлообрабатывающей и оружейной промышленности целесообразно сравнить три российских старопромышленных района: северо-западный, центральный и уральский. Первый включает в себя древние новгородские земли от озера Ильмень до Белого моря (Устюжна Железопольская, Тихвинский Посад, Олонецкие горные заводы в Карелии с центром в Петрозаводске, позже в Санкт-Петербурге, как крупнейшем промышленном центре России. Центральный промышленный район, расположенный на территории окского и верхневолжского бассейнов, включает территории традиционных железоделательных районов от Москвы (Московский район) до Твери на западе, Тулы на юге (Тульско-Серпуховской район), Ярославля и Углича на севере, Нижнего Новгорода на востоке [см.: 38, с. 85]. Примерно в этих же границах находился Замосковский горный округ, включавший в себя в первой половине XIX века Владимирскую, Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Калужскую, Орловскую, Тульскую, Костромскую и Вологодскую губернии [9, с. 85]. Наконец, в третьем, уральском промышленном районе (кейсы Златоуста и Ижевска), количество и состав горных округов много-

кратно менялись и к 1886 году в ведении Уральского горного управления оказалось семь горных округов: Вятский, Пермский, Западный Екатеринбургский, Уфимский, Верхотурский, Восточный Екатеринбургский и Оренбургский.

Локализация крупных производств в этих районах определялась близостью к природным ресурсам, а также, особенно в случае с Тулой, наличием профессиональных кадров в виде самостоятельных литейных и кузнечных мастеров. Во всех трех районах в строительстве литейных и оружейных заводов принимали участие иностранные предприниматели. Эти промышленные районы являются торговыми центрами или находятся недалеко от таковых, растут и приходят в упадок (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) в зависимости от инновационной активности и государственного рестриктивного (сдерживающего) вмешательства или кратковременной поддержки, находятся на окраинах экономических и культурных районов, обладают традицией развития нужных им областей промышленности при относительной культурной свободе, в них существуют структуры, способствующие активности, в том числе ремесленное и техническое образование [10, с. 56].

Российская промышленная модернизация с последующей индустриализацией в металлообрабатывающей и оружейной промышленности, согласно общеевропейской практике, предполагает сочетание российского и зарубежного опыта за счет приглашения российских и иностранных специалистов. Для нее была характерна такая черта, как форсированные модернизации с максимальной мобилизацией ресурсов во время военных конфликтов, что привело некоторых специалистов к выводу о том, что Великая Северная война, Наполеоновские войны, Крымская война и Первая мировая война оказались главными в инициации реформ. Это наблюдение отчасти верно, так как войны во многом определяли периодические рывки форсированных модернизаций, определяя способ развития русской металлургии, металлообработки и производства оружия. Александр Гершенкрон показал, что в России XVII–XX вв. преобладала форсированная модель модернизации с заимствованием передовых западных технологий, обусловленная наличием сильной централизованной власти [51]. Форсированная модернизация («сверху») характерна для политики правительства, которая, как правило, предусматривала максимальную централизацию производства и усиленное администрирование в целях строительства армии и флота, производства вооружений в кратчайшие сроки. Напротив, эволюция («снизу»), предполагала базисную

роль мелких и средних производителей в процессах модернизации и развития промышленности [см.: 48; 49].

Необходимость массового производства оружия для регулярных армии и флота толкала русское правительство на крупные проекты для скорейшего достижения результатов, нередко во благо государства, но не широких слоев населения, обязанных нести на себе все тяготы повинностей, получая взамен «кровь, пот и слезы». Учитывая исторический опыт российских модернизаций, их следует рассматривать в сочетании различных форм производства, социально-экономических укладов, культурных традиций, качества прав и свобод, отражающихся на уровне экономических возможностей, дающих значительный импульс в развитии или тормозящих его. При симбиозе малых ремесленных и крупных форм промышленности, в их типологии становления и развития просматриваются схожие признаки: инициация государством строительства заводов, взаимодействие как частного иностранного и отечественного предпринимательства, так и отечественных и иностранных специалистов [19]. Диффузия инноваций приводила к распространению идей, новых продуктов, знаний и технологий, важных для развития металлургического и металлообрабатывающего производств в оружейной промышленности.

История ремесленно-кустарного производства требует пересмотра понятия теории модернизации в двух аспектах: как «широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени)» и как «многовариантного процесса, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед» [5, с. 4]. История ремесленно-кустарного производства показывает, что ремесло не переходит от традиционности к современности, но, преобразаясь в индустриализованное ремесло, рождает новую современность, новые производственные отношения и структуры, новую социальность и новые системы коммуникации, где происходит «взаимодействие между индивидами, творение истории в процессе реализации своих индивидуальных стратегий» [34, с. 7].

Необычный ракурс нашего исследования заключается в том, что феномены индустриализации рассматриваются наряду с «традиционной культурой производства» кустарных промыслов и ремесел. Последние «очутились в некоем интерпарадигмальном зазоре [...], лишившись тематизации и даже простого к себе внимания» [45, с. 3]. В 1989 г. на эту проблему обратил внимание Ю. П. Бокарев: «В современной советской

историографии история промышленности и сельского хозяйства представляют собой два обособленных друг от друга направления исследований. В рамках такого разделения проблема экономических отношений между промышленностью и сельским хозяйством не может найти должного отражения» [11, с.4].

При этом нельзя сказать, что так было всегда. В советский и постсоветский период появился целый ряд работ по истории мелкого ремесленного производства и крестьянских промыслов во время protoиндустриализации и индустриализации в XVII – начале XX века, вошедших в золотой фонд исторической науки, которые использовали в разное время принципы классового подхода, стадийную схему развития социально-экономических формаций, в последние годы – теорию модернизации, совпадающую с первыми во многих пунктах, но ушедшую гораздо дальше в разработке и рецепции теоретических и методологических достижений отечественных и зарубежных авторов последних лет [см., напр.: 6; 31; 39; 40; 41; 42; 43]. Переосмыслить эту историю могут помочь отчасти модифицированные выводы В.В.Адамова о социально-экономической неоднородности промышленного производства на Урале или его многоукладности с упором на механизмы взаимодействия этих укладов в горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности [1, с.225–226]. Сегодня делаются попытки изучения этой полиморфной социально-экономической среды в рамках теории парциальной (или частичной) модернизации [32, с.128, 131].

Упомянутый выше ракурс предполагает написание трех разных историй одновременно – истории *«мастера»*, *«заводчика»* и *«государства»*, в которых мы попытаемся уравновесить противоположные образы *«завода»*, т.е. крупного промышленного предприятия как символа индустриализации и модернизации, и *«ремесленной мастерской»* и *«кустарного района»*, не *«вписывающихся»* в современный (пост)-индустриальный нарратив. Существующий исторический нарратив об исключительно успешном непрерывном пути российской модернизации во имя прогресса на протяжении трех столетий создает концептуальную герметичность больших дискурсов индустриализма, неизбежно ведущих ко все возрастающим потерям при осуществлении индустриальных мега-проектов современности, направленных на повышение показателей роста валового внутреннего продукта (ВВП), имеющего относительное значение для роста благосостояния широких слоев населения [12, с.242].

**Специфика
старопромышленных
районов**

Определим феномен старопромышленных районов с развитым ремесленно-кустарным производством приведенных выше первых трех уровней производственной деятельности как *специальную форму кооперации региональных производителей товаров с характерной для ремесленного-кустарного производства и рассеянной мануфактуры структурой и организацией, специализирующихся на продукции для конкретного заказчика или определенного рынка*. Наиболее известными примерами такой *гибкой специализации с образованием промышленных районов (industry district)* в Европе в XVIII–XIX веках являются лионские ткачи или производители оружия, металлических изделий и специальных сортов стали во французских Клингентале (белое оружие) и Сент-Этьене (огнестрельное оружие), немецких Золингене и Ремшайде (белое оружие), английских Бирмингеме и Шеффилде (белое и огнестрельное оружие), в бельгийских Льеже или Антверпене (огнестрельное оружие) [55, с. 142]. Характерной особенностью всех этих промышленных районов было то, что металл для многочисленных мастерских мелких производителей варился в печах металлургических заводов Шеффилда, Бирмингеме и Уэльса, Лотарингии, Льежа, Антверпена и Рурской области. Во всех этих регионах присутствовал формат производства, характерный для времени перехода от протоиндустриализации к индустриализации в металлургической, металлообрабатывающей и оружейной промышленности, когда ремесленно-кустарный, мануфактурный и промышленный характер производства дополняют друг друга.

Появление крупных индустриальных комплексов, как правило, на месте исторической локализации традиционного ремесленно-кустарного производства, сконцентрированного в старопромышленных районах, богатых железорудными залежами и лесом, служило основой для развития крупной индустрии. Наличие квалифицированных работников отчасти решало кадровую проблему, создавало условия для успешного обучения у иностранных мастеров, адаптации новых технологий и аккультурации иностранных и российских специалистов. В большинстве своем ремесленники, как и купечество российских городов, в том числе Санкт-Петербурга и Москвы, рекрутировались из крестьянского сословия (в отличие, например, от городского ремесла в Германии), прежде всего из ремесленно-кустарных районов северо-западного и центрального старопромышленных районов. С двумя типами малого и крупного предпринимательства связаны и два различных социально-экономических

и технологических уклада, взаимодополняющих друг друга: ремесленно-кустарное-мануфактурное и крупное промышленное производства. В центральном промышленном районе с его главным центром в Москве особо выделялись два традиционных металлообрабатывающих района – Тульско-Серпуховской с центром оружейного производства в Туле на реке Упе, впадающей в Оку, и район на юго-запад от Нижнего Новгорода с центрами металлообработки в Павлово и Ворсме на р.Оке с давней системой взаимодействия крестьянских промыслов в рудопромышленном деле и литейном производстве, с одной стороны, и металлообрабатывающего и оружейного ремесла в городах и промышленных селах, с другой. В северо-западном промышленном районе аналогичными центрами металлообработки являлись Устюжна Железопольская и Тихвинский Посад. Олонечкие же, и в особенности уральские заводы, находились в менее выгодном положении, что касается их доступности для центрального рынка и рабочей силы, и в более выгодном относительно природных ресурсов. Из-за близости Олонечких заводов к театру военных действий и угрозы их потери, истощением ресурсной базы их из центра России, а также с прекращением поставок качественного железа из Швеции, к началу XVIII в. начинается активное строительство заводов на Урале [22, с.362]. Продукция уральских заводов была для русского правительства предпочтительнее продукции Олонечких заводов, на которых в 1720-е годы свертывается производство ввиду дороговизны сырья и недостатка в рабочей силе. Часть рабочих переводится на Сестрорецкую оружейную фабрику под Санкт-Петербургом, часть – на Екатеринбургский завод на Урале [28, с.287, 331].

В этих промышленных районах с гибкой специализацией, где городские ремесленники и сельские промысловики часто сосуществовали с предприятиями крупной металлообрабатывающей и военной промышленности, в концентрированной форме сочетались такие факторы инновационной среды, как наличие опытных заводских и ремесленных мастеров, имевших необходимые технические навыки и опыт работы на средних и крупных заводах, научные знания, носителями которых выступали иностранные специалисты и инженерно-технические кадры. Причем для российской специфики была характерна тесная кооперация посадских и казенных мастеров с сельскими кустарями. Складывалась парадоксальная ситуация, когда из мастеров-кустарей тульского посада и мастеров тульской оружейной слободы, наряду с иностранными специалистами, формировался профессиональный костяк кадров, участвовавших в государственных и частных проектах по строительству

крупных оружейных, чугуно- и сталелитейных, железоделательных, медеплавильных и механических заводов в центральном промышленном районе, в Олонецком крае и на Урале. Из павловских и тульских мастеров комплектовались, например, профессиональные кадры Олонецких заводов: Петровского (1702), Повенецкого (1703), Алексеевского (1705–1706) и Кончезерского (1706–1707), оказавшихся, за исключением Петровского завода, менее жизнеспособными, чем «крупные и мелкие хозяйчики» павловского и тульского посадов, сумевшие просуществовать до конца XIX в.: «Крестьянам не составляло труда поставить мелкую домницу, кузницу или медную мастерскую» [28, с.298, 331].

Но уже задолго до того ремесленники вырабатывали стратегии, поговарившие им не только выживать, но и достигать определенного уровня благосостояния. Исследователь кустарной промышленности К. Н. Сербина обратила внимание на чрезвычайную живучесть кустарных промыслов, а один иностранный путешественник в 1800 г. отметил высокий уровень благосостояния жителей промышленного села Павлово, формально числившихся крестьянами, и полное отсутствие у них натурального хозяйства. По сравнению с казенными заводами «алексинские, серлуховские и тульские "ручные железные заводы", принадлежавшие в 30-е гг. XVIII в. крестьянам и посадским людям, при наличии старой ручной техники работали на покупных руде и угле, производили больше (по сравнению с обычной крестьянской домницей) продукции, имели более широкий рынок сбыта, больший (в 24 раза) доход и большее разделение труда и вели производство только с помощью наемного труда» [41, с.69–70].

Эти ремесленно-кустарные производства эволюционировали в более крупные мануфактурные с узкой специализацией и наемным трудом. Многие из них принадлежали к «безуказным» производствам, что давало правительству и привилегированным заводчикам повод для борьбы с ними, принесшей свои плоды во второй половине XVIII в., когда сведения о крестьянском доменном производстве в Тульской губернии исчезают. Однако во второй половине XIX в. имеется много данных о крестьянах этой губернии, поставлявших железную руду на чугуноплавильные заводы [см. 41, с.50–70; по Уралу: 17, с.85]. Возрождение этих промыслов неудивительно, так как доменное производство имело тенденцию к децентрализации в целях приближения к источникам сырья и топлива [1, с.251]. Утверждение С.Г.Струмилина о том, что кустарное железо в XVIII в. «было хуже заводского, но дешевле» [41, с.67], правильно не для всех случаев. В 1709 г. тульским оружейникам

было запрещено употреблять для делания ружей «ручное железо». Они обязаны были использовать только «сибирское» железо с демидовских заводов. В 1719 году после сравнительного испытания кустарного железа из тульского района и «сибирских» заводов местное «ручное железо» было признано лучшим. Таким образом, доменный промысел крестьян, достигший к середине XVIII века значительного развития, благополучно выдерживал конкуренцию не только с посадским доменным промыслом, но и с многочисленными чугуноплавильными заводами этого района, ибо заводское железо было худшего качества и дороже, чем крестьянское, поэтому последнее вполне удовлетворяло потребности в железе тульских посадских кузнецов [41, с. 60–67].

Мануфактуре вытеснить ремесло так и не удалось тем более, что, по словам К. Маркса, многие из мануфактур представляли не что иное, как расширенную мастерскую цехового мастера. С. Г. Струмилин писал, отмечая преимущества мануфактурного производства железа в начале XVIII в. перед мелким, что эти преимущества были недостаточны, чтобы устранить из продажи кустарное железо [42, с. 59, 67, 83]. Несомненно, дальнейшее технологическое развитие крупного доменного производства предполагало исчезновение крестьянских доменок (как переживших свое время) в целях экономии рудных и лесных ресурсов и переход металлообрабатывающих производств к закупке металла на рынке, подобно металлообрабатывающим мастерским в Западной Европе. Этот пример показывает некоторые преимущества децентрализованного мелкого производства, которое в других, не таких ресурсоемких, отраслях промышленности показывало свою конкурентоспособность, если было способно встроиться в новый технологический уклад. Подавление крупными монополистами мелкого производства давало в долгосрочной перспективе отрицательные макроэкономические эффекты для экономического развития регионов в целом, поскольку не оставляло других вариантов, кроме как движения «в одной колее». Иными словами, стереотип о том, что «большое» всегда хорошо, а «малое» – плохо, не всегда верен.

Начиная с середины XVII в. царские указы о запрещении и сносе частных заводов и заводиков, под которыми зачастую скрывались расширенные ремесленные мастерские, с целью поддержать крупные заводы для выполнения заказов по изготовлению вооружения, не могли воспрепятствовать существованию прежней формы производства в Тульском уезде, тогда как в соседнем Алексинском районе железодельный промысел затухает к 1730-м годам [41, с. 23]. Наиболее характерной чертой для развитой ремесленно-кустарной промышленности в традиционных северо-западном

и центрально-промышленном районах была продукция для разных сегментов покупателей. Для крупных – передельный и литейный чугуны, кричное и листовое железо, для мелких – предметы домашнего обихода: посуда, котлы, горшки, сельскохозяйственный инвентарь [28, с.399; 39; 40].

Ремесленно-кустарный труд должен был со временем исчезнуть вместе с мануфактурой еще в XVIII в.: «Ручной труд неизбежно должен был отступить перед машиной» [42, с.205]. В свете сегодняшних знаний это далеко не так, если под ручным трудом понимать ремесло. Благодаря узкой специализации в так называемых старопромышленных районах цветет мировое древо отраслей (англ. branching-tree world), т.е. существует технологическое многообразие. К.Ф.Сейбель и И.Зайтлин, пользуясь термином *industrial district*, имеют в виду именно кооперацию малых и средних предприятий, сочетающих высокотехнологичное ремесленное производство и уникальные компетенции ремесленного мастера [55, с.151]. Это уже не промышленные районы в классическом понимании старопромышленных районов: такие, как Нижняя Силезия, Урал, Донбасс, Рур, для которых характерны добывающие и отрасли тяжелой промышленности, пик развития которых пришелся на конец XIX – первую половину XX века. Они связаны с высокими экологическими рисками и тяжелыми последствиями для окружающей среды. О подобных побочных последствиях модернизации говорят сегодня философы и социологи Бенжамин Штайнер, Ричард Сеннет, Эрик Аллард [8, с.60–66; 57; 60].

Практики массового рекрутинга ремесленников московским правительством заметно тормозили развитие городского ремесла. Регулярные отзывы мастеров в Москву и перераспределение их на государственные заводы, с одной стороны, не давали развиваться в полной мере традиционным металлообрабатывающим ремеслам в регионах, с другой, – позволяли массированно концентрировать большие трудовые и денежные ресурсы для осуществления крупных государственных проектов¹. Осуществление этих проектов было возможно на базе традиционных

¹К городам, в которые рекрутировались ремесленники, принадлежала и Тула. Здесь в конце XVI в. имелось 183 ремесленника, в 1623 г. – 231. Соответственно в этот период времени увеличилось число лиц, занятых обработкой железа – ремесленников с 20 до 51 в 1625 г., из последних только 10 самостоятельных. Остальные: 17 «наймутца работать в кузницы», 24 «делают и ярыжничают в кузнице». Из 10 самостоятельных мастеров в области работы по металлу 5 «делают ножишка», 2 «делают ножишка», один кузнец, один сапожник и один серебряник. Вообще в Туле мы находим довольно много мастеровых, не имеющих «своих животов», о которых говорится: «питаеца по миру», «скитаеца меж двор» [27, с.34, 43], что, вероятно, связано со спорадичностью государственных заказов и необходимостью искать иные способы пропитания при их отсутствии.

промышленно-промысловых кластеров, в которых происходил симбиоз крупных и мелких предприятий – там возникли ведущие российские индустриальные районы [13, с. 78; 38; 42].

Не будучи ортодоксальным марксистом, М.И. Туган-Барановский, говоря о фабрике, указывал на многообразие промысловых или промышленных районов, характеризовавшихся полиморфностью [43]. Опыт показывает, что старопромышленные или промысловые районы служили благоприятной средой для возникновения ведущих современных российских промышленных районов с предприятиями крупной индустрии, как это было характерно для центрального и северо-западного промышленных районов [14, с. 78]² В отличие от старопромышленных районов европейской России, промысловые районы на Урале формировались, как правило, вокруг построенных горных заводов. В этом смысле ценно наблюдение ученого, подметившего, что крупное заводское и фабричное производство не только препятствовали, но и способствовали развитию ремесел и промыслов, образуя смешанные экономические системы, примеры чего можно найти на Урале [44, с. 269–270]. Это нижнетагильские расписные подносы, каслинское художественное литье, златоустовская гравировка на металле, невянское сундучное производство и невянская икона, гранильное и камнерезное искусство, кузнечное и металлообрабатывающие ремесла.

Актуальность исследований Туган-Барановского подтверждается работами его современника британского эконома Альфреда Маршалла, в конце XIX века разработавшего понятие промышленных районов (engl.: *industrial district*), представлявших из себя единые производственно-сбытовые региональные сети мелких производителей узкой специализации, ориентирующихся на единый рынок сбыта [54]. Эту модель можно распространить и на некоторые российские старопромышленные районы. Внутрирегиональная кооперация таких производителей имела преимуществом их гибкую специализацию, тесную связь и межпроизводственное разделение труда. Такие промышленные районы как правило находятся вне городского пространства в районах традиционного ремесла. Специфика таких районов заключается в их высокой инновативности, позволяющей генерировать новые знания и технологии [47; 55; 56].

Строительство крупных заводов могло стимулировать либо подавлять кустарно-ремесленную деятельность, как это было в районе Тулы или на Урале. Там с основанием крупных металлургических заводов крестья-

²К.Н. Тарновский выделил несколько уровней развития кустарной промышленности: кустарная полоса, кустарная зона, кустарный район, кустарный центр, кустарное гнездо [43, с. 125–126].

янский литейный промысел со временем исчез, в то время как закрытие многих крупных заводов во второй половине XIX в. привело к возникновению множества мастерских по металлообработке с участием бывших заводских рабочих и мастеров. Аналогичная ситуация возникла во второй половине XIX в. с появлением «ювелирного квартала» – новой отрасли в Бирмингеме. Сокращение производства пряжи, игрушек и кнопок привело к освобождению квалифицированных кадров, которые могли быть легко переучены в ювелирной промышленности. Перенос компетенций и организация квартала ювелиров по сетевому принципу повторяли опыт организации мелких производителей в металлообработке [46, с. 1136].

В России политика по стимулированию кустарного и ремесленного производства во второй половине XIX – начале XX в. проводилась с помощью земств как органов местного самоуправления, организацией курсов профессионального образования, промышленных и кустарных выставок [14, с. 50; 19]. К 1912 году в общественности, среди ученых-экономистов и хозяйственников-практиков, появилось понимание того, «что успешность мероприятий земства по развитию кустарных промыслов зависит от единства трех направлений: улучшение техники производства, увеличение размеров кредита и организация постоянного сбыта» [25]. Вследствие этого «пореформенный период был отмечен бурным ростом протоиндустриальной промышленности – кустарных промыслов», составлявших не столько конкуренцию, сколько готовивших кадры для городских ремесленников [18, с. 119–120; 35, с. 33; 44]. В конце XIX века приходит разочарование в «манчестерском» капитализме и начинаются поиски способов социально приемлемого экономического развития. Государственный протекционизм способствовал относительно успешному развитию крупной индустрии, мог оказывать как положительное влияние на развитие производства и появление инноваций во время относительной либерализации, так и сдерживающее при доминировании резко консервативных тенденций, подавлявших личную инициативу. Можно выделить два периода, если анализировать отношение государства к ремеслу и промыслам. Условно с 1650 г. и до отмены крепостного права в 1861 г. можно говорить о протекционизме как государственных, так и частных мануфактур, заводов и фабрик, которым отдавалось предпочтение, если речь заходила об ограничении ремесла, тогда как после земской реформы 1864 года и до 1917 года наряду с крупной промышленностью активно поддерживается ремесленно-кустарное производство [15]. При этом одновременно тормозом и благом для кустарных промыслов было существование горнозаводских администраций. Тормозом, так как последние совместно с горнозаводчиками стремились, за некоторыми

исключениями, ограничить размеры кустарного производства [30, с. 85–86]. Благом, так как после освобождения крестьян и проведения горной реформы многие заводские мастера открыли свои кузницы. Мануфактура ушла в прошлое, а ремесленные предприятия продолжали с переменным успехом существовать: «Заводы исчезли, а знание ремесла осталось» [44, с. 268, 461]. Более того, «в ряде отраслей мелкая промышленность в начале XX в. по сумме производства превосходила крупную» [24, с. 79].

Для промышленных районов с пространственно-децентрализованной организацией производства характерны подворья ремесленников и ремесленные мастерские, которые сосуществовали и эволюционировали вместе с крупной промышленностью, но не перерастали в крупные предприятия, а становились индустриализованными ремесленными предприятиями [см. на примере Германии: 52, с. 43–45]. Их профессиональная сегрегация и глубокое разделение труда были возможны благодаря тесной кооперации ремесленных мастеров, тульских и златоустовских оружейников: ложечников, ствольников и замочников. Такая организация производства, как показали исследования Чарльза Сэйбела и Джонатана Зайтлина, является наиболее близким и эффективным способом создания того, что сегодня называется инновативная среда. Подобные районы существовали в Бирмингеме, Золингене, Ремшайде, Филадельфии и Лионе. Так было в Павлово и Ворсме (Нижегородский край), Туле и Златоусте, где уже функционировали или были сформированы промышленные районы как *альтернативные модели индустриализации с гибкой специализацией* [55, с. 142] Пример этих районов показывает, как может функционировать подобная среда гибкой экономики, рождающая инновации и открывая новые рынки. Например, дезинтегрированные по вертикали, мелкие производители «выпускают материалы или детали друг для друга, создавая сложные сети производства» [10, с. 55]. Такие районы демонстрируют некоторые положения теории сложности (complexity theory). Подобные производственные сети составляли (создавали?) тульские оружейники и павловские скобянщики, ножевщики и замочники, продукция которых помимо государственного заказа находила свой сбыт на территории от европейской России до Персии [55, с. 170].

Иностранцы на русской службе

Для развития горнодобывающей, литейной и металлообрабатывающей промышленности в Россию приглашались как крупные предприниматели, так и специалисты в горном деле и металлургии. В XVII –

начале XIX вв. иностранные мастера вызывались преимущественно из Германии, Англии и Голландии: литейщики, оружейники, кузнецы, механики, слесари, кораблестроители. В XVII в. в Тулу прибыло около 200 (по другим данным около 600), в Ижевск около 150, в Златоуст более 150 мастеров. Наряду с последними рекрутируются по старой традиции русские ремесленники в аналогичных профессиях [20].

Важная роль государства в организации промышленности и строительстве первых доменных и вододействующих молотовых заводов, прежде всего военного назначения, видна в тесной связи трех названных промышленных районов, которая прослеживается на внутренней миграции иностранных специалистов, используемых в целях форсированной модернизации. Что код действия иностранцев лежал в ключе модернизации видно на примере частного предпринимателя на Урале Андрея Кнауфа, государственных управленцев Чарльза Гаскойна в Петрозаводске и Санкт-Петербурге, Виллима Геннина в Олонце, Петербурге и Екатеринбурге. Последний руководил Олонецкими заводами в 1713–1721 гг., форсируя их производство и налаживая работу машин, управлял в 1723–1734 гг. горнозаводской промышленностью на Урале. Несомненно, строительство крупных предприятий имело и свои положительные стороны, так как не всякая капиталоемкая технология могла быть реализована и применена, пусть и в крупной, но ремесленной мастерской. Косвенным указанием на необходимость такого взаимодействия с иностранными специалистами может послужить тот факт, что в конце XVI в. из Москвы в Тулу переводят по приказу царя три десятка кузнецов и оружейников-самопальщиков для производства «казенного» оружия и учебы местных ремесленников, что не принесло видимого улучшения его качества. Лишь несколько десятилетий спустя, в 1630-е – 1680-е годы, голландскими и датскими купцами Андреем Денисовичем Виниусом, Петром Марселисом, Филимоном Акемой и Андреем Бутенантом фон Розенбушем строятся литейные заводы под Тулой и в Олонецком крае с крупным по тем временам доменным литьем, отсутствовавшим до этого в России [6]. Названные «антрепренеры» пригласили в свою очередь иностранных мастеров, что позволило улучшить материальную базу ремесленно-кустарного кузнечного промысла и приступить к выпуску современного оружия.

Известные династии уральских заводчиков Демидовых, Баташевых, Лугининых, Мосоловых, Ореховых вышли именно из Тулы, где произошел один из многих удачных опытов взаимодействия и трансфера знаний между иностранными и российскими оружейниками [42, с. 37–38; 31, с. 71–163]. Тульские и другие мастера и работные люди из центрального

промышленного и северо-западного районов принимали участие в строительстве многих уральских заводов [22]. Имена тех же русских мастеров и иностранных специалистов из «команды» по разведыванию пригодных районов и постройке горных заводов встречаются не только на Урале, но и в Олонецком крае. Горные специалисты из Саксонии И.Ф.Блюер и И.М.Михаэлис, знакомые с практиками кур-саксонского главного лесничего, впоследствии – главного горного начальника в Дрездене, Ганса-Карла фон Карловича, стояли у истоков лесоохранной службы уральских казенных заводов [37, с. 1695–1717]. В 1713 г. именно в Саксонии вышел в свет труд родоначальника понятия устойчивого развития (нем. прил. *nachhaltig*, сущ. *Nachhaltigkeit*; Sustainability) Ганса-Карла фон Карловича «*Sylvicultura oeconomica*, или указание по разведению диких деревьев». Берг-мейстер Иоганн Фридрих (также Иван Иванович, Иван Федорович) Блюер (нем. *Bluher Iohann Fridrich*, 1764–1731) прибыл в Россию в 1699 г. с саксонским генералом-майором Георгом Карлом фон Карловичем (1658–1700), близким родственником Ганса-Карла [50]. В 1702 г. Блюер приезжает вместе с сыном Виниуса старшего, Андреем Андреевичем Виниусом, возглавлявшим к тому времени Пушкарский приказ, на Урал. Академик И.Ф.Герман назвал в свое время Блюера «настоящим виновником рудокопного дела на Уральском хребте». Последний впервые занялся активной контракцией горных специалистов из Саксонии. В результате такого тесного сотрудничества с саксонскими специалистами «фактически на каждом базовом заводском руднике в 20–70-е гг. XVIII в. работал по крайней мере один саксонский штейгер» [26]. Блюер подготовил вместе с В.Н.Татищевым первые рекомендации для восстановления и поддержания лесов вокруг казенного Каменского завода. Именно при Татищеве и Блюере на казенных заводах в штат заводских служителей были введены должности лесного объездчика и лесного писаря. Берграт Мартин Михаэлис прибыл в Россию из Саксонии в 1720 г. Будучи на Урале в 1722 г., он занимался разработкой нормативных документов, регулировавших использование лесов при казенных заводах. Основная цель этих документов заключалась в обеспечении устойчивого воспроизводства лесов [7, с. 229–243].

Можно выделить примерно единый сценарий, по которому происходило взаимодействие и передача знаний иностранных специалистов. Как и ранее в случае с Аристотелем Фиораванти (*Ridolfo "Aristotele" Fioravanti*), Марко Фрязиным, Алевизом Фрязиным старым и Алевизом Фрязиным новым, с английскими купцами в XVI и XVII вв. видна схожая типология действий: иностранные «антрепренеры» обязывались брать в обучение русских уче-

ников и/или вызывали специалистов из-за границы [42, с. 102–103]. После коротких фаз бурного развития, которые можно назвать периодами форсированной модернизации, наступают продолжительные периоды застоя (или замедления), которое вновь сменяется ускорением. В эти периоды застоя приобретенные профессиональные навыки и технологии могут быть забыты, а цикл модернизации с привлечением иностранных специалистов повторяется. Можно заключить, что в России в контексте того времени существовал недостаток не столько в подготовке профессиональных кадров, сколько в отсутствии институтов и благоприятных условий для их развития. Монополии лишь отчасти решали эту проблему, так как иностранные предприниматели должны были в свою очередь приспособливаться к культуре и системе взаимоотношений как с властью, так и с персоналом, что трансформировало в определенной степени привнесенные инновационные механизмы, уменьшая их эффективность.

Важную роль в вербовке иностранных специалистов для организации оружейных предприятий на Урале – Ижевского оружейного завода (ИОЗ) и Златоустовской оружейной фабрики (ЗОФ) «сыграли немецкий фабрикант из Данцига Давид Гильгер и прусский горный советник, бывший директор фабрик графства Маркского в Вестфалии Александр Эверсман» [21, с. 109–110]. А также горный начальник Гороблагодатских, Пермских, Камских и Богословских заводов на Урале и основатель в 1807 году ИОЗ Андрей Федорович Дерябин, хорошо знакомый с опытом горного дела в Германии, Франции и Англии, и владелец Златоустовских заводов Андрей Кнауф, кардинально модернизировавший свой главный актив (Златоустовский завод) во время своего посессионного владения с 1801 по 1811 гг.

Показательно, что у Дерябина, Кнауфа и Эверсмана, которого Кнауф, как и будущего главного механика Горного правления Екатеринбургских заводов Осипа Меджера, пригласил приехать на Урал, идентичные способы организации производства и видение того, как нужно правильно его выстраивать. Назовем, как минимум, пять пунктов: 1) все они приглашают иностранных специалистов; 2) располагают их согласно принятой в Западной Европе практике, т.е. по своим дворам, в виде рассеянной мануфактуры; 3) им хорошо знакомы европейские промышленные практики и технологии; 4) организация при оружейных производствах дополнительных производственных линий по изготовлению инструментов (единственного в России при ИОЗ) и сельскохозяйственного инвентаря (Златоуст, Арти); 5) идея «*общего блага*».

После перехода Златоустовского завода в руки государства его бывший директор А. Эверсман занялся по заданию русского правительства вербов-

кой мастеров в Германии и Франции (Эльзас), необходимых для постройки ЗОФ, а также назначен директором строящейся оружейной фабрики: «Поскольку в числе немецких техников, кроме различных категорий мастеров оружейников, были специалисты по производству стали и железа для клинков, мастера рафинированной стали, "дела насаусского железа" и т.п., введение немецкой техники оружейного дела сопровождалось новшествами и улучшениями в собственно металлургических процессах производства стали и железа. Сталь "сырцовая", или "немецкая", изготовлялась из чугуна с прибавлением железных обрезков в кричных горнах» [16, с.212].

Чернявский Ф. Вид Златоустовского завода, Оружейной фабрики и поселка. Бумага, гуашь. Л: 47х72,8 (из собрания Государственного Русского музея, Санкт-Петербург).

Полное название: Вид с западной стороны Златоустовского завода и Оружейной фабрики, с показанием селения Золингенских мастеров в праздничный день

Представления первого директора ЗОФ А. Эверсмана об ее устройстве существенно расходились с таковыми горных инженеров М.И.Клейнера (главноуправляющий Златоустовскими горными заводами в 1811–1815 гг.) и А.Ф.Фурмана (главноуправляющий 08.06.1815–01.10.1817, горный начальник Златоустовских заводов 03.07.1815–20.09.1820). Противоречие заключалось прежде всего в видении принципов устройства производственного процесса. Эверсман как сторонник сохранения основных принципов производства холодного оружия золингенских мастеров, включающего элементы рассеянной мануфактуры, по аналогии с практикой А.Ф.Дерябина

при постройке ИОЗ, входил в противоречие с принципами централизованного серийного, т.е. массового, производства клинков. В то же время он не был, предположительно, решительным проводником жесткой военной дисциплины. Эверсман предлагал горному департаменту не принимать мастеров на службу, а передать им Златоустовский завод, платя им за готовые изделия. По мнению Эверсмана, строящуюся фабрику необходимо было укрепить бергскими мастерами, Клейнер считал, что можно обойтись силами местных мастеров, а при Фурмане налаживается серийное производство клинков при строгом военном порядке. Неудивительно, что ситуация ужесточения производственного режима на ЗОФ могла способствовать появлению среди немецких мастеров страха потерять свой высокий социальный статус в случае их уравнивания с российскими заводскими мастерами, подмастерьями и рабочими, существовавшими в полуневольном состоянии при невысоком уровне материального дохода по сравнению с социальными и материальными стандартами, существовавшими в стране происхождения немецких переселенцев.

В результате кардинально изменившейся внутрисерийской социально-политической обстановки изменился и статус иностранцев. В отличие от иностранных специалистов, приехавших в Россию в XVIII в. и не часто принимавших решение вернуться на родину, их коллеги в XIX в. «все чаще стали покидать Россию после истечения контракта» [20, с.250]. Последнему обстоятельству способствовали относительная политическая стабильность по результатам Венского конгресса в 1815 г., а также улучшившееся экономическое положение в районах выезда, сопровождавшееся улучшением транспортных коммуникаций с Западной Европой.

Заключение

Намеченная лишь пунктиром проблематика взаимодействия различных социально-экономических укладов в трех старопромышленных районах на примере металлообрабатывающей и оружейной промышленности, не может быть рассмотрена в рамках одной статьи более подробно, чем это видится необходимым. Уничтоженная в конце 1920-х – начале 1930-х годов в ходе индустриализации и коллективизации ремесленно-кустарная экономика позволяла на протяжении длительного времени достигать относительно сбалансированного развития и роста экономики. Неоднородный процесс ассимиляции или колонизации отдельных областей ремесленно-кустарной промышленности крупной промышленностью не мог заглушить кооперацию и интеграцию ремесла в современный индустриальный ландшафт,

которые находили свою нишу как поставщики полуфабрикатов и комплекующих для крупного промышленного производства, так и как производители предметов домашнего обихода и декоративно-прикладного творчества.

Свои колоссальные мобилизационные возможности ремесленно-кустарная промышленность показала во времена Первой мировой войны, выполняя большие военные заказы, и НЭПа, наполняя рынок предметами народного потребления. Сложившаяся историографическая, эпистемологическая и методологическая ситуация в изучении этой проблематики показывает, что исследование истории заводов актуально и перспективно, в том числе в плане финансирования исследовательских проектов, для понимания исторической правды как «правильной» исторической реальности в отличие от истории городского ремесленного и сельского ремесленно-кустарного производства. Такой историографический перекосяк не столь безобиден, как это может показаться с первого взгляда, так как опосредованно и напрямую он формирует мировоззрение и массовое сознание, в конечном итоге влияет на принятие политических решений в экономике. К примеру, в распоряжении правительства от 10.07.2001 «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» говорится о «проблемных», «депрессивных» или «отсталых (слаборазвитых) регионах» «в силу объективных и исторических причин», к которым среди прочих отнесены локальные зоны старопромышленных регионов Центра и Урала [36]. Следовательно, можно заключить, что от того, как будет выстроено внутри- и междисциплинарное взаимодействие ученых, будет зависеть не столько «победа» дискурсов «партикулярного» или государственного интереса, сколько состояние и здоровье экономики завтрашнего дня. Отдание государственного предпочтения развитию крупной и военной промышленности в ущерб традиционным промышленным кластерам, приводило к ее излишней концентрации, дисбалансу в экономике и повышению рисков во время кризисов.

В таком контексте реиндустриализация в эпоху постиндустриальной экономики при условии ее грамотной организации не грозит постройкой массы крупных заводов, «технологии производства и номенклатура продукции которых успеют за время строительства устареть» [13, с. 315]. По нашему мнению, будущее развитие предполагает различные модели организации рабочего пространства как в рамках «завода» или «фабрики», которые будут заменены в ближайшее время полностью автоматизированными производственными комплексами, так и в рамках гибких трансграничных высокотехнологичных производственных сетей,

прототипом которых являлись старопромышленные районы с процветавшей ремесленно-кустарной промышленностью. Для этого необходимо создание таких системных предпосылок, как удовлетворение общественных запросов на справедливость и благосостояние при экономике, использующей положительный международный опыт и направленной на устойчивое и «зеленое» развитие³.

Библиографический список

1. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горно-заводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, изд. УрГУ. 1972. С.225–256.
2. Азаренко С.А. Топологии сообщества. Казань: Познание, 2014. 227 с.
3. Азаренко С.А., Келлер А.В. Теоретико-методологические аспекты социальной топологии ремесла // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. №5. С.81–90.
4. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с. (сер. «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»).
5. Алексеев В.В. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. / Отв. ред. В.В.Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
6. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
7. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII–начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 368 с.
8. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. №9. С.60–66.
9. Арсентьев Н.М., Арсентьев В.М. Замосковский горный округ в истории индустриализации страны // УИВ. №1(166). 2020. С.83–92.
10. Баркер А. Алхимия инноваций [The Alchemy of Innovation. Perspectives from the Leading]. М.: Вершина, 2004. 224 с.
11. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989. 312 с.

³ Успех китайского предпринимателя Джека Ма основан именно на философии поддержки малого бизнеса, получившего возможность сбыта своей продукции через AliExpress – глобальную виртуальную торговую площадку, предоставляющую возможность продавать ремесленникам, самозанятым и мелким предпринимателям свою продукцию и услуги по всему миру.

12. Бокарев Ю.П. Критика теорий догоняющего развития // Экономические реформы в России и за рубежом (История мировой экономики, вып. 3): Сб. ст. М.: Институт экономики РАН, 2014. С.240–251.
13. Бокарев Ю.П. Тем, кто застрял на пороге познания (ответ Максиму Калашникову и прочим апостолам «реиндустриализации») // Там же. С.312–316.
14. Верняев И.И. Промысловые кластеры как локальные этнографические группы: Хозяйство, социум, культура и идентичность (Европейская Россия, середина XIX – первая треть XX в.) // Вестник СПбГУ. Сер.2. 2011. Вып.1. С.47–64.
15. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004. 513 с.
16. Гаврилов Д.В., Рукоусев Е.Ю. Златоустовский чугуноплавильный и железодельный завод // Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия / глав. ред. В.В.Алексеев. Екатеринбург: Издательство «Академкнига», 2001. С.210–218.
17. Голикова С., Миненко Н., Побережников И. Горнозаводские центры и аграрная среда в России. Взаимодействия и противоречия. XVIII – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. 261 с.
18. Гострелл П. Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С.106–126.
19. Душкова Н.А., Григорова В.А. Государственная политика стимулирования кустарного производства во второй половине XIX в.: опыт прошлого для развития современного предпринимательства // Клио. №4 (112). 2016. С.50–55.
20. Ермакова О.К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. №3. С.242–252.
21. Ермакова О.К. Западноевропейские специалисты в составе уральской технической элиты: социокультурная адаптация (первая половина XIX в.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». 2013. №3 (117). С.107–118.
22. Запарий В.В. Предыстория создания металлургии на Урале // Историко-экономические исследования. 2015. Т.16, №2. С.349–365.
23. Запарий В.В. Петровская модернизация и металлургия Урала (1700–1725) // Историко-экономические исследования. 2016. Т.17. №1. С.95–140.
24. Кашаева Ю.А. Основные направления изучения кустарных промыслов Пермской губернии конца XIX – начала XX в. в дореволюционной и советской историографии // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: матер. VI Всерос. науч. конф., 7 апреля 2004 г. Екатеринбург: Урал. гос. техн. ун-т, 2004. Т.1. С.79–87.
25. Кашаева Ю.А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов в 1880-х – 1914 годах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2010. №3. С.94–103.

26. Корепанов Н.С., Корепанова С.А. Вклад саксонских специалистов в развитие горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке // LOMONOSSOW, 1/2011, PP.71–78.
27. Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности. Петроград: К. – О.Петрогубпрофсов, 1922. 156 с.
28. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М.: Госполитиздат, 1947. 763 с.
29. Неклюдов Е.Г. Казенные горные заводы в России и «приватизационные кампании» XVIII–начала XX в. // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения: сборник научных статей и материалов памяти Евгения Юрьевича Рукоусева. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2021. С.187–281.
30. Ольховая Л.В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1964. 327 с.
31. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 564 с.
32. Побережников И.В. Проблема полиморфизма в современных теориях социально-го развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В.Адамова: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып.18). С.126–136.
33. Побережников И.В. Индустриализация в контексте парадигмы модернизации и вне его // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. №16. С.4–14.
34. Побережников И.В. Природа исторической причинности: акторы и факторы // Уральский исторический вестник. 2013. №4 (41). С.6–16.
35. Побережников И.В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы / И.В.Побережников // Экономическое развитие и практика реформ (История мировой экономики, вып.4): Сб. ст. М.: Институт экономики РАН, 2015. С.14–34.
36. Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 N910-р (ред. от 06.06.2002) «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)».
37. Редин Д. Иностранцы выходящие в Екатеринбург: у начала социальной организации города // Quaestio Rossica. Т.8. 2020. №5. С.1695–1717.
38. Рындыонский П.Г. Мелкая промышленность: ремесло и мелкотоварное производство // Очерки экономической истории России первой половины XIX века: сб. ст. под ред. М.К.Рожковой. М., 1959, С.62–117.
39. Рындыонский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е – 80-е годы XIX в.). М.: Наука, 1966. 261 с.
40. Сербина К.Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI – первой половины XIX в. / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. Л., 1971. 264 с.

41. Сербина К.Н. Крестьянская железодельная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978. 192 с.
42. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 535 с.
43. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Радикс, 1995. 280 с.
44. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997. 735 с.
45. Шпилов А.В. Традиционная производственная культура России: сельское хозяйство и присваивающие промыслы: монография. Воронеж: ВГПУ, 2006. 311 с.
46. De Propriis L., Lazzeretti L. Measuring the Decline of a Marshallian Industrial District: The Birmingham Jewellery Quarter // *Regional Studies*, 2009, 43:9, PP.1135–1154.
47. Declercq R. *World Market Transformation. Inside the German Fur Capital Leipzig 1870–1939*. New York, London: Routledge, 2017. 236 p.
48. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. (New York, 1973), PP.47–72.
49. Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities*, Daedalus, Vol. 129, NO1 (Winter, 2000), PP. 1–29.
50. Fryxell A. *Lebensgeschichte Karl's des Zwölften, Königs von Schweden*. Vol. 1. Braunschweig, 1861. 664 S. URL: https://tu-freiberg.de/presse/download/carlowitz/Tabellarischer_Lebenslauf_HCvCarlowitz.pdf.
51. Gershenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, 1962. 456 p.
52. Hahn, H.-W. *Zwischen Fortschritt und Krisen. Die vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts als Durchbruchphase der deutschen Industrialisierung*. (Schriften des Historischen Kollegs, Vorträge, Heft 38). München, 1995. 47 p.
53. Keller A. V. “Raison d’etat and private interest” in Russia in the late 18th century – early 19th century: the example of A. Knauf at metall industry in the Urals, 1797–1830 // *Bylye Gody*. 2015. No37(3), PP. 508–518.
54. Marshall A. *Principles of Economics*, first ed. London, 1890. 750 p.
55. Sabel C.F., Zeitlin J. *Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets and Technology in Nineteenth Century Industrialization, Past and Present*, no. 108 (Aug. 1985), PP.133–176.
56. Sabel C.F., Zeitlin J. (eds.). *World of Possibilities: Flexibility and Mass Production in Western Industrialization (Studies in Modern Capitalism)*. Cambridge University Press, 2002. 510 p.
57. Sennett R. *The Craftsman*. New Haven: Yale University Press, 2008. 326 p.
58. Smelser N.J. *Toward a theory of modernization // Social change: sources, patterns, and consequences*. Ed. By Eva Etzioni-Halevy and Amitai Etzioni. N.Y., [1964], PP.268–284.
59. Smelser N., Swedberg R. (ed.) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton University Press, 2005. 749 p.
60. Steiner B. *Nebenfolgen der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung // Historische Zeitschrift. Beiheft 65*. Berlin, München, Boston: Walter de Gruyter, 2015. 141 p.

Балканы производят
больше истории, чем могут
потреблять.

Уинстон Черчилль

История – это наука
преодоления анархии, наука
обретения целостности
сознания.

Ошо Шри Раджниш

Мало – лучше, чем ничего.

Турецкая поговорка

Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие.

Александр Пушкин

Татьяна Филиппова

**«БАЛКАНСКАЯ
КАДРИЛЬ»
ГЛАЗАМИ РУССКИХ
КАРИКАТУРИСТОВ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК

94

В статье рассматриваются основные темы, сюжеты и образы, формировавшие на протяжении десятилетий проблематику балканского вопроса в интерпретации русской дореволюционной журнальной сатиры. На историческом материале двух острейших балканских кризисов (1875–1878 и 1912–1913 годов) анализируются традиции и новации русского сатирического рисунка в создании образов Турции и ее репрессивной политики на Балканах, а также образы славянских народов в их борьбе за национальное освобождение.

The article deals with the main themes, subjects and images, that formed over the decades the problematics of the Balkan question in the interpretation of Russian pre-revolutionary journal satire. The traditions and novations in Russian satirical drawings that created the images of Turkey, its repressive politics in the Balkans and the images of Balkan peoples in their struggle for national liberation are analyzed on the historic material of two acute Balkan crises (1875–1878 and 1912–1913).

Ключевые слова: Балканский кризис 1875–1878 годов; Русско-турецкая война 1877–1878 годов; Балканские войны 1912–1913 годов; русская журнальная сатира; русская карикатура; образ врага; славянское единство; балканский вопрос.

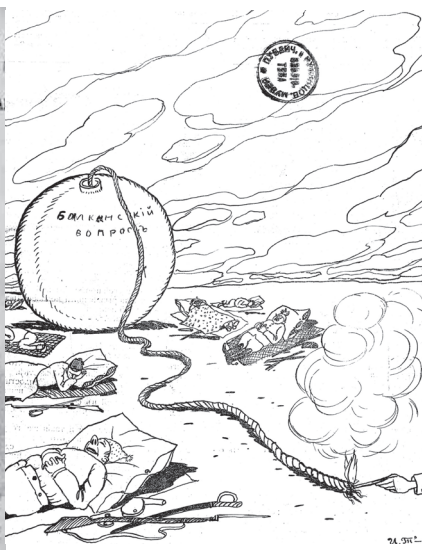
Key words: Balkan crisis of 1875–1878; Russo-Turkish War of 1877–1878; Balkan Wars of 1912–1913; Russian journal satire, Russian caricature; image of the enemy; Slavonic unity; Balkan question.

E-mail: filipova2006@yandex.ru

В русской журнальной карикатуре, за век своей истории – с начала XIX по начало XX века – прошедшей путь от лубочных картинок до высокопрофессиональных рисунков эпохи модерна, можно выявить сюжеты и темы, которые становились этапными моментами в развитии этого яркого, эмоционального, пропагандистски востребованного жанра. Одним из таких, без сомнения, выступала тема «славянской взаимности» на фоне хронически воспаленного балканского вопроса, неоднократно ставившего великие державы на порог конфронтации. Собственно, именно балканская тема периодически выступала главной темой, стержнем *большого* Восточного вопроса, становясь «лицом обложек» отечественных сатирических изданий.

«Будильник». 1876. №6

«Шут». 1913. №2

Трагический для России финал Крымской войны 1853–1856 годов, проигранной к тому же и в пропагандистском отношении, был воспринят как урок – и властью, и обществом. К моменту очередного обострения ситуации в регионе, по праву называвшемся «пороховым погребом» Европы, Россия и ее пресса были уже готовы встретить вызовы балканской темы. Добровольческое движение, подключение общественности (Славянские комитеты) и печати, в том числе сатирической периодики, существенно укрепили внутри- и внешнеполитические позиции в Рос-

сии в обстоятельствах Балканского кризиса 1875–1878 годов и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Идеино-политические, дипломатические, репутационные позиции России в противостоянии с Османской империей – историческим соперником в Евразии и угнетателем славянских народов – существенно укрепились, в том числе и за счет сильного присутствия в медийном пространстве журнальной сатиры, в особенности – ее карикатурного жанра.

В работе Ольги и Сергея Кочуковых ярко и глубоко исследованы состояние и роль как европейской, так и отечественной сатирической графики в эпоху Балканского кризиса 1875–1878 годов [4], что открывает возможность сделать интересные и показательные конкретно-исторические сравнения в направленности, риториках и образном ряде «языка вражды» в трактовке «врагов славянства» на разных этапах развития «балканской темы». Подобные сравнения важны и при оценке «языка приязни» журналистов-сатириков в отношении православного населения Балкан в его стремлении к национальному, политическому, духовному, культурному освобождению. Тем более, что история начала XX столетия не только добавила много драматических поводов для развития темы и ее сатирической интерпретации, но и качественно расширила диапазон журналистских возможностей российской печати в целом и сатирической журналистики, в частности, на фоне талантливых художественно-стилистических достижений эпохи модерна, коснувшихся жанра сатирической графики [6, с. 15–17].

Речь идет о событиях двух Балканских войн – 1912–1913 годов, лишний раз продемонстрировавших, что содержимое «порохового погреба» Европы всегда готово взорваться масштабными региональными войнами, грозящими европейской (как оказалось впоследствии – и мировой) стабильности в целом. Интересно проследить, как, в *каких формах* и *критических риториках* наследовала русская журнальная сатира «балканский сюжет» из эпохи в эпоху, как менялись ее средства выразительности, приемы критики врага и выражения сочувствия в текстах и рисунках авторов¹.

Шок от революционного «старта», предварившего очередной виток модернизаций в России и Турции (Первая русская революция 1905–1907 годов в Российской империи и Младотурецкая революция 1908 года в Османской), заставили российских государственных деятелей, политиков, ученых, общественных деятелей и журналистов внимательней

¹Работа базируется на материалах наиболее массовых, популярных и талантливых сатирических журналов двух эпох – «Будильник», «Развлечение», «Шут», «Сатирикон».

присматриваться к опыту южного соседа, традиционного соперника России в Евразии. Разработка младотурецким руководством моделей переустройства Османской империи (в том числе и на Балканах) и западное соперничество, стоявшее зачастую за этими проектами, обостряли реакцию отечественной прессы и драматизировали отражение этой темы на фоне хронически воспаленного Восточного вопроса.

Многие сатирические рисунки начала XX века, как и во время Балканского кризиса 1875–1878 годов, несли на себе отпечаток противоречивого, драматического слияния иронии и страха, сострадания и ненависти, сарказма и сочувствия, создавая пространство для широкой гаммы эмоций и переживаний, столь свойственных этическому и эстетическому своеобразию русской политико-культурной и художественной традиции. Особенно – когда дело шло о защите славянских народов от репрессивной политики османских властей.

Две Балканские войны 1912–1913 годов стали производным не только от застарелого конфликта в регионе между дряхлеющей империей и молодыми (в политическом отношении), национально ориентированными силами славянских народов, но и от традиционных эгоизмов западных держав, стремившихся к ослаблению России в регионе и укреплению своего политического и экономического присутствия в некогда «Блистательной Порте» – вопреки или за счет интересов славянства и балканских стран, уже готовых объединиться пред лицом очередных османских репрессий.

Чтобы точнее понять линии сатирической критики в отечественной карикатуре, обрисуем вкратце основную фабулу тогдашнего конфликта. Линия России в балканском вопросе, выработывавшаяся после крупных дипломатических поражений России (аннексия Австрией Боснии и Герцеговины и вынужденное признание этого акта Россией под влиянием ультиматума Германии в марте 1908 года), базировалась на тактике формирования обновленного Балканского союза с участием Турции и всех других балканских государств при моральной поддержке России. Но нарастание конфликта в регионе, откровенное противодействие российским планам со стороны Германии и Австро-Венгрии [2, с. 112] делали все менее реальными идеи умиротворения Балкан или хотя бы «консервации» конфликтогенной ситуации. Германское вооружение турецкой армией еще не было освоено, а мобилизация турецкой армии не была завершена. При этом жестокость подавления турецкими властями свободолюбивых выступлений в своих европейских владениях и восходящая линия

развития славянских национализмов обеспечили мощное моральное обоснование выступлениям балканских союзных сил против Турции.

При всех стилистических и изобразительных отличиях в показе «балканских ужасов», русские журналисты-сатирики в разные эпохи с единым чувством возмущения демонстрировали «турецкие зверства» в отношении христианского населения.

«Будильник». 1876. №3

«Шут». 1912. №45

Ослабление центральной власти, в немалой степени обусловленное младотурецкими реформаторскими экспериментами по лекалам Запада, и выжидательная позиция европейских держав только ухудшили обстоятельства, при которых Стамбул вынужден был принять вызов объединившихся Болгарии, Греции, Сербии и Черногории². Последствия не замедлили проявиться.

Однако новообразованный союз не только не сохранил мир на Балканах, но и усугубил остроту кризиса. Закрытие Турцией в апреле 1912 го-

²Первым этапом складывания Балканского союза стали переговоры между Сербией и Болгарией (при участии российских представителей), завершившиеся подписанием в марте 1912 года сербо-болгарского союзного договора. Через 2 месяца была подписана военная конвенция с установлением количества войск, выставляемых против Австро-Венгрии и Турции; спустя полмесяца Греция достигла соглашения с Болгарией о совместных действиях в случае конфликта с Турцией. Позднее Греция заключила подобное соглашение с Сербией, заключив с Болгарией военную конвенцию. В сентябре 1912 года между Черногорией и Болгарией было заключено соглашение о совместных действиях в случае конфликта с Турцией.

да Проливов для торговых судов вызвало недовольство России и привело к непопулярности идеи едва наметившегося российско-турецкого сближения. Поражения, нанесенные албанцами туркам в июне 1912 года, волнения в Македонии, на которые младотурецкие власти ответили репрессиями в духе «достойного» продолжения старых османских традиций Балканского кризиса 1875–1878 годов, детонировали взрывом возмущения балканских народов и сделали войну реальностью. В октябре 1912 года страны-участницы Балканского союза одна за другой объявили войну Османской империи.

Результаты успешного ведения союзниками войны потрясли и Турцию, и заинтересованные державы «европейского концерта». С октября 1912 года союзники нанесли турецкой армии ряд поражений и быстро продвинулись в сторону Стамбула, сумев закрепиться у Чатаджи, вблизи столицы Османов. Озабоченное очередным балканским конфликтом правительство России и восхищенное победами союзников русское общество внимательно наблюдали за событиями.

В этих условиях российские сатирические журналы подчеркивали, главным образом, два обстоятельства конфликта – неготовность турок к ведению современной войны и преступное бездействие западных государств в кризисной ситуации, в очередной раз подрывающей стабильность в регионе.

В одном из ноябрьских номеров 1912 года, уже после того, как Турция потерпела поражение от Болгарии, Греции, Черногории и Сербии, а остатки турецкой армии укрепились всего в 40 километрах от Стамбула, появляется примечательная карикатура под названием «Ежедневный утренний доклад». Придворный со словами ободрения обращается к только что проснувшемуся, но уже взволнованному султану: «О, солнце мира! Мы еще в Европе...». Меж тем европейские владения Турции сокращались со скоростью «шагреновой кожи»...

В том же месяце «Шут» помещает на обложке очередного номера рисунок под названием «Османский оптимизм» с изображением связанного турка-калеки. Кисти рук и ступни ног у него оторваны, да к тому же на него нацелены жерла пушек балканских союзников. Рядом валяются сломанные ружье и сабля (уже бесполезные для калеки), да дырявый мешок с надписью «казна». Карикатура обыгрывает малообоснованное бодрячество официального Стамбула, заявившего в конце ноября о том, «что положение признано отнюдь не безнадежным». С вымученной улыбкой искалеченный турок произносит:

– «Не понимаю, что тут есть безнадежного? – Стоит мне только немного освободиться от веревок, починить мое ружье – и я снова ринусь в кровавый бой с неверными».

«Шут». 1912. №43

«Будильник». 1918. №5

Тема неадекватного восприятия Турцией своего положения – на фоне не слишком лояльного, мягко говоря, отношения западных держав к ней – была подана карикатуристами сколь ярко и остроумно, столь и традиционно для русской сатиры на эту тему. Так, в контексте Балканского кризиса 1875–1878 годов на политическом материале эпохи она уже звучала не раз – вплоть до общих приемов визуализации сюжета: Турция как неизлечимый больной, дряхлый старик или калека; державы Запада – воплощение равнодушия к судьбе как Турции, так и славян; подлинный смысл их позиции – собственные военно-политические и финансово-экономические интересы в державе Османов и противодействие укреплению России в регионе. Типичный сатирический рисунок времени тогдашнего кризиса – британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли у постели больного турка, лицемерно сочувствующий его безнадежному положению.

Ситуация конца 1912 года, когда, несмотря на военные успехи Балканского союза, дальнейшее продвижение его войск затормозилось, дала участникам кон-

фликта некоторую передышку. Затянувшаяся осада Адрианополя, приостановка наступления болгар на Чаталджу, безуспешные попытки черногорцев обложить Шкодер, готовность Австро-Венгрии вступить в войну, дабы помешать усилению Балканского союза – все эти и многие другие обстоятельства развития военного конфликта заставили стороны приступить к переговорам, а затем и собраться в Лондоне. Упрямство турецкой стороны, не желавшей принять реальность территориальных потерь, затянуло переговоры до января 1913 года. Осман Низами-паша, уполномоченный на переговорах от Турции, самоуверенно заявил, что приехал не подписывать мир, а доказывать, что у Турции достаточно сил, чтобы продолжать войну [3, с.163–165].

Новогодний номер «Шута» открывает рисунок весьма символического свойства, прогнозирующий те перемены по части политической географии, которые принесет Балканам и Европе в целом новый, 1913 год. На обложке изображен старый турок, он угрожающе склонился над крепким, розовощеким младенцем, олицетворяющим Новый год. В руках у ребенка – разрезанная «Карта Европейской Турции».

«Турок. – Что ты наделал: всю карту испортил!

Новый год. – Это не я, а дедушка Хронос разрезал... а я ее только по-новому склею...».

Отметим, слегка отступая назад, что тема «картографирования» балканских конфликтов была характерна для русской журнальной сатиры и в предшествующую эпоху, иллюстрируя имперские грезы западных держав в Восточном вопросе.

Однако «склеивать по-новому» балканское пространство, на котором никак не могли успокоиться его боевые обитатели, оказалось затруднительно. Внутриполитический кризис в Стамбуле и использование передышки на фронте позволили Болгарии в начале февраля 1913 года собраться с силами и вновь приступить к боевым

«Шут». 1913. №2

действиям. Падение Адрианополя и Янины, осада Шкодера и другие яркие события второго этапа Первой Балканской войны завершились в конце мая 1913 года подписанием в Лондоне мирного договора («мира на вечные времена»)³.

«Будильник». 1877. №48

Некогда могучее османское воинство, гроза Евразии, потерпело эпохальное поражение, причем не от великих держав, а от народов и стран, по традиции воспринимавшихся Западной Европой как глухая периферия цивилизованного мира.

Впрочем, потеря Турцией большей части своих европейских владений, отметив важный исторический рубеж в судьбах Османской империи и ее соседей, не означала завершения вооруженного конфликта на Балканах. На этот раз «пороховой погреб» Европы пополнила взрывоопасная смесь амбиций, противоречий и взаимных претензий со стороны союзников-победителей, балканских стран, в одночасье ставших врагами. Балканские национализмы все более правили бал в регионе⁴. Столкнувшись с необходимостью самим, без посредничества великих держав, делить завоеванные в Первой Балканской войне территории, страны-союзницы, ощутив вкус

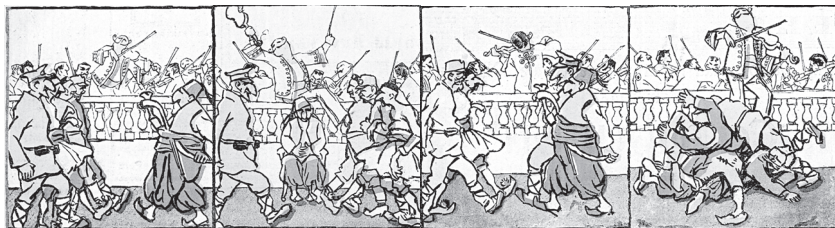
³ Основные пункты договора сводились к тому, что Турция отдавала под контроль Балканского союза (кроме Албании, статус которой был оговорен позже, Стамбула и его окрестностей) почти все свои европейские владения, отказывалась от Крита в пользу Балканского союза. Великие державы должны были осуществлять опеку над турками, проживающими на островах Эгейского моря и его побережьях (кроме Крита и окрестностей горы Афон). В Париже предполагалось создание специальной комиссии по урегулированию экономических последствий войны.

⁴ Болгарские власти стремились создать Великую Болгарию, сербы – получить выход к Адриатическому морю и расширить свои границы, греки хотели объединения побережий Эгейского моря в единую Грецию, черногорцы желали присоединения севера Албании к королевству Черногория. Спор между союзниками шел о принадлежности Македонии, Фракии, севера Албании. Бухарестский мирный договор (10 августа 1913) как итог Второй Балканской войны зафиксировал утрату Болгарией практически всех ее завоеваний в Первой Балканской войне. Македония была разделена между Сербией и Грецией. За Болгарией сохранилась лишь Пиринская ее часть и кусок Фракии с узким выходом к Эгейскому морю. Южная Добруджа отошла к Румынии. Турции удалось забрать у Болгарии часть западной Фракии с Адрианополем.

к территориальным приобретениям, сделали Вторую Балканскую войну неизбежной [5, с.97–98].

Вторая Балканская война, получившая также название Межсоюзнической (29 июня – 29 июля 1913 года), была непосредственно спровоцирована Австро-Венгрией и Германией. Она завершилась поражением Болгарии, что привело к усилению Франции, Австро-Венгрии и Германии на Балканах, ослабив позиции России. Завоеванная Болгарией в ходе Первой Балканской войны территория была разделена между странами-победительницами.

С момента начала этого конфликта, резко критически осмысливавшегося русским обществом как проявление кризиса «славянской взаимности», тональность сатирических публикаций на балканские темы ощутимо меняется. Недостойную ссору между бывшими союзниками по борьбе с «османским ярмом» журнал «Сатирикон» не без едкой иронии называет «балканской кадрилью», когда в «танце» под чужую дудку то сходятся, то расходятся, меняя партнеров и явно мешая друг другу,

«Сатирикон». 1913. №39

балканские народы, сражающиеся на этот раз не за национальные интересы, а за националистические эгоизмы своих властей и имперские амбиции великих держав.

Чем грозила беспокойным обитателям «порохового погреба» их увлеченность подобными «танцами», показывает «Шут» на рисунке под названием «Удобный момент». Покалеченный, но настроенный на реванш турок, воспользовавшись конфликтом между Сербией и Болгарией, перед тем, как покинуть поле боя, пытается дотянуться до уже отрезанного «ломтя» – Адрианополя, приговаривая:

«А не захватить ли по пути кроме моих, и их собственные вещички? Хе-хе, мы и одной рукой справимся, если другую отрезали!»

Длившаяся меньше месяца, но ставшая «самой кровавой кампанией» [7, с.592] в балканских конфликтах той эпохи, Вторая Балканская

война изменила соотношение сил в регионе, позволив «турку» все-таки «дотянуться» до Адрианополя и на время частично отыграть часть потерянных территорий.

Настроения, охватившие русскую печать в обстоятельствах Вто-

«Шут». 1913. №28

«Будильник». 1878. №9

рой Балканской войны и отразившиеся в сатирическом рисунке, продемонстрировали новые трактовки в изображении балканской темы. Одобрение действий антиосманских сил в регионе уже не было со стороны России столь однозначным и всецелым, как ранее. Рассмотрим, с какой безграничной, покровительственной любовью изображали сатирики 1870-х годов отношения «России-заступницы», «России-кормилицы» к ее «младшим братьям», христианам Балкан, значительная часть которых была освобождена от Османского ига в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. И сравним эту картину едва ли не материнской заботы о них с новой сатирической риторикой 1910-х – в духе уже упомянутой «балканской кадрили»...

Разумеется, и в Балканских войнах начала XX века русские сатирики однозначно сочувствовали страданиям славян. Однако авторы сатирических изданий безошибочно различали

интересы народов Балкан и их политических элит. В авантюризме и корыстолюбии последних русские сатирики усматривали причину больших проблем – и для собственных народов, и для Европы в целом. Более всего достается от русских сатириков Фердинанду Бол-

гарскому – за ведение своей политики в фарватере западных держав и за игнорирование задач славянского единения. Впрочем, исправно подвергаются критике и другие участники антитурецкого союза, сумевшие так быстро и недостойно перессориться при дележе своих завоеваний. Распад Балканского союза, оценивавшийся российской дипломатией как существенная потеря [1, с.342], в том же духе воспринимался и сатирической журналистикой. На карикатуре «Шута» под названием «На Балканах» четверо бывших союзников (*Сербия, Черногория, Болгария и Греция*), пряча пистолеты за спиной и недоверчиво поглядывая друг на друга, лицемерно заверяют:

«Не правда ли, милые соседи, мы снова – старые друзья».

Итак, по мере развития темы в оценке поведения бывших балканских союзников, многие из которых в своей недавней истории не только обрели свою государственность, но и смогли физически выжить лишь благодаря помощи России, в работах художников-сатириков был замечен рост критической тональности.

Столь же новым настроением было появления нот если не сочувствия, то, по крайней мере, снисходительной жалости к Турции на фоне понимания проблем, вставших перед дряхлеющей империей в результате сокращения территорий и потери внешнеполитического авторитета в результате Балканских войн. Сомнительность австрийской и германской помощи Турции в Первой Балканской войне, равно как и неискренность миротворческих устремлений Габсбургов и Гогенцоллернов во Второй Балканской войне российские журналисты трактуют как одну из основных причин турецких неудач. По принципу: при таких «друзьях» и врагов не надо...

«Шут». 1913. С.33

Сатирические журналы эпохи пестрят изображениями раненого, покалеченного, больного старика – «турка». Апофеозом темы становится сатирический рисунок, на котором коварный и хищный «германец»

подталкивает увечного турка вперед, на поле боя, при этом вытаскивая из его кармана кошелёк...

Русские сатирические издания в условиях военного конфликта между

«Шут». 1913. С.22

союзниками подчеркивали роль России как миротворца, стремящегося не только урегулировать ситуацию между балканскими странами, но и показать всему миру, *кто* стоит за кулисами войны, провоцируя очередное обострение в регионе.

При этом весь комплекс публикаций в русских сатирических журналах на тему Балканских войн и их последствий для судеб славянского мира был проникнут, прежде всего, чувствами горечи *несбывшегося* и глубокой обиды. Из-за омрачения внутренними склоками долгожданного освобождения большинства

балканских земель от турецкой зависимости; из-за несостоявшегося торжества славянского «единения»; из-за неуслышанных слов благодарности России за помощь в борьбе за свободу и суверенитет...

И, несмотря на то, что итоги Балканских войн не были однозначны, принеся и успехи, и поражения российской внешней политике [1, с.344–345], настроения значительной части общества, отражаясь в сатирической печати, свидетельствовали о довольно скептическом восприятии как самих этих событий, так и их действующих лиц. «Славянская взаимность» – под раскаты Балканских войн – все более уходила в сферу исторических метафор, находя себе временное прибежище в частных проявлениях взаимной духовной и культурной приязни тех или иных славянских народов. Признаком новой эпохи становились жесткие проекты национальных элит по части выстраивания союзов с целью новых территориальных приобретений или отстаивания прежних владений, свободные от прежнего романтизма идей «славянского единения».

Лишь звуки легендарного марша «Прощание славянки»⁵ будут еще не раз напоминать о былой героике балканской темы. «За любовь, за славянское братство // Отдавали мы жизни свои». Словам этой до боли знакомой россиянам мелодии суждено было стать тревожным рефреном расставаний, надежд на встречу и призывов в очередной раз умереть за «славянское братство»...

Библиографический список

1. Аветян А.С. Обострение русско-германских противоречий и консолидация Антанты накануне первой мировой войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения. 1997. С.340–365.
2. Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912 гг. М.: Изд. Моск. Ун-та. 1960. 266 с.
3. Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. Москва: Вече, 2000.
4. Кочукова О.В., Кочуков С.А. Россия и Балканский кризис 1875–1878 гг.: сатирическая графика в «журнальных войнах». Саратов: «Техно-Декор», 2021. 292 с.
5. Рябинин А.А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. 542 с.
6. Филиппова Т.А. «Большой человек» в эпоху войн и революций. Образ Турции в русской журнальной сатире. 1908–1918. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. 304 с.
7. Kinross J.P. The Ottoman Centuries. The Rise and Fall of the Turkish Empire. N.Y. Morrow Quill Paperback. 1977. 638 p.

⁵Первым этапом складывания Балканского союза стали переговоры между Сербией и Болгарией (при участии российских представителей), завершившиеся подписанием в марте 1912 года сербо-болгарского союзного договора. Через 2 месяца была подписана военная конвенция с установлением количества войск, выставляемых против Австро-Венгрии и Турции; спустя полмесяца Греция достигла соглашения с Болгарией о совместных действиях в случае конфликта с Турцией. Позднее Греция заключила подобное соглашение с Сербией, заключив с Болгарией военную конвенцию. В сентябре 1912 года между Черногорией и Болгарией было заключено соглашение о совместных действиях в случае конфликта с Турцией.

Сергей Матвеев

**«ЭТО ВДВИГАЕТ
ИСТОРИЮ
НАЦИОНАЛЬНУЮ
В ОБЩУЮ РАМКУ
ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»:**

**ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ СУХОТИН И
ЕГО УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК

94

В статье анализируются учебники по всеобщей и русской истории, написанные Львом Михайловичем Сухотиным (1879–1948) для детей русских эмигрантов в Югославии. В них автор развивал традиции учебной литературы, заложенные В.О.Ключевским и П.Г.Виноградовым. Учебники были направлены одновременно на сохранение культурной идентичности в молодом поколении и его адаптацию к условиям эмиграции.

The article analyzes textbooks on World and Russian history written by Lev Mikhailovich Sukhotin (1879–1947) for children of Russian emigrants in Yugoslavia. Author developed traditions of educational literature, laid down by V.O.Klyuchevsky and P.G.Vinogradov. His textbooks were aimed at preserving cultural identity in the younger generation and at adapting them to conditions of emigration.

Ключевые слова: Л.М.Сухотин; В.О.Ключевский; П.Г.Виноградов; эмиграция; учебники; русская школа за границей.

Key words: L.M.Sukhotin; V.O.Klyuchevsky; P.G.Vinogradov; emigration; textbooks; Russian school abroad.

E-mail: ceregamatveev@gmail.com

В русской эмиграции первой волны сформировалась уникальная система образования, направленная, в первую очередь, на сохранение национальной и культурной идентичности подрастающего поколения. В сложных условиях жизни на чужбине функционировали русские школы, создавались новые учебные пособия, совершенствовались научно-педагогические подходы к обучению. Все это было возможно благодаря русским ученым и педагогам, верившим в возвращение на Родину. К их числу принадлежал Лев Михайлович Сухотин – историк, генеалог и директор русской женской гимназии в Белграде, автор ряда учебников по русской истории.

**Учебники Л.М.Сухотина
в трудах российских
и зарубежных ученых**

Учебные пособия, созданные представителями русской эмиграции, неоднократно привлекали внимание исследователей [5; 6; 11; 19; 22; 23].

Учебники Л.М.Сухотина также попадали в поле зрения специалистов. Например, С.П.Бычков и В.П.Корзун в учебном пособии по историографии упоминали их в контексте развития русской исторической мысли за рубежом [8]. В ряде работ М.В.Ковалева рассмотрено содержание некоторых учебников Сухотина через призму отражения в них имперской идеи и исторической памяти русской эмиграции [17; 18]. А.А.Димьяненко, изучая историю издания образовательных книг для детей в эмиграции, обращалась к учебникам Сухотина и рецензиям на них, опубликованным в журнале «Русская школа за рубежом» [13]. Следует отдельно отметить фундаментальные работы В.Г.Безрогова, посвященные букварям и учебникам для начальной школы [5; 6]. Изучением места учебных пособий как части педагогического наследия русской эмиграции в мировом образовательном пространстве занималась Е.Е.Седова [22]. В соавторстве с Ю.Ю.Тереней Седова подготовила «Учебники для начальных классов как средство национального воспитания в Русском зарубежье "первой волны"», причем учебные пособия рассматривались в контексте деятельности эмигрантов по сохранению культурной идентичности [23]. Кроме того, следует выделить работу В.Ю.Волошиной, где освещались проблемы, с которыми сталкивались русские учебные заведения за границей, в том числе и в области составления, издания и использования учебных пособий [11]. Учебники, созданные представителями русской эмиграции, вызывают интерес и у зарубежных ученых. Например, сербская исследовательница К.Кончаревич изучала особенности учебных пособий по русскому языку, изданных в Югославии [19].

**Жизнь и деятельность
Л.М.Сухотина в начале XX в.**

Лев Михайлович Сухотин родился 25 декабря 1879 г. в семье земского деятеля, члена Государственной думы I созыва Михаила Сергеевича

Сухотина и Марии Михайловны, урожденной баронессы Боде-Колычевой. В 1898 г. Сухотин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Уже во время учебы определились его научные интересы: социальная история и связанная с ней генеалогия. Особое влияние на студента оказал В.О.Ключевский, от которого были восприняты методика источниковедческого анализа и общая концепция событий XVI–XVII вв. [20; 24].

Лев Михайлович Сухотин. Около 1908 г. Центральный государственный архив г. Москвы. Ф.376. Оп.1. Д.3893. Л.3

По окончании университета Сухотин занялся общественной деятельностью, а к научным исследованиям вернулся только спустя пять лет. Он начал серьезно работать в архивах и вскоре опубликовал несколько

ко ценных трудов по истории и источниковедению Смутного времени. Сначала вышел в свет его основной генеалогический труд, посвященный собственному роду [33], а затем три крупных сборника документов: о земельных пожалованиях при царе Владиславе (1610–1611 гг.) [25], четвертиках¹ Смутного времени [37] и первых месяцах царствования Михаила Федоровича [34]. Они вводили в научный оборот ценные источники по истории служилого сословия и до сих пор сохраняют научную актуальность.

После начала Первой мировой войны Сухотин прервал исследования и приступил к работе в Земгоре, а после Октябрьского переворота переехал на юг России, где занимался вопросами земского самоуправления в администрации А.И. Деникина. В марте 1920 г. историк был эвакуирован в Белград, где продолжил изучение эпохи Ивана Грозного и Смутного времени, подготовив цикл статей под общим названием «К пересмотру вопроса об опричнине» [29–31]. Также он занимался литературоведением, изучал творчество А.А. Фета и публиковал его стихи [39].

Эмиграция, несмотря на все бытовые и жизненные трудности, открыла новое пространство для общественной и научной деятельности Сухотина. Кроме того, он занялся преподаванием: в октябре 1920 г. получил место в смешанной русско-сербской гимназии, а с 1931 г. возглавлял русскую женскую гимназию, оставаясь на директорской должности до оккупации Югославии немецкими войсками [4, с. 137].

**Педагогические воззрения
Л.М. Сухотина и идея
славянского единства**

Русские гимназии в Белграде были созданы при финансовой поддержке сербского правительства благодаря инициативе правоведа,

бывшего преподавателя Александровской военно-юридической академии, профессора В. Д. Плетнева и группы ученых педагогов, в число которых входил и Л. М. Сухотин [4, с. 38]. Гимназии оказались в сложных условиях существования, будучи одновременно в двух образовательных системах: страны, в которой они действовали, и зарубежной России. Первая система требовала от школ деятельности, направленной на ассимиляцию и интеграцию детей русских эмигрантов в принимающее общество. В то же время образовательная система, сложившаяся в эмиграции, была ориентирована на продолжение

¹Представители служилого сословия, получавшие годовое жалование из казны четвертных приказов.

дореволюционной педагогической традиции и сохранение русской идентичности, что в крайней форме приводило к ее консервации, ограничению контактов с балканскими сверстниками и изоляции от процесса естественной ассимиляции [14, с. 312–313]. Решением этой проблемы, по задумке Плетнева, должно было стать создание гимназии, в основу которой будет положена «национальная русско-сербско-славянская идея», что обеспечит воспитание носителей «сербско-русского единения и политической близости» [4, с. 36]. Плетнев писал: «В конце концов нам пришла на ум мысль, что национальная идеология школы должна реализоваться в последовательном развитии общечеловеческих идеалов, с использованием культурно-русских и общеславянских достижений ранних эпох. <...> Руководствуясь этими мыслями, нами была составлена программа и план школы с гуманитарным уклоном. В таком виде школа удовлетворяла нужды времени, как и высшие цели русского народа и задачу объединения в мощную федерацию всего славянства» [цит. по: 4, с. 37]. Такой подход отличал гимназию от других, более консервативных и закрытых кадетских корпусов и институтов благородных девиц, действовавших в Югославии.

В гимназии до реформы русских средних учебных заведений 1924 г. разрабатывались собственные образовательные программы, активно велось преподавание сербского языка, литературы, славянской филологии, а также основ государственного права королевства СХС (сербов, хорватов, словенцев. – *С.М.*). Занятия проводились на сербском и русском языках. При этом «столпами национальной русской школы» объявлялись русская литература и история. Дореволюционные учебные программы по этим предметам расширялись и были переработаны с учетом требований нового времени [4, с. 48]. В 1925 г. в ходе реформы русских средних учебных заведений Плетнев был уволен с должности директора. Гимназия была разделена на мужскую и женскую, а ее учебные программы подверглись унификации с программами других учебных заведений. Однако заложенные Плетневым идеи были продолжены в педагогической практике нового директора женской гимназии, Сухотина, и нашли отражение в его учебниках, что выразилось, например, в рассмотрении некоторых событий русской истории в контексте истории Восточной Европы. Кроме того, Сухотин написал учебник по истории славян на сербском языке [38], который использовался в руководимой им гимназии.

Потребность в новых учебниках для детей эмигрантов

В эмигрантских школах очень остро ощущалась потребность в учебных пособиях. Даже в рамках новых учебных программ, разработанных

в гимназии, руководимой В. Д. Плетневым, предполагалось использование дореволюционных учебных пособий. При этом дореволюционные учебники не соответствовали образовательным потребностям эмиграции. Многие из учебников устарели методически и содержательно, т.к. не учитывали изменившегося взгляда на многие исторические события. К тому же таких пособий не хватало для обеспечения учебного процесса [23, с. 120–121]. Подготовка новых пособий должна была восполнить этот пробел.

Л. М. Сухотин подготовил несколько учебников, рассчитанных на различный возраст учащихся и содержавших курсы мировой и русской истории [26; 27; 28; 35; 36]. Стремясь сохранить национальную идентичность эмигрантской молодежи, автор уделял приоритетное внимание истории культуры. Он писал: «Предмет всеобщей истории – рассмотрение и описание культурного развития человечества [...]. История изучает жизнь народов культурных и при том тех из них, которые приняли участие в общей культурной работе, являющейся основой и современной нам цивилизации» [26, с. 5]. Впрочем, учебники не стали исключительно культурологическими по содержанию. Так, в первой части пособия по русской истории для младших школьников значительное место было отведено политической истории, поскольку автор считал «усвоение фактов истории политической и социума он признавал материалом более сложным, требующим обширной информационной основы. Одновременно Сухотин отмечал, что курс русской истории в условиях эмиграции важно преподавать в течение всего периода обучения, начиная с хрестоматийного чтения в младшей школе и завершая двумя систематическими курсами в средней и старшей.

В учебниках по всеобщей истории ученый одновременно рассматривал историю стран Востока и Запада, а также историю славян (в том числе, события российской истории). Он писал: «Я полагаю, что из курсов всеобщей [...] истории не следует устранять упоминаний о нашем отечестве, поскольку оно принимало участие в общей жизни культурного человечества: это вдвигает историю национальную в общую рамку всемирной истории» [28, с. 3]. По мнению

Сухотина, учебники должны учитывать региональную специфику – в пособиях для русских школ основное место должна занимать история Византии и славян. В педагогической практике историк также придерживался названных принципов. Например, в составленной им учебной программе на 1920–1921 гг. указано, что преподавание ведется по учебнику П. Г. Виноградова с дополнением сведениями об истории славян [4, с. 41]. Такой подход вполне соответствовал идее о воспитании молодого поколения эмигрантов в духе русско-славянского единства через демонстрацию общих исторических событий и культурных связей.

Своими главными задачами Сухотин считал, во-первых, создание «хорошего учебного руководства по русской истории, способного вызвать интерес к русскому прошлому и любовь к России», и, во-вторых, зарождение «в детской душе неугасимой искры любви к родной стране» [36, с. 3]. Его учебники антропоцентричны, большое место отводилось деятельности правителей, их личностным характеристикам. Это позволяло персонифицировать исторические процессы и облегчить восприятие их детьми. Большое внимание к роли исторических деятелей в учебниках Сухотина связано также и с особенностями исторической памяти русских эмигрантов, для которой было характерно складывание культа великих людей [16, с. 137]. Такие ключевые фигуры, как, например, Петр I, должны были стать теми объектами, вокруг которых будет происходить единение не только русской эмиграции, но и всех русских людей.

Отражение научных взглядов Л. М. Сухотина в его учебных пособиях

В учебнике по русской истории отразились взгляды Л. М. Сухотина на опричнину. Как и в его научных работах, она представлена иррациональным явлением, вызванным страхами царя перед «предателями» [31, с. 195]. Другой ее причиной ученый называл «вражду с боярством», а опричников характеризовал «дурными людьми». При этом автор умалчивал об их социальном составе, поскольку считал этот вопрос дискуссионным, придерживаясь мнения, что в опричнину входили многие представители старого боярства [34, с. 19–25].

Взгляды Сухотина на историю России Нового времени подробно описаны в статье «Учебные нарративы Л. М. Сухотина и историческая память русской эмиграции 1920–1930-х годов» [17]. Вторая часть его учебника по русской истории открывалась рассказом о царствова-

нии Романовых, а начало XVII в. было признано нижней границей Нового времени. Вслед за В. О. Ключевским колонизация трактовалась как один из основных факторов развития Русского государства. Сухотин положительно оценивал и экспансию Российской империи. Он не идеализировал монархию, отмечал оппозиционные настроения и внутренние недостатки политической системы. События Первой мировой войны и Октябрьского переворота воспринимались ученым как большая трагедия, осмыслить которую исторической науке еще предстоит.

**Учебники Л. М. Сухотина
в контексте развития русской
педагогической мысли**

Педагогическо-организационные приемы Л. М. Сухотина во многом являлись развитием и реализацией представлений В. О. Ключевского.

Последний, например, считал необходимым двукратное прохождение курса русской истории в школе (помимо ознакомительного курса в младших классах). По этому поводу Ключевский писал: «В истории, как и физике, есть факты и идеи и легкие, и трудные. Из первых должен составиться элементарный курс, из вторых – высший; в первый войдут факты и идеи одного простейшего порядка, во второй – труднейшего» [15, с. 408]. Аналогичную организацию учебного процесса предлагал Сухотин. Если у Ключевского такая система детерминирована созданием условий, обеспечивающих единство исторического образования (от школы – к университету), то Сухотин обосновывал ее применение условиями эмиграции, в которых для погружения учащихся в отечественную историю требовалось объяснение основ общественного устройства России и ее культурных особенностей, плохо известных детям эмигрантов.

На педагогические подходы Сухотина также оказали влияние учебники П. Г. Виноградова. В автобиографии историк упоминал его среди своих учителей [24, с. 127] и посвятил ему учебник истории Средних веков [28, с. 2]. Излагая историю Древнего мира, Сухотин использовал мысль Виноградова о главенствующей роли народов «белой расы» в мировом культурном строительстве [9, с. 5; 26, с. 7], а в учебнике по истории Средних веков – его же идею о всеобщей истории как едином процессе, при изучении которого невозможно рассматривать каждое государство изолированно от общего контекста.

Как и Виноградов [10, с. 6], Сухотин не требовал от школьников заучивания всех дат и фактов. Для него была важнее систематизация со-

бытий и развитие навыка построения логических связей между ними. Историк писал: «Важно в учебнике не нагромождение фактов, которые надо заучивать и которые все равно забываются, а важен тот материал, который будит мысль, вызывает учащихся на размышление» [28, с. 4]. Такой подход созвучен идее Ключевского о том, что факт не имеет самостоятельного значения, а служит в контексте других основой для интерпретаций и выводов [21, с. 64].

Большое внимание в учебниках Сухотина уделено визуальной составляющей. Каждый параграф его учебников снабжен обширным иллюстрационным материалом, состоящим из репродукций известных полотен, портретов исторических деятелей, фотографий музейных экспонатов и архитектурных памятников. Примечательны также подписи к иллюстрациям. По большей части в них не просто называется изображаемый объект, но и дается краткое объяснение его особенностей или же указывается на детали, которые позволяют «оживить» иллюстрацию в воображении ребенка. В учебниках также помещено большое количество карт, которые сопровождают параграфы, посвященные крупным политическим событиям или содержащие описание государств в какой-либо исторический период. Визуальная часть выделяет учебники Сухотина на фоне других учебных пособий, созданных в эмиграции, в которых иллюстраций было или очень мало, или они вовсе отсутствовали.

Среди методических приемов Сухотина, сохраняющих актуальность, назовем и расположение в конце параграфов фрагментов источников. Однако к ним отсутствуют какие-либо задания, а подборки разного рода документов играют, в первую очередь, иллюстративную роль.

Курс истории Л. М. Сухотина глазами современников

Учебники Сухотина получили благожелательные отзывы и рецензии от историков-педагогов. Например, в архиве сохранилась рецензия профессора церковной истории А. П. Доброклонского, где отмечалось новаторство Сухотина, расширившего фактологическую составляющую своих учебников благодаря заимствованиям из новейших зарубежных изданий подобного рода, связанным с освещением «культурной истории». Так, в его учебнике упомянуто про раскопки Минойской цивилизации, отдельные параграфы посвящены развитию ассириологии и египтологии [3, л. 1–2].

Известны также рецензии историков-педагогов П. М. Бицилли [7] и М. А. Георгиевского [12]. В них авторы также отмечали высокое качество учебников Сухотина, систематичность и краткость изложенного материала. П. М. Бицилли писал: «В противоположность подавляющему большинству авторов элементарных учебников, Л. М. Сухотин, очевидно, не считает, что историческую истину должно, с одной стороны, упрощать, а, с другой, – всячески приукрашать для того, чтобы она могла быть усвоена сознанием ребенка... а также чтобы она оказывала на души и сердца молодого поколения необходимое воспитательное воздействие» [цит. по: 13, с. 78–79]. Кроме того, в предисловии к одному из учебных пособий упоминается о положительных отзывах А. А. Кизеветтера и А. Л. Погодина [37, с. 3].

Распространение учебников Л. М. Сухотина в русской эмиграции

Курс истории Сухотина был официально признан в Югославии. Написанные им пособия использовались как в русских учебных заведениях, так и при домашнем образовании. Примечательно, что в женской гимназии, возглавляемой Сухотиным, использовались не только его учебники. Так, в архиве сохранилось письмо от директоров русско-сербских гимназий Сухотина и Малиновского, датированное августом 1941 г., в котором предлагалось внести некоторые изменения в учебные программы, в том числе и перейти в старших классах на учебник истории А. Я. Ефименко [2, л. 20].

Сложно говорить о том, какое распространение получили учебные пособия, созданные Сухотиным за пределами Югославии. Однако они без сомнения были известны в среде эмигрантов, о чем говорит публикация рецензий в журнале «Русская школа за рубежом», являвшемся одним из крупнейших педагогических журналов русской эмиграции. В архиве также хранится письмо Сухотина к П. Б. Струве с просьбой опубликовать рецензию на его учебник в газете «Возрождение», издаваемой в Париже [1, л. 1]. Педагогические работы Сухотина не переиздавались, что привело к ограниченному знакомству с ними современных исследователей. Следует отметить, что в годы немецкой оккупации часть тиража учебников Сухотина была уничтожена. Кроме того, неизвестно, была ли издана вторая часть учебника по всеобщей истории Нового времени. В 1931 г. автор планировал ее подготовку и публикацию, однако в настоящее время экземпляры или свидетельства работы над учебником обнаружить не удалось.

Учебники Сухотина выделяются на фоне других учебных пособий, созданных представителями русской эмиграции. «Младший курс» по истории России был направлен на сохранение культурной идентичности учащихся. При этом курсы всеобщей истории и истории славянства решали через обращение к прошлому проблему адаптации детей эмигрантов к условиям жизни в Югославии. В них отразилась идея русско-славянской общности, частью которой должно было стать новое поколение эмигрантов.

Опираясь на подходы В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, Сухотин создал курс, направленный на понимание детьми хода исторических процессов. При этом его учебники написаны «живым» языком и снабжены богатым иллюстрационным материалом, что отличает их от большинства других учебных пособий, издававшихся в то же время. Обращение к ярким образам мировой и русской культуры было призвано сформировать представление о далекой Родине, ее исторической роли и месте в человеческой цивилизации.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1003. Оп. 15. Д. 19. Папка 10.
2. ГА РФ. Ф.Р-6792. Оп.2. Д.95.
3. ГА РФ. Ф.Р-6792. Оп.2. Д.834.
4. Арсеньев А.Б., Ордовский-Танаевский М.Л. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Кн.1. Белград: Архив Сербской Православной Церкви, 2018. 638 с.
5. Бараникова Н.А., Безрогов В.Г. «Кто сохраняет словом образ дорогой»: учебники начальной грамоты в педагогике эмиграции 1920–1930-х гг. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2017. Вып.46. С.48–66.
6. Безрогов В.Г. Презентация реальности в букварях русской эмиграции первой волны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. №4 (53). Т.2. С.159–170.
7. Бицилли П.М. Сухотин Л.М. Учебник русской истории: [рецензия] // Русская школа за рубежом. 1927–1928. №26. С.269–271.
8. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. Учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 358 с.
9. Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч.1: Древний мир. [Лейпциг]: Издательство Я.Оренштейна, [б.г.] 186 с.
10. Виноградов П.Г. Учебник всеобщей истории. Ч.II: Средние века. Стокгольм: Северные огни, 1921. 196 с.
11. Волошина В.Ю. Проблемы в организации школьного образования русского зарубежья в 1920–1930-е гг. // Нансеновские чтения 2014. Русская школа за рубежом: прошлое и настоящее. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2016. С.21–31.
12. Георгиевский М.А. Л.М.Сухотин. История древнего мира [рецензия] // Русская школа за рубежом. 1925. №17. С.538–540.
13. Димьяненко А.А. Образовательная книга для детей в русском зарубежье, 1920–1930-е гг.: издательские проекты и критика // Acta Eruditorum, 2020. Вып.34. С.75–80.
14. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. 488 с.
15. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 томах. Т.9. М.: Мысль, 1990. 525 с.
16. Ковалев М.В. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // Россия XXI. 2012. №3. С.120–147.
17. Ковалев М.В. Учебные нарративы Л.М.Сухотина и историческая память русской эмиграции 1920–1930-х годов // Сборник материалов научного семинара стипендиатов программ «Михаил Ломоносов» и «Иммануил Кант» 2017–2018 года. М.: Флинта, 2018. С.45–49.

18. Ковалев М.В. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // История. 2014. Вып.4. Т.5. [без паг.].
19. Кончаревич К. Вклад русских эмигрантов-филологов в развитие теории преподавания русского языка в Сербии // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С.251–262.
20. Матвеев С.А. Л.М.Сухотин – генеалог и историк дворянства // Генеалогический вестник. 2019. №61. С.47–57.
21. Мошелков Е.Н., Сухотин С.В. Личность и научное мировоззрение В.О.Ключевского: оценки и характеристики современников // Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. 2007. №5. С.53–66.
22. Седова Е.Е. Педагогическое наследие российской эмиграции в мировом образовательном пространстве // Диалог со временем. 2019. Вып.68. С.98–108.
23. Седова Е.Е., Тереня Ю.Ю. Учебники для начальных классов как средство национального воспитания в Русском зарубежье «первой волны» // Учебники детства. Из истории школьной книги VII–XXI веков. М.: РГГУ, 2013. С.116–141.
24. Сухотин Л.М. Автобиография // Русская генеалогия в эмиграции: избранные статьи журнала «Новик». М.: Старая Басманная, 2018. С.126–134.
25. Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1911. Кн.4. С.III–XXXV.
26. Сухотин Л.М. История Древнего мира: учебное руководство для средней школы. Белград: Всеславянский книжный магазин Стефанович и К°, 1925. 191 с.
27. Сухотин Л.М. История Нового времени. Белград: Русская типография С.Филонова, 1931. Ч.1. 212 с.
28. Сухотин Л.М. История Средних веков. Белград: Русская типография С.Филонова, 1929. 244 с.
29. Сухотин Л.М. К пересмотру вопроса об опричнине. I. Вопрос об отмене опричнины // Зап. РНИИБ. 1931. Вып.5. С.1–23.
30. Сухотин Л.М. К пересмотру вопросу об опричнине. II. Состав Боярской думы (1565–1572); III. События первого года после отмены опричнины (1572–1573); IV. Семен Бекбулатович – великий князь Всея Руси; V. И далее опричнина не была восстановлена. VI. Возражение на один довод С.Ф.Платонова // Зап. РНИИБ. 1936. Вып.13. С.39–67.
31. Сухотин Л.М. К пересмотру вопроса об опричнине. VII. Исторический ход опричнины; VIII. Что представляла собой опричнина // Зап. РНИИБ. 1941. Вып.17. С.125–200.
32. Сухотин Л.М. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа) // ЧОИДР. 1915. Кн.4. С.III–XXIV, 1–238.

33. Сухотин Л. М. Род дворян Сухотиных // Дворянское сословие Тульской губернии Т.3 (12). Ч.6. М., 1909.
34. Сухотин Л. М. Список опричников Ивана Грозного // Новик. 1940. №3. С. 19–25.
35. Сухотин Л. М. Учебник русской истории: младший курс. Ч. 1. Белград: Русская типография С. Филонова, 1926. 111 с.
36. Сухотин Л. М. Учебник русской истории: младший курс. Ч. 2. Белград: Русская типография С. Филонова, 1927. 143 с.
37. Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.) // ЧОИДР. 1912. Кн.2. С. I–XXXVII.
38. Сухотин Л. М. Историја за други разред грађанских школа. Београд: Свесловенске књижарнице М. Ј. Стефановић и друг, 1932. [111 с.]
39. Фет А. А. Избранные стихотворения / под ред. Л. М. Сухотина. Берлин: Издательство С. Ефрон, [б. г.] [213 с.]

Чего хочет женщина, того
хочет Бог.

Французская пословица

Коммунизм – как сухой закон:
идея хорошая, но не работает.

Уилл Роджерс

Спад – это когда приходится
затягивать пояс. Кризис –
когда нет уже и штанов.

Американское изречение

Абсолютная монархия
есть самая совершенная
форма правления, если бы
не случайности рождения.

Василий Ключевский

Занятия по дому слишком
обременительны. Мне бы
очень пригодилась жена.

Элла Грассоу

Плановая экономика
учитывает в своих планах
все, кроме экономики.

Кэри Макуильямз

Незнание экономических
законов не освобождает от
ответственности.

Савелий Цыпин

Лучшая Республика –
это монархия.

*Современники о монархии
Луи Филиппа во Франции*

Екатерина Запелалова

ДВОРЯНКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-е – 1890-е ГОДЫ:

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, БРАЧНЫЙ
СТАТУС, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИМЕНЯХ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

339.1(470)(09)

Для исследования экономических аспектов истории женщин в Российской империи в пореформенный период важным является вопрос о землевладении и хозяйственной деятельности дворянок. Для изучения был избран период 1860-х – 1890-х гг., который, по словам академика Н.М.Дружинина, был временем «победы и утверждения капитализма при сохранении многочисленных феодальных пережитков». В статье рассмотрены такие аспекты женского дворянского землевладения в Нижегородской губ., как обеспеченность помещиц землей, брачный статус землевладельцев, линия наследования, предпринимательская деятельность дворянок. Для сравнения были выбраны два десятилетия (1860-е и 1890-е гг.), наиболее обеспеченные первичными архивными данными.

The important question of land ownership and economic activity of noblewomen in the Russian Empire in the post-reform period is considered for investigation of the economic aspects of the women's history. The decades of the 1860s – 1890s were selected for study, because according to research by academician N.M.Druzhinin's, this epoch was the time of "the victory and strengthening of capitalism with simultaneous conservation of numerous feudal remnants". The article considers several aspects of female noble land ownership in the Nizhnii Novgorod province such as the size of land property, the marital status of female landowners, the line of inheritance, the entrepreneurial activity of noblewomen. The research focuses on the comparison of decades of the 1860s and 1890s as periods, mostly provided with primary archival data.

Ключевые слова: предпринимательство; дворянство; история России в XIX веке; имперская Россия; история женщин; история фабрик, права собственности в браке.

Key words: entrepreneurship; nobility; 19th-century Russian history; Imperial Russia; women's history; factory history; marital property rights.

E-mail: il_zas2@mail.ru

Академик Н.М.Дружинин отмечал, что ведущим явлением первого периода капиталистической эпохи была замена принудительного труда свободным трудом в сельском хозяйстве. Исчезает старая, патриархальная замкнутость, наносится удар консервативной психологии крепостного времени. Однако пережитки феодальной эпохи сохраняются в этот период не только в виде помещичьих латифундий, но и в обнаженном виде временнообязанных отношений, т.е. чистой феодальной эксплуатации [22, с. 101–102].

Источники и историография

Источниковую базу исследования составили материалы описей 261–273 фонда 1354 Российского государственного архива древних актов

(РГАДА). Кратко характеризуя источник, следует сказать, что материалы содержат характеристики земельных участков по всем уездам Нижегородской губ.: когда, кем были межеваны земли, наименование дач, фамилии, брачное состояние землевладельцев, размеры земельных угодий. Были также использованы ценные материалы об имущественном положении дворянок Нижегородской губ., включая владение землей, из фонда 1 Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО). Архивные источники были дополнены сведениями из «Приложений к трудам редакционных комиссий» [44, с. 1–61], изданных в 1860 г. накануне Крестьянской реформы с целью инвентаризации всех помещичьих земель.

Для характеристики предпринимательской деятельности помещиц были использованы справочные издания по фабрично-заводской промышленности России: «Указатель фабрик и заводов Европейской России» [38, с. 1–753], «Фабрично-заводская промышленность России» [54] и «Список винокурных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина за периоды 1886/7 и 1887/8 гг.» [48].

В современной историографии изучению изменений, произошедших в структуре дворянского землевладения во второй половине XIX – начале XX в., анализу процессов перераспределения земельной собственности между отдельными группами дворянских собственников посвящены работы В.А.Шаповалова, И.В.Истоминой, В.В.Морозана, Р.В.Федосеева, В.И.Петрова, О.Е.Шевниной и др.

В.А.Шаповалов в работе «К проблеме изучения пореформенной эволюции поместного землевладения и стратификации поместного дворянства» [59, с.91–100] на основе данных поземельных переписей 1877

и 1905 гг. проследил стратификационные изменения в дворянском землевладении в конце XIX – начале XX в. Он установил, что для всех категорий дворянского землевладения в пореформенный период было характерно резкое сокращение площади поместных земель. По площади владений крупное дворянство переместилось с первого места на второе. Главным собственником земельного фонда стало среднее дворянство.

В.А. Шаповалов пришел к выводу, что, несмотря на видимые грани между основными стратами поместного дворянства (крупнопоместного, среднепоместного и мелкопоместного), происходил постоянный процесс перехода из одной страты в другую. Эта структурная балансировка отчетливо просматривалась в ходе пореформенной модернизации дворянского землевладения. В.А. Шаповалов высказал важную мысль, что количественные параметры дворянского землевладения (менее 1–100 дес., 101–1 000 дес., св. 1 000 дес.) вмещают в себя значительно больше различных категорий, чем традиционное трехчленное деление. «Как можно в рамках мелкопоместной страты уравнивать владельца одной ревизской души или одной–двух дес. земли с владельцем 20 ревизских душ или 80–100 дес. По параметрам уровня жизни, социальным претензиям и социально-психологическим воззрениям они стояли далеко друг от друга. Такая же картина наблюдалась и в крупной страте поместного землевладения, уровень жизни и социальные претензии владельцев 1–2 тыс. дес. и 20 тыс. дес. были весьма различны» [59, с.97]. В ходе дробления крупных поместий и официального перехода их владельцев в более низшую страту происходил синтез разноплановых социально-психологических, бытовых воззрений.

В статье «Мелкопоместное дворянство Европейской России в контексте подготовки и реализации отмены крепостного права» [60, с.97–99] В.А. Шаповалов и И.В. Истомина рассмотрели позицию правительства в отношении мелкопоместного дворянства, показав, что в ходе реализации реформы отмены крепостного права мелкие помещики, в силу особых правил наделения крестьян землей в их имениях, получили государственную субсидию и смогли сохранить свой земельный фонд.

И.В. Истомина в диссертации «Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX в.» [23] отмечала, что развитие капитализма в России весьма глубоко затронуло дворянское сословие, и в губерниях Центрально-Черноземного района произошло серьезное сокращение численности мелкопоместного дворянства, например, с 1877 по 1905 гг. в Воронежской губ. число мелкопоместных дворян сократи-

лось на 24,2%, земельный фонд – на 29% (выше чем в других стратах помещиков).

Р.В. Федосеев в статье «Структура дворянского землевладения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.» [56, с. 66–75] рассмотрел изменения в структуре земельной собственности дворянства, произошедшие вследствие процесса сокращения земель сословия в период с 1862 по 1905 гг. Автор отметил, что в пореформенный период в Среднем Поволжье сократилось как общее число владельцев – с 4 825 до 3 811 чел. (на 21%), так и площадь принадлежавшей дворянству земли – с 4 873 783 до 2 803 777 дес. (на 42,5%). Происходил процесс дробления дворянских имений. Численность крупнопоместного дворянства сократилась на 41,6%, а количество его земли – более чем в два раза. Среднепоместное дворянство сократилось на 20,5%, и количество его земли уменьшилось на 22,7%.

В.И. Петров в статье «Социально-экономическая характеристика землевладельческого дворянства Среднего Поволжья» [42, с. 675–695] показал, что в течение пореформенного периода помещики сохраняли за собой положение основных продавцов земель, при этом продажа дворянских земель в Среднем Поволжье особенно активизировалась в 1898–1902 гг. (в Симбирской губ. – на 85%, в Самарской губ. – на 164%). Продавали земли, главным образом, крупные землевладельцы.

В.В. Морозан рассмотрел многочисленную группу наиболее бедных российских помещиков (33% от общего числа дворянских семей России), во владении которых в канун крестьянской реформы было, помимо земли, не более 10 душ, в статье «Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX в.» [33, с. 23–42]. Более 85% таких дворян содержали себя за счет доходов от своих крошечных имений и ради поддержания хозяйства вынуждены были кредитоваться в банках и у частных лиц.

О.Е. Шевнина в диссертации «Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 1870-е гг.» [62] пришла к выводу, что помещичье хозяйство Среднего Поволжья в 1850–1870-е гг. оставалось жизнеспособным, хотя исчерпало возможности саморазвития как феодальной вотчины. Поэтому неверно говорить о кризисе помещичьего хозяйства в этот период. Характерными чертами средневожских губерний было наличие высоких показателей по количеству крупных и крупнейших имений, высокая степень задолженности дворянства различным кредитным учреждениям.

Быт провинциального дворянства, образование, благотворительную деятельность дворян в своих работах рассматривали И.Г.Онопrienко, С.Г.Казанцева, К.С.Чикаева.

И.Г.Онопrienко в диссертации «Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е годы XIX века (на примере Центрального Черноземья)» [36] на примере дворянских поместий Центрально-Черноземного региона показала, что в пореформенный период наблюдалось разорение многих «дворянских гнезд», в первую очередь, мелкопоместных и среднепоместных. Этот процесс резко изменил поведенческие стереотипы их владельцев, эволюционирующих от «приятного безделья» к каждодневным хозяйственным заботам. Новый уклад жизни изменил внешний вид усадеб. К концу пореформенного периода они приобрели облик усадебно-хозяйственных комплексов с большим количеством различных функциональных построек. Этот вопрос также рассмотрен в статье «Дворянский усадебный комплекс Центрального Черноземья и его структурно-типологическая композиция во второй половине XIX в.» [37, с. 116–122], где автор выделила семь основных функциональных частей усадебного комплекса: жилую, служебно-хозяйственную, храмовую, садово-парковую, мемориально-музейную, общественную, научную. Новой отличительной чертой пореформенного времени стала научная и учебная деятельность в имениях, где помещиками создавались просветительские и лечебные благотворительные учреждения для населения.

Темы благотворительной деятельности дворянства в сфере образования коснулась С.Г.Казанцева в статье «Роль Самарского и Симбирского дворянства в деле поощрения и поддержки образования на рубеже XIX–XX вв.» [24, с. 120–123]. К.С.Чикаева в работе «Социальные характеристики дворянства Ставропольской губернии в кон. XIX – начале XX в.» [57, с. 54–58] пришла к выводу, что в соответствии с общими тенденциями численность дворянского сословия уменьшилась к началу XX в., но при этом дворяне составляли большинство учащихся в учебных заведениях и по переписи 1897 г. их уровень грамотности (по Ставропольской губ.) составлял 80%.

Описанию нижегородских дворянских усадеб посвящены работы И. А. Кирьянова [26, с. 113–119], С.М.Шумилкина [63, с. 89–100], Е.Ю.Красновой [29, с. 100–117], Ю.А.Чikuновой [58, с. 47–49], Н.А.Лушина [30, с. 153].

Женскому помещицкому землевладению в России в историографии пока уделено мало внимания. Наиболее известна монография М.Л.Марреze «Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России» [31],

охватывающая по материалу более ранний период (1700–1861), где автор показала, что дворянки в Российской империи в XIX в. участвовали в 40% сделок с недвижимостью как продавцы и покупатели.

Л. А. Бровкина в диссертации «Дворянская женщина Центрального Черноземья в 50–90-е гг. XIX в.» [20], проанализировав экономические права помещиц Центрально-Черноземного региона, пришла к выводу, что в праве наследования имущества дворянки в пореформенный период занимали более выгодное положение, чем женщины других сословий в России, но при этом дворянки никогда не находились в одинаковом положении с мужчиной. Их место в структуре высшего сословия определялось воспитанием как жены, матери, хозяйки дома.

В последние годы в историографии истории женщин стало уделяться внимание вопросам предпринимательской деятельности дворянок в помещичьих имениях. В частности, функционирование суконных фабрик затронуто в статье Г. Н. Ульяновой [51, с. 50–81]. В статье о женщинах-предпринимательницах в 1890-е гг. Ульянова показала, что в сельских имениях помещиц балтийских губерний были весьма распространены мелкие и средние промышленные предприятия, производившие спирт (из картофеля), сыры, сливочное масло, муку [52, с. 146]. В сравнении с представленным ниже в статье материалом Нижегородской губернии эти факты свидетельствуют о том, что такая деятельность имела общероссийскую распространенность.

Женское помещичье землевладение в Нижегородской губернии в начале 1860-х гг.: статистика, владелицы

Для выявления статистики женского помещичьего землевладения в исследовании были использованы два основных источника – материалы генерального межевания из РГАДА за конец 1850-х – 1890-е гг. и приложения к трудам Редакционных комиссий, изданные в 1860 г. накануне проведения Крестьянской реформы 1861 г.

В Нижегородской губ. накануне 1861 г. насчитывалось всего 546 помещичьих имений, 178 из них, что составило 33%, находились во владении женщин [44]. Согласно нашим подсчетам по материалам Генерального межевания 1860-х гг., в собственности помещиц числилось 229 985 дес. земли (или 40% всех земель дворянского сословия) [3–13]. Большинство этих имений остались в принадлежности владелиц и в 1870–1880 гг., хотя крестьяне вышли из крепостной зависимости.

Уезды Нижегородской губ. различались по числу дворянок-землевладелиц и по количеству земли в их собственности. Подсчеты были

сделаны нами по материалам генерального межевания конца 1850-х – 1860-х годов (по ф. 1354 РГАДА). Например, в исследуемый период в Горбатовском уезде из 118 помещиков дворянки составляли 47 чел., то есть 40% собственников земли. При этом женщинам принадлежало 6785 дес. земли (25%) [7, л. 1–157]. Из 102 помещиков Лукояновского уезда дворянки составляли 41 чел., то есть также 40% собственников земли. Им принадлежало 17236 дес. земли (34%) [9, л. 1–92]. В Арзамасском уезде насчитывалась 81 землевладелица-дворянка (46% собственников земли), которым принадлежали 26217 дес. земли (39%) [4, л. 1–175].

Наибольшее количество имений, владелицами которых являлись женщины, по приложениям к трудам Редакционных комиссий, выявлено в Сергачском (28 имений) и Арзамасском (23 имения) уездах, а меньше всего имений – в Горбатовском (9 имений) и Семеновском (5 имений) уездах [44, с. 1–61].

Многие помещицы имели по несколько имений, иногда в разных уездах. Например, за Марией Андреевной Поликарповой числились пять деревень в Ардатовском уезде и семь деревень и село Вершилово в Балахнинском уезде [44, с. 14–15, 24–25]; за Фелицией Александровной Сафоновой – село Толмачево и девять деревень в Нижегородском уезде и село Городец и восемнадцать деревень в Балахнинском уезде [44, с. 6–7, 24–25].

Все женские помещицы хозяйства можно условно разделить на четыре категории. Стратификационным критерием выступает обеспеченность дворянок земель (за основу была взята классификация помещичьих хозяйств, разработанная в трудах А.М. Анфимова). Первая категория – владения менее 500 десятин (таких владелиц было 4 чел.), вторая – 500–1000 дес. (55 чел.), третья – 1000–10000 дес. (85 чел.), четвертая – более 10000 дес. (9 чел.).

Как видно, в Нижегородской губ. в 1860 г. количество имений, размером не превышавших 500 дес., было сравнительно небольшим – четыре (Е.Т. Городецкая – 399 дес., В.Н. Нечаева – 385 дес., В.Я. Кондратьева – 225 дес., М.С. Степанова – 208 дес.), тогда как количество имений, превышавших 1000 дес. – достаточно значительным – 94. В среднем, по нашим подсчетам, на одну помещицу Нижегородской губ. в 60-е годы XIX в. приходилось 2620 дес. земли.

Рассмотрим далее факты, характеризующие собственность отдельных помещиц.

Самой крупной землевладелицей Нижегородской губ. во второй половине XIX в. являлась графиня Анна Георгиевна (Егоровна) Толстая –

площадь ее многочисленных имений составляла 30 080 дес. Только в Балахнинском уезде за ней числилось 70 деревень и одно село. Были у А.Г.Толстой также деревни и села в Княгининском (село Большое Мурашкино), Макарьевском (7 сел) и Нижегородском (4 села, 11 деревень) уездах [44, с.8–9, 24–25, 40–41, 48–49]. А.Г.Толстая (1798–1889), графиня, урожд. Грузинская, была супругой А.П.Толстого, обер-прокурора Св.Синода в 1856–1862 гг. (известен тем, что в его московском доме жил и умер Н.В.Гоголь).

Село Лысково было пожаловано ее предку, царю Имеретинскому Арчилу, Петром I, то есть она относилась к пятому поколению владельцев [50, с. 13]. Отец А.Г.Толстой, князь Г.А.Грузинский (1762–1852), был камергером и губернским предводителем дворянства Нижегородской губ. Ему же принадлежало большое промышленное село Лысково, унаследованное его дочерью Анной Георгиевной (проживавшей зимами в Москве, а летом в своих нижегородских вотчинах). Автор статьи о владельцах Лыскова О.Н.Радеева пишет, что хлебная торговля и кустарное производство были высокодоходны: «Земельным владельцам Лысково приносило большой доход, поэтому после Генерального межевания (1785 г.) в селе возникали судебные споры за землю» [46, с.50].

Панорамный вид села Лыскова

Жизнь в Лыскове, богатейшей вотчине графини А.Г.Толстой, характеризует эпизод визита в 1861 г. в село и дом помещицы наследника цесаревича Николая Александровича (1843–1865): «После краткого молебствия, совершенного духовенством всех осьми церквей села, Государь ездил по улицам Лыскова и по обширным его базарам и приехал в дом графини Толстой, урожденной княжны Грузинской, помещицы села Лыскова. Здесь крестьяне поднесли Его Высочеству хлеб-соль. В комнатах, наполненных самыми зажиточными крестьянами, их дочерьми и женами в парчевых и бархатных сарафанах, Его Высочество изволил кушать чай, осматривал выставленные здесь медные изделия лысковских жителей, кули, которые здесь шьются в огромном количестве для нагрузки хлеба на пристани, пожарные трубы здесь делаемые, замки и пр.» [45, с. 51].

Крупные помещицы Наталья Дмитриевна Протасова и Наталья Петровна Кочубей имели во владении 20 173 дес. и 14 017 дес., соответственно. Н. Д. Протасова владела землями в Лукояновском уезде (село Иванцово, деревни Орловка и Шандрово), Н. П. Кочубей – в Ардаговском (села Покровское, Богословское, деревни Гавриловка, Бабино) [44, с. 46–47, 10–11].

Рассмотрим социальный статус этих крупнейших землевладеллиц, размер земельных владений которых был огромным. Графиня Н. Д. Протасова (1803 или 1805–1880) была дочерью генерала и генерал-губернатора Москвы в 1820–1844 гг. князя Д. В. Голицына, супругой генерал-лейтенанта и обер-прокурора Св. Синода [25, с. 460]. Наталья Петровна Кочубей, урожденная Салтыкова (1829–1860), принадлежала к богатейшим семействам империи, была фрейлиной вел. кн. Марии Александровны.

В собственности П. А. Козловой было 12 649 дес. земли, А. Г. Философовой – 12 348 дес., А. Н. Немчиновой – 11 940 дес., А. Ф. Закревской – 11 649 дес. [44, с. 4–5, 32–33, 44–45, 50–51, 10–11].

Прасковья Андреевна Козлова (1817 г. р.), урожденная Приклонская, была супругой капитана лейб-гвардии Измайловского полка Алексея Павловича Козлова. Ей принадлежали восемь деревень (Венец, Непецыно, Сокол, Мункино, Алексеевка, Андреевка, Ново-Павловка, Ушаково), восемь сел (Подвязье, Чмутово, Алистеево, Сохтанка, Вязовец, Зименки, Чапурда) и одно сельцо Зазерье в Нижегородском и Горбатовском уездах [44, с. 4–5, 32–33]. В 1879 г. П. А. Козлова пожертвовала 5 000 руб. для учреждения стипендии имени ее покойного мужа при Нижегородском Александровском институте [47, с. 1024–1025].

Анна Григорьевна Философова (1815–1892) была дочерью пензенского предводителя дворянства Григория Даниловича Столыпина, супругой генерал-адъютанта Алексея Илларионовича Философова (1799–1874). Благодаря мужу Анна Григорьевна была приближена ко Двору, она являлась гофмейстериной двора великой княгини Ольги Федоровны, жены великого князя Михаила Николаевича. В собственности помещицы были деревни Анютино, Кемля, Ташкино и село Поле Хаванское в Лукояновском уезде [44, с. 44–45].

Философова А.Г.

Анна Николаевна Немчинова была владелицей села Воскресенского и сельца Отрадного в Макарьевском уезде [44, с. 50–51]. Происхождение, годы жизни помещицы определить не удалось.

Аграфена Федоровна Закревская (1800–1879) была супругой Арсения Андреевича Закревского (1783–1865), министра внутренних дел в 1828–1831 гг., московского генерал-губернатора в 1848–1859 гг. В Ардатском уезде Нижегородской губ. землевладелице принадлежали села Елизарьево, Круглово, Дивеево, Силево, сельцо Князь-Иваново и деревня Яковлевка [44, с. 10–11].

Двадцать четыре собственницы имели поместья размером от 3 до 10 тыс. дес. земли [44, с. 1–61]. Что касается владения крепостными накануне Крестьянской реформы 1861 г., то согласно подсчетам, сделанным на основе материалов из «Приложений к трудам редакционных комиссий», во владении помещиц Нижегородской губ. находилось всего 64 579 крепостных крестьян.

Анализ состава помещиц по числу принадлежавших им к 1861 г. крестьян, показал, что большинство помещиц – 131 (79,9%) – относились к числу среднепоместных, то есть имевших от 100 до 500 душ. Дворянок, имевших от 500 до 1 000 душ, было 18 чел. (11%) и им принадлежало 13 185 крепостных (20,4% от всего крепостного населения губернии). Крупных имений с количеством крепостных свыше 1 тыс. душ насчи-

тывалось 14. В среднем на одну помещицу Нижегородской губ. приходилось 394 крепостных крестьянина.

Земли, находившиеся в собственности помещиц, отличались по составу земель разного назначения. Они включали деревни, села, сельцо, пустоши, хутора, сенные покосы. Рассмотрим далее структуру земельных владений на примере пяти уездов Нижегородской губ.

В **Арзамасском уезде** землевладелицам принадлежало 26216 дес. земли. В том числе 59% учтенных дач записаны как село (15348 дес.), 22% – деревни (5759 дес.), 11% – пустоши (2945 дес.), 8% – сельцо (2163 дес.), 0,01% – хутора (2 дес.) [4, л. 1–175]. Значительными по размерам были поместья (дачи) коллежской асессорши Е.В.Обуховой (1598 дес.), статской советницы А.А.Голубевой (2015 дес.) и дочери генерал-майора Елизаветы Алексеевны Копьевой (5811 дес.). Последняя имела в уезде два села, которые получила по завещанию отца генерал-майора А.Д.Копьева: Никольское, общей площадью 3611 дес. [4, л.96. №28; л.96 об. №№30, 32; л.97. №№36, 39; л.97 об. №№40, 43], и Понетаевку. По сказкам X ревизии за помещицей в Понетаевке числилось «крестьян 160 мужского пола душ, леса до 1000 дес., пахотной земли и других угодий до 1200 дес.» [35, с.64].

Копьева Е.А.

Никогда не выходявшая замуж Копьева (1803 – после 1888) в 1863–1864 гг., будучи набожной «благочестивой девицей» и «богобоязненной старицей», пожертвовала часть владений для основания близ Понетаевки Серафимовской женской общины, фактически став основательницей Серафимо-Понетаевского монастыря. Для устройства обители помещица предоставила «в вечное ее владение пахотной земли 94 дес. и господский сад с усадьбой на пространстве шести дес., а всего 100 дес., с каменным строением, находящимся в саду, в коем могут проживать до 50 и более сестер нестеснительно; господский же дом с надворным

строением остается только в пожизненном ее владении, а после смерти ее поступает в собственность же Серафимовской женской обители» [35, с.63, 64, 70–71].

Серафимо-Понетаевский женский монастырь

В собственности А.А.Голубевой были села Туманово (775 дес.), Кузьмин Усад (6 дес.) и Ковакса (887 дес.), а также деревни Котиха (322 дес.) и Глиняная Поляна (25 дес.) [4, л.30 об. №26; л.31. №35; л.31 об. №44; л.65 об. №126; л.72 об. №№211, 214; л.73. №№218, 220, 223; л.73 об. №№229, 236; л.74 об. №№253, 254; л.75. №№258, 259; л.75 об. №№263, 269; л.76. №277; л.133. №№48, 50; л.133 об. №№53, 58; л.134. №67; л.134 об. №82; л.135. №№90, 94; л.135 об. №104; л.136. №№110, 117, 120; л.136 об. №129; л.137. №137; л.137 об. №№141, 146; л.138. №№157, 161]; Е.В.Обуховой принадлежали село Путятино (1 517 дес.) и пустошь Чуркина (81 дес.) [4, л.108 об. №201; л.109. №204; л.159 об. №38].

Две дачи, общей площадью 3 326 дес., были во владении «майорши» О.А.Баженовой и ее малолетних детей. Это село Никольское (1 047 дес.) [4, л.96. №29; л.96 об. №№31, 34; л.97. №№35, 37, 38; л.98. №№45, 48; л.98 об. №50] и деревня Корино (2 279 дес.) [4, л.67. №146; л.67 об. №№149, 152, 155; л.68. №162]. Генерал-майорше А.П.Голицыной принадлежали пять дач (все незначительные по площади): пустоши Хреновицкая (169 дес.), Катеринкина (143 дес.) и Сурина (23 дес.), села Своробоярское

(860 дес.) и Измайлово (62 дес.) [4, л. 55. №26; л. 61 об. №72; л. 120 об. №№45, 49; л. 124 об. №99; л. 153. №4].

В Балахнинском уезде в собственности у женщин находилось 7708 дес. земли. В том числе 56% дач записаны в материалах Генерального межевания как деревни (4293 дес.), 22% – села (1701 дес.), 17% – пустоши (1280 дес.) и 6% – сельцо (434 дес.) [5, 1–148]. Три села (Сосновцы, Митрофаново, Городец), восемь деревень (Охватино, Конеево, Зубово, Еремино, Глебцово, Вологино, Васьково, Беляевская), три пустоши (Кокуча, Зубовская, Жирякова) принадлежали Софии Григорьевне Волконской. Общая площадь земли в ее владении составила 2474 дес. [5, л. 9. №69, 70, 71; л. 17 об. №50; л. 18. №52; л. 28 об. №№107, 109; л. 29. №№116, 120; л. 29 об. №125; л. 30. №134; л. 39 об. №13; л. 45. №4; л. 48. №22; л. 49. №38; л. 61 об. №86; л. 62. №87; л. 101 об. №121; л. 102. №128]. С.Г. Волконская (ум. 1868) – представительница высшей аристократии. Она была дочерью генерал-фельдмаршала Г.С. Волконского и супругой министра Императорского Двора и уделов П.М. Волконского, статс-дамой с 1832 г.

В Горбатовском уезде женщинам принадлежало 6758 дес. земли. Из которых 37% – села (2487 дес.), 30% – пустоши (2039 дес.), 26% – деревни (1752 дес.), 7% – сельцо (461 дес.), 0,3% – сенные покосы (19 дес.) [7, л. 1–157]. Крупными землевладелицами были коллежская советница П.Г. Погуляева (948 дес.) и штабс-капитанша П.А. Козлова (925 дес.). За последней было записано шесть дач: село Подвязье, сельцо Заозерье, две деревни (Соколовская, Хабарская), две пустоши (Аленикова, Тармсова) [7, л. 3 об. №64; л. 41. №233; л. 45. №51; л. 113. №235; л. 120. №35.]. П.Г. Погуляевой принадлежали два села (Бараново, Оленино) и две деревни (Ильино, Сальково) [7, л. 11. №87; л. 47 об. №16, 18, 20, 21; л. 48. №22, 23, 25; л. 81. №53, 55, 58; л. 81 об. №64, 67; л. 108. №175]. (Сын ее С.Т. Погуляев был Горбатовским уездным предводителем дворянства в 1890–е гг. [40, с. 91] и председателем Горбатовской уездной земской управы в 1870–е – 1880–е гг.)

В Княгининском уезде во владении женщин было 43820 дес. земли: 59% – села (25616 дес.), 19% – деревни (8202 дес.), 12% – сельцо (5059 дес.), 11% – пустоши (4614 дес.), 0,2% – сенные покосы [8, л. 1–124].

Крупнейшими землевладелицами были майорша А.Д. Кушелева (пустошь Анненская, село Знаменское, деревни Водолейка и Комары; 3743 дес.) и жена генерал-лейтенанта Е.Б. фон Брин (село Вершинино; 3127 дес.).

21% дач Княгининского уезда составляла совместная собственность. В этом смысле интересным примером является сельцо Курбатиха, нахо-

дившееся в совместном владении пяти женщин – титулярной советницы У.П.Вязмитиновой, «капитанши» М.С.Шешуковой, «дворянской девицы» Ф.А.Васильевой, коллежской ассессорши А.А.Яблонской и титулярной советницы А.А.Шешуковой [8, л.38 об. №34, 36, 38–42; л.39. №43, 44, 45, 49, 51, 52, 53; л.39 об. №55, 60, 62].

В **Лукояновском уезде** землевладельцам принадлежало 17236 дес. земли (т.е. 34%). Большую часть дач, 47%, составляли села (8118 дес.), 22% – деревни (3726 дес.), 18% – пустоши (3007 дес.), 10% – сельцо (1671 дес.), 4% – хутора (714 дес.) [9, л.1–92]. Собственницами свыше 1 тыс. дес. земли являлись: статская советница Е.Н.Ламанова, дворянская девица А.И.Мирошевская, коллежская советница А.М.Яшерова, баронессы М.Н. и А.Н.Шлиппенбах. Во владении Екатерины Николаевны Ламановой в 1856 г. были село Покровское (Шутилово тож) (1312 дес.) и пустоши Заводская (500 дес.) и Павловская (353 дес.) [9, л.31 об. №12; л.69 об. №88, 89]. Мирошевской принадлежали село Дмитриевское (1103 дес.) и пустошь Зателина (66 дес.) [9, л.24. №21, 22; л.31 об. №13]. В собственности Яшеровой находилось село Гаврилово (1217 дес.) [9, л.19. №39]. В совместном владении сестер Шлиппенбах была деревня Саврасово (1255 дес.) [9, л.77. №54].

Подводя итог, следует сказать, что в Нижегородской губ. в 1860-е гг. землевладельцам принадлежало 229985 дес. земли (40% всех земель дворянского сословия). Особенностью женского дворянского землевладения являлось преобладание крупной и средней собственности на землю, лишь 3% помещиц принадлежало менее 500 дес. По количеству помещичьих имений, принадлежавших женщинам дворянского сословия, выделялись Сергачский (16% имений) и Арзамасский (13% имений) уезды. Незначительное число имений было в Горбатовском (5%) и Семеновском (3%) уездах. Крупнейшие землевладелицы Нижегородской губернии – Е.П.Гагарина, А.Ф.Закревская, Н.П.Зубова, П.А.Козлова, Н.П.Кочубей, А.С.Потоцкая, Н.Д.Протасова, А.Г.Толстая, А.Г.Философова, Н.Д.Шарховская – принадлежали к богатейшим семействам Российской империи.

Женское помещичье землевладение в Нижегородской губернии в 1890-е гг.

За период с 1860 по 1890-е гг. произошли значительные изменения в численности дворянок-землевладеллиц и в структуре их земельных владений.

Более детально рассмотрим структуру женского дворянского землевладения в 90-е гг. XIX в. на примере **Княгининского уезда** Нижего-

родской губ. Процессы, происходившие в данном регионе в указанный период, были характерны и для других уездов Нижегородской губ.

Княгининский уезд находился на юго-востоке Нижегородской губ., граничил с севера с Макарьевским уездом, с востока – с Васильсурским, с юга – с Сергачским, с запада – с Нижегородским уездами. По сравнению с другими уездами Нижегородской губ. Княгининский был самым маленьким по площади и составлял в 1890-е гг. 270 365 дес. земли. В уезде насчитывалось 119 520 чел., из них – 56 063 мужчин и 63 457 женщин. В населении уезда дворяне составляли 0,2%. Основным занятием жителей уезда было сельское хозяйство, прежде всего полеводство, что объяснялось в первую очередь достаточно хорошими почвами уезда [34, с. 43–47; 41, с. 144–146; 28, с. 1–214; 39, с. 89–97].

Подсчеты показали, что к 1897 г. в Княгининском уезде при общем увеличении числа землевладелцев по сравнению с 1860 г. в 2,3 раза, площадь дворянских земель, принадлежавших женщинам, сократилась на 41% (с 35 739 до 21 255 дес. земли).

Если в 1860–1880-е гг. минимальный размер имений составлял 521 дес. земли (поместье Е.П.Кубаровской), то в 1897 г. площадь поместья Е.Н.Ушаковой была всего 1 дес. [8, л. 78. №25; л. 102. №4.]. В конце XIX в. мелкопоместные дворянки, то есть имевшие меньше 100 дес. земли, составляли 32% землевладелцев.

Число среднепоместных дворянок к 1897 г. увеличилось в 4 раза (с 7 до 28 чел.), а их земельные владения – на 84% (с 4 927 до 9 110 дес.). Число же крупнопоместных дворянок, напротив, сократилось в 2,5 раза (с 15 до 6 чел.), их земельная собственность уменьшилась на 63% (с 30 812 до 11 429 дес. земли).

По нашим подсчетам, если в 1860 г. группу крупнопоместных дворянок составляли землевладелцы, чьи земельные владения находились в пределах от 5 414 до 1 023 дес., то в 1897 г. – от 2 818 до 1 057 дес. [44, с. 1–61; 8, л. 1–124].

В 1890-е гг. большая часть земельных владений крупного дворянства перешла в группу среднего дворянского землевладения в результате дробления имений и продажи части земель. Это комплексное компенсационное перераспределение [61, с. 145–154] напрямую затронуло и категорию мелкопоместного дворянства, куда перешли в ходе частичной продажи имения среднепоместные дворянки.

Брачный статус помещиц-землевладелцев. В 1890-е гг. по брачному статусу среди землевладелцев Нижегородской губ. преобладали замужние женщины. Дадим подсчеты по четырем уездам. Например, в Княги-

нинском уезде замужние составляли 79% помещиц (60 чел.), незамужние (в источнике «девицы») – 20% (15 чел.), вдовы – 1,3% (1 чел.) [44, с. 1–61]. В Лукояновском уезде замужними являлись 67% женщин (46 чел.), незамужними («девицами») – 28% (19 чел.), вдовами – 6% (4 чел.) [9, 1–92]. Большинство помещиц Горбатовского уезда (40 чел., то есть 85%) также являлись замужними женщинами. Вдовы в этом уезде составляли 4% (2 чел.), девицы – 11% (5 чел.) [7, 1–157]. Материалы по Балахнинскому уезду дают аналогичное соотношение: 74% – замужние женщины, 23% – девицы, 3% – вдовы [5, 1–148].

Приведенная статистика показывает, что большинство помещиц владели своими именьями преимущественно по праву наследования от родителей или в результате собственной покупки. Нижеприведенные материалы по Арзамасскому уезду подробнее показывают это явление.

Модель наследования, по которой женщины-помещицы получали земельную собственность, была установлена по материалам архивного фонда № 1 «Арзамасское уездное казначейство».

Подсчеты показали, что в Арзамасском уезде Нижегородской губ. в 60–90-е гг. XIX в. дворянки в подавляющем большинстве наследовали земли от родителей: отцов (17 чел. из 39 получивших в собственность имение, то есть 44%) и матерей (4 чел., т. е. 10%). От мужей по завещанию получили владения 8 чел., то есть 21%. Приведем примеры. Отставной штаб-ротмистр Сергей Викторович Салтыков завещал своим дочерям, Софье Сергеевне (в замужестве Скопиной) и Александре Сергеевне (в замужестве Травиной), село Выездная слобода (312 дес.) [18, л. 590–615]. Николай Иванович Чириков оставил своей дочери Анастасии Николаевне (в замужестве Щетохиной) два села: Туманово (331 дес.) и Ковакса (78 дес.) [15, л. 643–672].

По наследству от матери, бригадирши Александры Михайловны Танеевой, незамужним сестрам Анастасии Ильиничне и Анне Ильиничне достались земли в селе Кобылино (2 дес.) [15, л. 61–66, 79–84, 67–70].

Анисья Куприяновна Данилова получила в наследство от мужа, коллежского ассессора Василия Васильевича Данилова, село Слизнево (76 дес.) [16, л. 1168–1172, 1193–1195]; Марфа (Мария) Григорьевна Краскевич от супруга, коллежского советника Ивана Ивановича Краскевича, – деревню Уланки (80 дес.) [17, л. 496–505, 528–547]. Ольга Александровна Баженова унаследовала от мужа, майора Всеволода Васильевича Баженова, село Корино (2279 дес.) [14, л. 630–667].

Еще две владелицы (то есть 5%) получили недвижимость от других родственников. Например, Авдотья Сергеевна Ханыкова (Пантелеева

по второму мужу) получила село Лукояново (146 дес.) в приданое от деда, коллежского асессора Федора Сергеевича Панютина [18, л.241–249а].

Получили собственность путем покупки восемь женщин (то есть 21%). Так, Ульяна Яковлевна Капелькина (Капелько) приобрела по купчей крепости у прапорщика Александра Яковлевича Мартоса земли в селе Измайлово (76 дес.) [17, л.476–480].

Таким образом, 59% землевладельцев Арзамасского уезде (то есть 23 чел.) унаследовали земельную собственность по линии своей родительской семьи.

Предпринимательская деятельность дворянок Нижегородской губернии

Участие представительниц дворянского сословия Нижегородской губ. в предпринимательстве было незначительным. Многие помещицы

не жили у себя в имениях, а проводили жизнь за границей или в столице, приезжая в свои владения только на короткое время. В 1870-е гг. насчитывалось лишь шесть фабрик, принадлежавших дворянкам и находившихся в поместьях (24% от общего числа предприятий, принадлежащих женщинам Нижегородской губ.). Средний возраст дворянок-предпринимательниц составлял 52 года и совпадал со средним возрастом предпринимательниц из купеческого сословия (55 лет), о чем свидетельствуют «Указатель фабрик и заводов...» [38, с. 1–677] и «Ведомость Нижегородской Городской Думы о купцах, объявивших капиталы на 1865 год» [1, л. 1–81] соответственно. А. М. Анфимов в работе «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.)» отмечал, что «к традиционным дворянским отраслям относились винокурение, пивоварение, сахарное производство, мельницы, то есть предприятия, связанные главным образом с переработкой продуктов сельского хозяйства» [19, с.256]. Рассмотрим отрасли предпринимательской деятельности дворянок Нижегородской губ.

Суконное производство. В изучаемый период в Нижегородской губ. была лишь одна дворянская суконная фабрика. Владелицей предприятия являлась А. Г. Философова. Фабрика находилась в с.Кемля Лукояновского уезда. В 1879 г. ее производство составило 86 700 руб. На предприятии изготавливалось до 85 тыс. аршин сукна. На фабрике работал 361 рабочий [38, с.24].

Винокуренное производство. Помещицы были наиболее активны в винокурении [19, с.256–257; 53, с.53–55]. Женщинам-дворянкам, согласно «Списку винокуренных заводов Российской империи», во второй

половине 1880-х гг. принадлежало пять винокуренных заводов (то есть 39% от общего количества винокуренных предприятий в Нижегородской губ.): Кемленский в Лукояновском уезде, Лысковский в Макарьевском уезде, Спасский в Арзамасском уезде, Успенский в Ардатовском уезде, Савеловский – в Горбатовском уезде.

Винокуренный завод А.Г.Философовой (1815–1892) в с.Кемля существовал с 1829 г. [48, с.41]. Село и завод Анна Григорьевна получила в качестве приданого от своего отца, пензенского предводителя дворянства, Г.Д.Столыпина. Мужем владелицы предприятия был генерал-адъютант А.И.Философов, в браке супруги имели семеро детей.

В 1880-е гг. на предприятии А.Г.Философовой работало 49 рабочих, а управлял им сын владелицы. Под свекловичные поля было отведено 6188 дес. земли. Четверть производимого объема барды (отходы винокуренного производств в виде густой жидкости, оставшейся после изготовления спирта из зерна или картофеля) продавалось по $\frac{3}{4}$ коп. за ведро, а остальное употреблялось на корм скоту. Совокупная емкость квасильных чанов составляла 9930 ведер. Среднее количество суточного затирания припасов: 452 пуд. хлеба и 345 пуд. картофеля. Применялась очистка холодным способом. Спирт сбывался в Нижний Новгород и на свои склады, а вино шло на местное потребление.

А.Г.Философова была властной помещицей-предпринимательницей. «Муж был ей плохим помощником. Она руководится во всем советами дядюшки Афанасия Алексеевича. <...> Если письма ее мужа к управляющим в высшей степени мягки и деликатны, то стиль ее писем резок и решителен» [32, с. 661–690].

Винокуренный завод в с. Лысково Макарьевского уезда [48, с.41–42] принадлежал графине А.Г.Толстой (1798–1889). Владелица предприятия, как мы указали выше, была замужем за графом А.П.Толстым (1801–1873). Супруги Толстые в Лыскове не жили. Всеми делами, связанными с имением, ведал управляющий, Евграф Александрович Стогов, который исполнял эту должность еще при жизни Г.А.Грузинского, отца графини Толстой.

Среднее количество суточного затирания припасов на заводе составляло 1109 пуд. хлеба. Совокупная емкость квасильных чанов – 19962 ведра. Очистка производилась холодным способом. Барда продавалась по $\frac{1}{2}$ коп. за ведро скотопромышленникам и местным крестьянам. Спирт сбывался в Нижегородской, Владимирской и Костромской губ.

Спасский винокуренный завод [48, с.40] баронессы Марии Федоровны Розен (1822–1888) находился при с.Спасском Арзамасского уезда, в 22

верстах от г. Лукоянова и в 50 от Арзамаса. Обыкновенная выкурка вина на заводе доходила до 65 тыс. ведер в год. Сбыт производился в пределах Нижегородской губ. Владелица предприятия была дочерью Ф.И. Ладыженского и В.И. Исленьевой. В первом браке Розен была за витебским губернатором М.П. Львовым (1804–1854), во втором – за бароном Д.Г. Розеном (1815–1885).

В 1863 г. [48, с. 39–40] в с. Успенском Ардатовского уезда был основан винокуренный завод Марии Илларионовны Ильинской (1841–?). Под свекловичными полями числилось 964 дес. земли. В основном барда шла на откармливание быков, лишь незначительная часть продавалась крестьянам от $\frac{1}{2}$ до 1 коп. за ведро. Совокупная емкость квасильных чанов – 7288 ведер. Среднее количество суточного затирания припасов составляло 608 пуд. хлеба.

Владелица фабрики была дочерью помещика Ярославской губ., отставного инженер-майора И. А. Мусина-Пушкина. Муж – капитан первого ранга Д. В. Ильинский (1822–1893). Ильинские имели двух сыновей и пять дочерей. В 1886 г. семья Ильинских была причислена к дворянству Нижегородской губернии.

В с. Савелове Горбатовского уезда [48, с. 40] находился винокуренный завод Юлии Сергеевны Шереметевой (1847–1916). Под полями было 310 дес. земли. В основном барда шла на откармливание собственного скота, лишь незначительная часть продавалась крестьянам. Совокупная емкость квасильных чанов составляла 10366 ведер. Среднее количество суточного затирания составляло 346 пуд. хлеба. Ю. С. Шереметева, незаконнорожденная дочь нижегородского губернского предводителя дворянства С. В. Шереметева, была замужем за Б. А. Шереметевым (1831–1886) [58, с. 47–49].

Введение в 1861 г. акцизной системы в винокуренной отрасли привело к быстрому сокращению в России дворянского винокурения, которое характеризовалось в массе своей низким техническим уровнем [55, с. 198–202]. В 1890-е гг. в Нижегородской губ. продолжало работать лишь одно предприятие, принадлежащее женщине дворянского сословия – Кемленский завод А. Г. Философовой, на котором было занято 63 чел. В 1891 г. на предприятии было произведено 30 тыс. ведер безводного спирта [38, с. 619].

Сыроваренное производство. Во второй половине XIX в. в дворянских хозяйствах Нижегородской губ. был основан ряд сыроваренных заводов, чему способствовало наличие достаточного количества молочного скота, качественного корма и профессиональных кадров. Об этом

явлении писал известный публицист В.В.Воронцов. Он упоминал, что сыры швейцарский и «частью лимбургский» варились «в небольших размерах» в имениях Тверской, Смоленской, Владимирской, Нижегородской, Вологодской и других губерний [21, с.21]. Однако сами владелицы не занимались производством. Они выступали в роли арендодателей, а дела вели арендаторы-предприниматели, причем преимущественно иностранного происхождения. Поэтому об этих заведениях будет упомянуто кратко.

Предприятие по изготовлению сыра в имени А.Г.Философовой в с.Кемля было основано в 1880 г. В 1894 г. на нем было произведено 950 пуд. сыра на сумму 6 тыс. руб. На фабрике работало три человека. Владелица сдавала сыроваренный завод в аренду швейцарскому подданному Христиану Бихселю [38, с.574; 49, с.82–102].

В 1883 г. сыроваренное предприятие в с.Оброчном Лукояновского уезда создала Ольга Алексеевна Горсткина (в девичестве Потемкина) (1845–1917). Владелица была женой действительного статского советника П.И.Горсткина (1835–1896), супруги имели троих детей.

В 1894 г. на фабрике было произведено 800 пуд. сыра на сумму 5 тыс. руб. На предприятии было занято три человека. Согласно «Указателю фабрик и заводов», сыроваренный завод Горсткойной в 1891 г. арендовал швейцарский подданный Х.Бихсель, в 1897 г. – Г.Я.Шерер [54, с.796–797].

Из других предпринимательских занятий помещиц следует назвать коннозаводство.

Вдова губернского секретаря Юлия Павловна Племянникова в д.Перелетиха Княгининского уезда занималась коннозаводством – разведением рысистых и полурысистых лошадей. Ежегодное производство составляло от семи до десяти голов. Приплод в двух- и трехлетнем возрасте продавался на месте и на ярмарке в Нижнем Новгороде. На Всероссийской промышленной и художественной выставке в 1896 г. Племянникова представила три жеребца-производителя, девять рысистых и три полурысистых матки, 21 приплод разных возрастов [43, с.37].

Приведенные сведения показывают, что в конце 1880-х – 1890-х гг. помещицы активно занимались предпринимательством в своих имениях. Наиболее распространенным видом хозяйственной деятельности являлось винокуренное производство. Владелицами винокуренных заводов были А.Г.Толстая, М.Ф.Розен, М.И.Ильинская, Ю.С.Шереметева. Одной из самых предприимчивых помещиц Нижегородской губ. была А.Г.Фи-

лософова: в ее имении в с.Кемля Лукояновского уезда находились суконная фабрика, винокуренный завод и фабрика по изготовлению сыра.

Попечительская и благотворительная деятельность помещиц в их имениях. Помещицы А.Г.Философова и А.Г.Толстая уделяли внимание заботе о своих работниках. Архивные данные показали, что при винокуренном заводе А.Г.Толстой (с.Лысково) находилась одноэтажная «деревянная на каменном фундаменте» больница. Лечебное учреждение было рассчитано на 32 кровати, имело три отделения: глазное, кожно-венерологическое и инфекционное. В штате больницы были врач, помощник врача, три фельдшера, фармацевт. При учреждении были разбиты обширный сад и огород. В год бесплатно принималось около 200 больных [2, л.45, 45 об].

В имении А.Г.Философовой (с.Кемля Лукояновского уезда) имелась больница с 16 бесплатными койками для работников завода, с медицинско-фельдшерским персоналом и медикаментами [44, с.44–45].

Заключение

В 1860-е – 1890-е гг. в Нижегородской губернии 33% всех имений находились в собственности женщин дворянского сословия. Многие помещицы имели несколько имений, иногда в разных уездах. Поместья значительно различались по размерам. В среднем на одну помещицу приходилось 2620 дес. земли. Преобладало крупное дворянское землевладение: 56% женщин являлись владелицами земли размером от 1000 до 10000 дес.; лишь 3% женщин имели в собственности менее 500 дес. земли. К 1897 г. число крупных дворянок-землевладельцев в Нижегородской губ. сократилось, среднее же женское помещичье землевладение, напротив, значительно укрепилось. Среди землевладельцев Нижегородской губ. преобладали по брачному статусу замужние женщины, получившие земли в наследство от отцов (родителей), таких помещиц было около 60%. Поскольку в российском законодательстве существовал принцип раздельной собственности супругов, то женщина могла самостоятельно заниматься предпринимательской деятельностью. Дворянки Нижегородской губ. в 1860-е – 1890-е гг. владели суконными (А.Г.Философова), винокуренными (А.Г.Философова, А.Г.Толстая, М.Ф.Розен, М.И.Ильинская, Ю.С.Шереметева) и сыроваренными предприятиями (А.Г.Философова, О.А.Горсткіна).

Список сокращений

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области

Библиографический список

1. Ведомость о купцах и их капиталах на 1865 год // ЦАНО. Ф.27. Оп.638. Д.3209.
2. Дело о сведениях по всем существующим в Нижнем Новгороде благотворительным заведениям в 1869 году // ЦАНО. Ф.5. Оп.48. Д.5471.
3. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Ардатовский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.261, ч.II/891.
4. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Арзамасский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.262, ч.II/893.
5. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Балахнинский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.263, ч.II/895.
6. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Васильсурский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.264, ч.II/897.
7. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Горбатовский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.265, ч.II/899.
8. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Княгининский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.266, ч.II/901.
9. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Лукояновский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.267, ч.II/903.
10. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Макарьевский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.268, ч.II/905.
11. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Нижегородский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.269, ч.II/907.
12. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Семеновский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.272, ч.II/912.
13. Планы дач генерального и специального межевания, 1746–1917 гг. Нижегородская губерния. Сергачский уезд // РГАДА. Ф.1354. Оп.273, ч.II/914.
14. Ревизские сказки жителей селений Арзамасского уезда, 29 мая – 23 октября 1850 г. // ЦАНО. Ф.1. Оп.1. Д.217.
15. Ревизские сказки жителей селений Арзамасского уезда, 23 января – 23 февраля 1858 г. // ЦАНО. Ф.1. Оп.1. Д.241.
16. Ревизские сказки жителей селений Арзамасского уезда, 17 августа 1857–31 мая 1858 г. // ЦАНО. Ф.1. Оп.1. Д.244.

17. Ревизские сказки жителей селений Арзамасского уезда, 17 марта – 15 апреля 1858 г. // ЦАНО. Ф.1. Оп.1. Д.245.
18. Ревизские сказки жителей селений Арзамасского уезда, 31 декабря 1857–24 сентября 1858 г. // ЦАНО. Ф.1. Оп.1. Д.247.
19. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 394 с.
20. Бровкина Л.А. Дворянская женщина Центрального Черноземья в 50–90-е гг. XIX в. Дисс. ... канд.ист.наук. Белгород, 2007. 174 с.
21. Воронцов В.П. Мелкое производство в России. Ч.П. Артельные начинания русского общества. СПб.: типография В.Киршбаума, 1895. 200 с.
22. Дружинин Н.М. О периодизации истории капиталистических отношений в России // Вопросы истории. 1949. №11. С.90–106.
23. Истомина И.В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX в. (по материалам Центрально-Черноземных губерний). Дисс. ... канд.ист.наук. Белгород, 2013. 176 с.
24. Казанцева С.Г. Роль Самарского и Симбирского дворянства в деле поощрения и поддержки образования на рубеже XIX–XX веков // Самарский научный вестник. 2017. Т.6. №1 (18). С.120–123.
25. Карабанов П.Ф. Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях // Русская старина. 1871. Т.3. №4. С.457–473.
26. Кирьянов И.А. О родине декабриста М.Б.Бестужева-Рюмина // Записки краеведов. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С.113–119.
27. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России (1861–1904 гг.): состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
28. Коробкин А.С. Очерк города Княгинина и его уезда // Нижегородский сборник. Т.6 / Под ред. Гациского А.С. Нижний Новгород: Нижегородский статистический комитет, 1877. С.209–218.
29. Краснова Е.Ю. Нижегородские Демидовы в родовом имении Быковка // Записки краеведов. Нижний Новгород: Книги, 2004. С.100–117.
30. Лушин Н.А. Дворянский род Белавиных и Нижегородский край // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. С.153–155.
31. Маррезе М.Л. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение, 2009. 363 с.
32. Михайлова А.Н. Лермонтов и его родня по документам архива А.И.Философова // Литературное наследство. Т.45–46. М.: Издательство АН СССР, 1948. С.661–690.
33. Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. №9. С.23–42.

34. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. СПб.: Губернское земство, 1896. 133 с.

35. Новопрославленная чудотворная икона Знамени Пресвятыя Богородицы и Серафимо-Понетаевский монастырь Нижегородской епархии Арзамасского уезда. СПб.: Серафимо-Понетаевский монастырь, 1888. 78 с.

36. Оноприенко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е годы XIX века (на примере Центрального Черноземья). Автореф. дисс. ... канд. ист.наук. Воронеж, 2007. 26 с.

37. Оноприенко И.Г. Дворянский усадебный комплекс Центрального Черноземья и его структурно-типологическая композиция во второй половине XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика, Информатика. 2012. №1 (120). Вып.21. С.116–122.

38. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: типография братьев Пантелеевых, 1881. 754 с.

39. Павлова О.А. Историческое развитие земельных отношений в отдельных регионах России // Вестник НГИЭИ. 2018. №2. С.89–97.

40. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1890 г. Нижний Новгород: Нижегородское губернское правление, 1890. 534 с.

41. Пашкевич В.В. Плодоводство в Нижегородской губернии. СПб.: типография В.Киршбаума, 1904. 302 с.

42. Петров В.И. Социально-экономическая характеристика землевладельческого дворянства Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2018. Т.17. №36. С.675–695.

43. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел II. Коннозаводство и коневодство. М.: Русское товарищество печатного и издательского дела, 1896. 48 с.

44. Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т.2. СПб.: Комиссия для составления положений о крестьянах, 1860. Нижегородская губерния. 61 с.

45. Путешествие Государя Наследника Цесаревича в 1861 году. СПб.: типография Н.Греча, 1861. 65 с.

46. Радеева О.Н. Новые документы по истории села Лыскова Нижегородской области в собрании Отдела рукописей РГБ // Румянцевские чтения. Материалы международной научной конференции (14–15 апреля 2015 г.). Ч.2. М.: Пашков дом, 2015. С.49–54.

47. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т.7. Царствование императора Александра II. 1877–1881. СПб.: типография Товарищества «Общественная польза», 1883. 63 с.

48. Список винокуренных заводов Российской империи с указанием их характера, размеров производства и условий сбыта вина за периоды 1886/7 и 1887/8 гг. СПб.: типография В.Киршбаума, 1890. 442 с.

49. Тихонова А.В. Швейцарские предприниматели и создание промышленного сыроварения в Смоленской губернии в XIX – начале XX в. // Экономическая история: ежегодник. 2008. М.: Институт российской истории РАН, 2009. С.82–102.

50. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехвятского, Московской губернии и уезда. М.: Печатня А.И.Снегиревой, 1898. 91 с.

51. Ульянова Г.Н. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. №3. С.50–81.

52. Ульянова Г.Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е годы: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016–2017. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С.140–169.

53. Ульянова Г.Н. Купчихи-фабрикантки в городах северных губерний (Архангельской, Вологодской и Санкт-Петербургской) по данным промышленной статистики конца XVIII – первой половины XIX в. // Материалы Девятой международной научной конференции «Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков». М.: ИЭА РАН, 2018. Т.1. С.53–55.

54. Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. СПб.: типография И.А.Ефрона, 1897. 1048 с.

55. Федосеев Р.В. Винокурение в структуре дворянского хозяйства Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №2 (64). С.198–202.

56. Федосеев Р.В. Структура дворянского землевладения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века // Экономическая история. 2014. №2 (25). С.66–75.

57. Чикаева К.С. Социальные характеристики дворянства Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX века // Общество: философия, история, культура. 2018. №10. Вып.6. С.54–58.

58. Чикунова Ю.А. Нижегородские губернские предводители дворянства – Сергей Васильевич и Николай Васильевич Шереметевы // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. С.47–49.

59. Шаповалов В.А. К проблеме изучения пореформенной эволюции поместного землевладения и стратификации поместного дворянства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №1 (31). С.91–100.

60. Шаповалов В.А., Истомина И.В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в контексте подготовки и реализации реформы отмены крепостного права // Научные ведомости. 2015. №1 (198). Вып.33. С.97–99.

61. Шаповалова И. В. Мелкопоместное землевладение и землепользование в Центральном Черноземье в 60–90-е гг. XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №22. С. 145–154.

62. Шевнина О. Е. Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 1870-е гг. (на материалах губерний Среднего Поволжья). Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Пенза, 2003. 24 с.

63. Шумилкин С. М. Усадьба Приклонских-Рукавишниковых в Подвязье // Записки краеведов. Нижний Новгород: Книги, 2004. С. 89–100.

**Валерий Журавлев, Любовь
Лазарева, Елена Беспятова, Елена
Курапова, Ольга Шашкова, Наталья
Суханова, Дмитрий Маслов**

**СОВЕТСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
И СУДЬБА СОЮЗНОГО
ГОСУДАРСТВА**

**(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО
СТОЛА)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

Столетие образования и тридцатилетие распада СССР актуализируют поиск причин происшедшего. В последние годы вышел ряд монографий и сборников документов (указаны в списке к публикации Л.Н.Лазаревой – 1, 3, 4, 6), в которых экономическая тематика занимает важное место. Идея круглого стола, состоявшегося 22 апреля 2022 г. в Центре социально-политической истории (сотрудникам которого Е.Н.Струковой, И.С.Кучанову, В.П.Ланиной участники мероприятия выражают искреннюю признательность), заключалась в том, чтобы авторы указанных изданий представили свое видение связи экономических процессов на всех этапах истории Советского Союза с распадом государства. Инициатива проведения круглого стола принадлежит Государственной публичной исторической библиотеке, кафедре новейшей истории России МГОПУ, Российскому государственному архиву литературы и искусства. Тексты публикуются в авторской редакции. Ответственные за публикацию Д.В.Маслов, Л.Н.Лазарева.

The centenary of education and the thirtieth anniversary of the collapse of the USSR actualize the search for the causes of what happened. In recent years, a number of monographs and collections of documents have been published (listed in the list for publication by L.N.Lazareva – 1, 3, 4, 6), in which the economic theme occupies an important place. The idea of the round table, held on April 22, 2022 at the Center for Socio-Political History (to which the participants of the event express their sincere gratitude), was for the authors of these publications to present their vision of the connection of economic processes at all stages of the history of the Soviet Union with the collapse of the state. The initiative of the round table belongs to the State Public Historical Library, the Department of Modern History of Russia of Moscow State Regional Pedagogical University, the Russian State Archive of Literature and Art. The texts are published in the author's edition. Responsible for the publication D.V.Maslov, L.N.Lazareva.

Ключевые слова: экономические процессы и распад государства.
Key words: economic processes and the collapse of the state.

E-mail: laz_dom@mail.ru; 79162168532@yandex.ru

Импортозамещение или импортопреодоление – вот в чем вопрос!

Поскольку в основу идеи проведения настоящего круглого стола была положена презентация комплекса исследовательских и документальных изданий, посвященных истории советского реформирования, считаю возможным остановиться на концептуальной стороне вопроса, на некоторых моментах становления общего замысла, положенного в основу наших изысканий. При этом мы исходили из того, что феномен советского реформирования трудно понять и оценить, не сориентировавшись предварительно в координатах того общества, которое бросило вызов цивилизационного масштаба и значения всему остальному миру. И в течение семидесяти с лишним лет пыталось отстоять этот вызов на всех возможных «фронтах» жизнедеятельности социума: экономическом, социальном, политическом, мировоззренческом, идеологическом, духовном, культурном, нравственном... И, конечно же, на реальных фронтах Гражданской, Великой Отечественной и сменившей ее «холодной войны».

Начиная работу, мы положили в основу наших изысканий основополагающий тезис о том, что по мере того, как события и явления советской истории все более и более отдаляются от нас а проблемы современности нарастают, становится очевидным, что данный феномен не заслуживает безоговорочного порицания, как и его тотальная идеализация. Он нуждается в серьезном, сбалансированном, политически и эмоционально не ангажированном изучении, хотя в итоге и не удавшейся, но исторически значимой заявке на некапиталистический тип модернизации общественных отношений. Концепция наших наработок складывалась не один год и даже не одно десятилетие. Готовясь к настоящему выступлению, я вспомнил о событии 17-летней давности. Когда в ходе проходившего еще в 2005 году научного семинара Фонда политического централизма мне пришлось участвовать в обсуждении очень интересного и, как показало время, точного в прогностическом плане доклада Вардана Эрнестовича Багдасаряна «Экономические реформы как способ реализации национальных интересов и национальной безопасности России». Доклад вызвал достаточно острую дискуссию. Последовательные глобалисты, находясь на пике своей тогдашней популярности, пугали ситуацией, когда нас «коленками вытолкнут» из мирового глобализи-

рующегося пространства, и мы будем «со своими национальными ценностями сидеть и жевать одну картошку и пить плохое "Жигулевское" пиво».

Находясь в числе оппонентов такого «железобетонного» подхода, ваш покорный слуга настаивал на необходимости анализа не только негативных, но и позитивных сторон советского опыта существования страны, оказавшейся, по существу, в блокаде от остального мира.

Попытаюсь дословно воспроизвести некоторые положения этого выступления, заявленного в такой формулировке: «Будь рыночным глобалистом, но держи козырь автаркии в кармане».

Не для саморекламы, а исключительно с позиций того, от каких представлений начинался путь нашего коллектива к формированию концепции советского реформирования в сопоставлении ее с запросами современности.

Итак, цитирую:

«Уже исторически очевидным фактом постсоветской действительности стало видение и понимание того, к чему может привести безоглядное ориентирование отечественной экономики на чужие и чуждые ее природе образцы. Так что сама историческая практика требует поиска приемлемого сочетания инструментария глобализирующегося мирового рынка с автаркистским "неприкосновенным фондом". Непременная составляющая такого "фонда" – все то, что способно обеспечить безопасность страны и ее граждан на случай кардинальных изменений внешне- и внутривнутриполитической ситуации.

Возьмем, к примеру, продовольственную безопасность – "ахиллесову пята" современного российского общества. Наше историческое прошлое, как, впрочем, и настоящее, свидетельствуют, что Россия способна выдержать практически любые потери и испытания. Но голод, который может возникнуть в гипотетическом случае объявления экономической блокады страны и простой невозможности закупать продовольствие победить ничем, кроме наличного продовольствия, нельзя. Если мне скажут, что такая ситуация нереальна, то я отвечу, что мудрая государственная политика должна учитывать все теоретически возможные ситуации. (Кстати, мне уже приходилось слышать на одном из авторитетных международных симпозиумов "новации" некоего доктора географических наук, считающего себя специалистом по глобалистике: "А зачем нам армия? Ведь нам никто не угрожает")...

Плата, которую сегодня Запад требует от России за ее приобщение (назовем это "причащением") к "мировой цивилизации", включает в се-

бя и весьма определенные "таинства" псевдоевхаристии в виде "плоти и крови" нации, в том числе ее природных богатств. Со временем по мере усиления мирового сырьевого кризиса, требования эти будут ужесточаться, реализуя себя не только экономическими средствами. В этой ситуации надо уже сегодня готовить "наш ответ Чемберлену", ответ, который, если не положит конец, то принципиально ограничит наши поставки Западу сырья за бесценок. Иными словами, "козырь автаркии"... служит для российского социума жизненно необходимым атрибутом самосохранения» [1].

Эти исходные установки 17-летней давности (в ряду иных) и были положены в основу нашего анализа типа советского реформирования.

Что мы имеем к настоящему времени? Думаю, что страна вступает в полосу перехода от догоняющего развития к органическому. Ориентируясь при этом не на чьи-то посторонние образцы, а на собственные внутренние потребности. Руководствуясь при этом принципом, который я бы сформулировал следующим образом: «Изменяя себя, не изменяй самому себе».

Термин «импортозамещение», который сегодня у всех на слуху, я лично склонен толковать как «**импортопреодоление**». И распространять его не только на область товарооборота и экономики в целом. Но и на все сферы жизни российского общества, вплоть до мировоззрения, культуры и духовной жизни в целом. И, конечно же, образования не в последнюю очередь.

Саму же национальную идею я лично для себя формулирую следующим образом: «**Встать вровень с самыми передовыми странами, оставаясь при этом Россией**».

Подводя промежуточные итоги в свете проблем современного этапа нашего развития, можно констатировать, что день нынешний актуализировал наработки нашего творческого коллектива как исследовательского, так и документального плана. Показав, что опыт СССР содержит как несомненные достижения, так и предостережения, что в одинаковой степени ценно. И что нашло отражение в сегодняшних выступлениях.

К числу советских реформаторских достижений, заслуживающих особого внимания с позиций актуальности их в плане исторического опыта, можно отнести высокий профессионализм денежных реформ 1921, 1924 и 1947 годов, комплексность усилий государства и общества в реализации начал культурной революции как системной реформы.

Не потеряли своего значения для современности экономические дискуссии 1920-х годов в русле выработки принципов Новой экономической

политики, планы и дискуссии 1947–1953 гг. на этапе позднего сталинизма, опыт послевоенной дедолларизации экономики. А также острые и зрелые обсуждения в ходе становления концепции «косыгинской» экономической реформы 1965 года.

В плане предостережений заслуживают внимания парадоксы и метания «хрущевского» десятилетия, свидетельствующие о том, как можно укреплять страну, одновременно подготавливая почву для ее разрушения.

И, конечно же, тщательного анализа с позиций современных вызовов требуют уроки «горбачевской» перестройки, прежде всего как «размашистой» реформаторской политики. Результаты и последствия которой, не будучи подкрепленными реальными сдвигами, вышли из-под контроля государства, а также не получили понимания и поддержки в широких слоях общества. Создав предпосылки для распада СССР.

Рассчитываю, что у нас еще хватит времени и сил для дальнейшего движения по уже означенным направлениям.

Библиографический список

1. Журавлев В.В. Будь рыночным глобалистом, но держи козырь автаркии в кармане // Социально-политические процессы и экономическое состояние России. Материалы научного семинара. Выпуск №5. М.: Научный эксперт, 2005. С.150–151.

Елена Беспятова

Парадоксы НЭПа в контексте образования союзного государства

Современные задачи административно-территориального устройства обновляющейся Российской Федерации требуют глубокого понимания этиологии центробежных националистических тенденций 1990–1991 гг., приведших к распаду СССР. Поиск причинно-следственных связей, ставших предпосылками кризиса мощного государства, подталкивает исследователей к анализу проблем взаимосвязи практического управления советским государством и территориальной дифференциацией экономического пространства. Причем на самом раннем этапе национально-государственного строительства СССР, совпавшем с периодом новой экономической политики.

Установка на НЭП, как экономическую политику «всерьез и надолго», «по умолчанию» активировала задачу создания системы рационального управления экономикой, сочетающей рыночные отношения с централизованным планированием и обобщественными средствами производства. Логика восстановления всех регионов и экономики страны в целом, а также обоснованного построения экономических связей между аграрным и промышленным секторами экономики, формировали задачу институализации новых территориальных отношений.

Однако на первом этапе национально-государственного строительства административно-территориальное образование четырех советских республик и их объединение в 1922 г. в одно Союзное государство носило формальный и демонстративный характер. Это было как бы послание стране и всему миру о том, что создается новое государство: «Союз Советских Республик Европы и Азии» [1, с.211], т.е. государство, в котором добровольно объединяются многие социалистические государства в настоящем и в будущем.

Таким образом, в образовании Союзного государства основными были факторы внеэкономического характера (фактор равноправия и перспектива мировой революции). Однако работа по административно-территориальному конструированию советского государства только разворачивалась. Эмпирический дискурс утверждался в государственных плановых и научных учреждениях: Государственной комиссии по электрификации России, Госплане СССР, Центральном статистическом управлении СССР и научно-исследовательских институтах в структуре Академии наук.

В авторитетной среде отечественных экономистов, политиков и государственных деятелей заговорили об экономическом районировании. Принципиально новым здесь было то, что экономическое районирование позиционировалось не для нужд научного исследования территорий или практического управления регионами. А рассматривалось в качестве базового принципа административно-территориального устройства Союзного государства. Таким образом, экономическое районирование из предмета исследования экономики в порайонном профиле принимало концепт структурной основы национально-государственного строительства советской России. На практике при государственном структурировании наряду с национальными принципами федерализма, конфедерализма и автономизации утверждался экономический принцип районирования.

На наш взгляд, принцип районирования был компромиссом между централизмом и конфедерализмом. Базирующееся на основе принципа автономизации, экономическое районирование предполагало формирование единого хозяйственного механизма – «единой фабрики» – на общей территории, объединяющей советские республики.

Именно на подчинении административно-территориального деления Союза экономическому признаку настаивал будущий академик АН СССР Иван Гаврилович Александров, участник разработки плана ГОЭЛРО и один из авторов проекта Днепрогэса.

По мнению Александрова неоднозначный этнический состав, значительная культурная и экономическая отсталость большинства народностей, населяющих территорию СССР, разнообразные формы проникновения одного социума в другой предопределяли такую государственно-национальную структуру, при которой правовое равенство являлось лишь одним из факторов нового государства. Автор и сборник идеи экономического районирования территории страны утверждал, что, если хозяйственные связи внутри страны правильно будут сконструированы и будут соответствовать объективным предпосылкам экономического развития, то как раз они и станут базой прочного национально-государственного единства Советского Союза [2, с. 61]. В основе районирования Александров видел следующие принципы: 1) Границы автономий не должны нарушаться; 2) Конституции автономий также не должны нарушаться; 3) Отраслевые объединения и изменения границ должны производиться на основе добровольных соглашений и утверждаться высшей союзной инстанцией [2, с. 62].

Основную идею районирования – создать национально-государственное единство на базе целесообразного сотрудничества, соответствующего объективным предпосылкам экономического развития, поддерживали и развивали отечественные ученые-экономисты, представители организационно-производственной школы русской экономической мысли.

Но прежде необходимо отметить, что идея районирования, то есть эффективного хозяйственного размещения и специализации не была оригинальной. Теоретическими родоначальниками и первыми практиками районирования были немецкие ученые, разрабатывавшие идею «изолированного государства»: экономист Иоганн Генрих фон Тюнен, философ Иоганн Фихте, экономист и директор электротехнического концерна Вальтер Ратенау. Позже идею экономической самостоятельности и самодостаточности подхватили советские профессора Тимирязевской академии, посчитав ее конструктивной и перспективной, с поправкой,

однако, на географический фактор. Немецкие ученые разрабатывали экономическую модель относительно небольшого государства. Российские же ученые разрабатывали экономическую модель применительно к условиям огромной многонациональной, многоконфессиональной и природно-климатически неоднородной страны.

Особый интерес вызывают наработки выдающегося русского ученого, представителя организационно-производственной школы, Александра Николаевича Челинцева (1874–1962). При разработке первой пятилетки Челинцев отстаивал концепцию углубления межрегионального разделения труда и создания крупных специализированных зон, производящих и поставляющих товарную продукцию для всей страны на единый рынок. Примером для него было решение хлопковой проблемы. Так, Средняя Азия, прежде всего Узбекистан, была превращена в хлопковый регион. Зерновые были убраны оттуда, а снабжаться зерном Средняя Азия стала из Сибири. А для решения этой задачи был построен (1927–1930) Турксиб – железная дорога из Сибири в Среднюю Азию [3, с. 69].

Рациональное решение этой большой народно-хозяйственной задачи было флагманом в 1920-х годах в проведении политики укрупнения регионов и планирования их развития в рамках единого народно-хозяйственного комплекса страны.

Однако в 1930-х годах произошел отход, особенно в сельском хозяйстве, от идеи единой экономической системы и единого рынка к идее регионального продовольственного самообеспечения и продовольственной безопасности. Начиная с 1931 г. только что созданные края и области стали подвергаться дроблению, а уже в 1937–1944 гг. это дробление приобрело прогрессирующий характер.

Победа этнического (национального) критерия над экономическим, при административно-территориальной дифференциации, была следствием того, что в обстановке кризиса нэповской экономической модели политическое руководство страны опасалось роста националистических настроений. Распад единого экономического пространства и насаждаемая политика коренизации и умиротворения национальных идентичностей привели в перспективе к обострению национальных отношений. Парадокс заключается в том, что отказ от идеи единого рынка стал важной предпосылкой раздробления страны и распада Союзного государства.

В условиях развития рыночной экономики в сложной геополитической обстановке имеет смысл вновь вернуться к первоначальным идеям районирования и оценить всю важность единой экономической системы

и единого рынка с соответствующими различиями и специализацией производительных сил.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Т.45, март 1922–март 1923. 1964. 729 с.
2. Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. 76 с.
3. Челинцев А.Н. Методология и практика сельскохозяйственного районирования (избранные труды). М.: ВИАПИ; ЭРД, 2006. 346 с. Вып.3.

Елена Курапова

Промышленность России в годы НЭПа: насущенные проблемы деятельности трестов и синдикатов

В общей теме «Советская экономическая модель и судьба союзного государства» период проведения в СССР новой экономической политики занимает одно из важнейших мест. За короткий в историческом плане временной отрезок, даже не полного десятилетия 1920-х гг., была восстановлена, в основных чертах, экономика России, снова начало функционировать единое экономическое пространство, разрушенное Гражданской войной [1, с.35]. Введением и реализацией новой экономической политики была «спасена» Советская власть и обеспечено продолжение строительства нового строя. Сворачивание НЭПа стало предтечей монолитного господства государства в экономической жизни страны, что, в конечном итоге, привело сначала к экономическому, а затем и политическому краху державы.

Важнейшим атрибутом действия экономической системы НЭПа, при всех возможных отступлениях, являлось наличие рыночной конъюнктуры, определявшей в конечном итоге развитие хозяйственной деятельности в стране. Какие проблемы хозяйственной практики, экономической повседневности тех лет можно выделить как характерные? Остановимся подробнее на вопросах развития российской промышленности тех лет. Поставленная в годы НЭПа задача трестирования и синдицирования промышленности была неразрывно связана с развитием торговых операций, в процессе ее реализации возникла проблема частного посредничества во взаимодействии между государственными органами,

стал актуальным вопрос использования иностранного капитала для промышленного возрождения России. Взаимодействие госпромышленности и кооперации, роль частного капитала в развитии пищевой и легкой промышленности также вошли в актуальную повестку дня.

В годы НЭПа значимую организационно-надзорную роль в сфере промышленности имел Высший Совет Народного Хозяйства. Обращение к документам этого документального комплекса позволяет узнать о положении дел в трестах и синдикатах, созданных в годы раннего НЭПа. Например, в справке Экономического управления ВСНХ (1 июня 1922 г.) о деятельности Стеклофарфортреста за первые месяцы его деятельности указано, что трест объединяет 4 фарфоровых и 12 стекольных заводов Центральной России с общим числом рабочих 10 500 человек. «Выработка на одного рабочего в сравнении с довоенным временем составляет 50% ввиду изношенности оборудования, недостатка квалификации рабочих и плохого снабжения». Основное сырье фарфорово-фаянсовых фабрик (каолин, кварц, полевой шпат) «ввозилось до октября 1917 г. из-за границы, с 1920 г. начинается разработка русских месторождений». Продажа продукции «производится путем предложения на бирже» и «через уполномоченных», для розничной продажи открыто 5 магазинов. Как указано в документе, «в данный момент – кризис сбыта. Рынок наводнен товарами не только треста, но и других стекольных объединений. На оконное стекло сезон осенью, а посуда идет слабо». Приведенные в справке расчеты о финансовом положении треста говорят о дефиците в 1 700 000 золотых рублей [1, с.250, 253].

Согласно «Обзору Экономического управления ВСНХ. Краткий обзор в цифрах» от 23 ноября 1922 г. синдицирование промышленности в первую половину 1922 г. «охватило отрасли промышленности, вырабатывающие преимущественно предметы широкого потребления», были организованы текстильный, соляной, кожевенный, спичечный, сельскохозяйственного машиностроения, табачный, махорочный, винокурный, швейный синдикаты. При этом «основные отрасли промышленности и отрасли, связанные больше с государственным, а не частным рынком, сильно запоздали» (угольный, нефтяной, синдикаты «металлической промышленности» и др.). В 12-ти существующих синдикатах объединены 142 треста, в которых 1587 предприятий с 486 298 рабочих [1, с. 274, 278].

Начиная с 1923 г. в президиум ВСНХ СССР стали поступать ходатайства действующих синдикатов о предоставлении кредитов. Так, например, 31 октября 1923 г. Уральский горнозаводский синдикат «Урал-

мет» обратился с просьбой о предоставлении долгосрочного кредита под имеющуюся в наличии продукцию. В документе говорится «о полной депрессии в области спроса на металлическую продукцию»: за октябрь Уралмету удалось заключить «несколько крупных сделок по продаже чугуна... около 450 000 пудов на сумму до 800 000 червонных рублей». Однако «эта запродажа мало действительна в смысле финансовой поддержки»: в условиях «современного безденежья условия соглашения предусматривают аванс в размере всего 25 %, из коих только 15 % наличными, а 10 % векселями, которые при отсутствии кредита не могут быть учтены, остальные 75 % уплачиваются под дубликаты накладных». Таким образом, «сделанные запродажи» не дали «ощутительного увеличения оборотных средств». Как говорится в заключительном абзаце документа, «уральская металлопромышленность находится по недостатку оборотных средств в катастрофическом положении и только срочный кредит в размере до 6 000 000 червонных рублей может ее спасти от полного краха» [1, с.318, 320].

Основанием для обращения в ВСНХ СССР руководства Всероссийского текстильного синдиката 25 августа 1924 г. послужила необходимость расширения производства: «в результате спроса деревни и резкой перемены... торговой политики, когда с марта была объявлена борьба частному оптовику и текстильная промышленность в торговле тканями стала ориентироваться на кооперацию, спрос на ткани стал превышать предложение». Нарастивание объема выпуска продукции в части «ситца, бельевого и рубашечно-плательного товара» должно «внести улучшение в ассортимент в смысле большего его соответствия требованиям рынка». Выявленный недостаток средств на расширение производства синдикат планировал восполнить за счет «увеличения кредита со стороны трестов и банков синдикату». Первое «будет использовано, насколько позволит финансовое состояние трестов», а вопрос о банковском кредите «должен быть поставлен в порядок дня». Синдикат запросил увеличение размера банковского кредита с 14 до 36 млн рублей, иначе ситуация вынудит синдикат перейти «от кооперации и госторговли» на торговлю с частными лицами, «как более денежными». Такая «перестройка... экономически крайне вредна», поскольку «лишит первых наиболее рентабельного товара – мануфактуры» [1, с.344].

Отношения синдикатов и входящих в них трестов как хозяйствующих субъектов не были беспроблемными. Например, 3 января 1924 г. правление Пензенского Госспичтреста направило правлению Спичечно-го синдиката претензию на поставку некачественной серы в количестве

почти 4-х тысяч пудов. Сера содержала значительные «засоренности». Трест предложил синдикату сделать 35% скидку на поставленное сырье, поскольку отправка его обратно с учетом «всех расходов, произведенных на оплату ж-д тарифа и доставки на фабрики и обратно» составит значительную сумму, при этом синдикат ввиду «плохого качества материала» вряд ли сможет сбыть его «хотя бы за сниженную наполовину цену». Трест отмечает и проблему «плохого качества спичек, вырабатываемых из этой серы» [1, с.327].

Актуальным являлся вопрос привлечения иностранного капитала для развития российской промышленности. 25 ноября 1925 г. председатель правления Ленинградского треста пищевой промышленности, отвечая на циркулярное письмо Консервсиндиката, сообщал, что консервы «становятся продуктом питания широких масс населения» и «развитие консервного производства становится... задачей сегодняшнего дня». Однако этому «ставит серьезные преграды недостаток оборотных средств», в связи с чем «привлечение иностранного капитала» полезно и «предпочтительно в форме образования смешанных обществ». В вопросе «об объектах концессии» автор письма категорически против «передачи в концессию предприятий, которые находятся в полной исправности и для полной загрузки которых требуются незначительные средства». В частности, местный консервный завод «при небольшой дотации» справится «не только со всем сырьем, предлагающимся в Ленинграде в данный момент к переработке, но будет стимулировать развитие рыбного промысла в Северо-Западной области» [1, с.400].

Произошедшее в конце 1920-х гг. сворачивание рыночных элементов в хозяйственной практике народнохозяйственного комплекса СССР привело к ортодоксальной монополии государства в экономической жизни страны. Итог подобной практики стал нагляден в 1991 г. [2].

Библиографический список

1. Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России. Сборник документов / научный редактор А.В.Юрасов, ответственные редакторы Е.Р.Курапова, В.С.Пушкарев. – Москва: Кучково поле Музеон, 2021.

2. «...в области создавалась крайне напряженная ситуация...» Июль 1991 г. (По материалам Министерства экономики и прогнозирования СССР) / Е.Р.Курапова, В.С.Пушкарев // Самарский архивист: научный альманах. 2021. №1. С.541–584.

Идеология советской индустриализации в культуре довоенного СССР (по материалам РГАЛИ)

Восстановление экономики страны, находящейся в экстремальных условиях, сегодня актуально для России как никогда. Любое государство в подобной ситуации начинает искать в своем прошлом аналогии, ценный опыт, который помогает в выстраивании общей стратегии.

Собирание России, начатое после разрухи революций и Гражданской войны, было тесно связано с формированием экономики мобилизационного типа. Вместе с тем сама мобилизационная модель развития выдвигала индустриализацию страны на первый план. Эти взаимообусловленные процессы делали центростремительные тенденции доминантными. Советская индустриализация, старт которой был дан еще в дореволюционный период, предполагала создание единого экономического пространства, что невозможно без единства политического, воплотившегося в государстве нового типа, – Союзе Советских Социалистических Республик.

Однако советский довоенный опыт в области развития экономики, несмотря на его богатство и успехи, достигнутые страной (их проверкой стала Великая Отечественная война), сегодня малоприменим: изменились как условия хозяйствования, так и политические цели. Вместе с тем единственная сфера, связанная с работой «людей с людьми» – идеологическая, может считаться «полезным прошлым», поскольку воплощавшиеся в СССР методы пропаганды и агитации и сегодня впечатляют достигнутым результатом.

Советская мобилизационная экономическая модель, базировавшаяся на индустриализации, стала предметом изучения почти одновременно с началом промышленного развития страны, но исследование ее пропагандистского аспекта получило старт в послевоенное время [3, 5]. В своем большинстве работы касались, прежде всего, условий труда и быта советских граждан, участия женщин, молодежи в производственных процессах, достижений в сфере образования. Однако там находили отражение и средства художественного воспитания, что считалось необходимым. Особую роль при этом имели партийные решения, нацеленные на регулирование идейного содержания искусства. Если в советский период такой подход признавался оправданным, то с конца XX в. исследования нередко низводили его до уровня прямолинейного исполнения

партийных команд и окриков по адресу творческой интеллигенции. Отсутствие взвешенных оценок, с учетом отечественных традиций в идеологической сфере, обращения к зарубежному опыту в той же сфере, – все это формировало ограниченное представление о советском художественном творчестве межвоенного периода [3, 4, 6, 7].

Советские археографические исследования этой проблемы были эпизодичны. Одним из первых научно-популярных опытов в этой области стала серия «История фабрик и заводов», выходившая под эгидой учрежденной А.М.Горьким «Главной редакции» с 1932 по середину 1950-х гг. Она придала особый импульс пропаганде индустриализации и одновременно ее изучению. Серия (вышло более 200 книг, почти 40 из них – в довоенный период) действительно создала «энциклопедию нашего строительства», став своего рода «эпосом» индустриализации [1].

Иной характер предполагался у серии «История культурного строительства в СССР», в рамках которой вышел единственный общесоюзный сборник – «Культурное строительство в СССР, 1917–1927. Разработка единой государственной политики в области культуры» [2].

Изучение глубинных процессов межвоенного периода во всех областях культуры и искусства невозможно рассматривать без понимания того, как новое советское искусство формировало социальный дискурс в обществе, конструировало востребованный временем тип героя. Такой подход позволит понять, как название известного произведения В. Катаева «Время, вперед!» стало знаменем духа времени, присущего в тот период не только СССР, но и западноевропейским странам. А образ пролетария, одухотворяющего механизмы, новая «праздничная культура», творчество русских авангардистов, переплавивших художественные принципы в новые формы промышленного дизайна и конструктивизма, воплотивших их в «живом театре» и новом документальном кино, – явились закономерным ответом на вызовы времени.

Единство политической воли в стране показало, как за сравнительно короткий срок был не только объединен в одном направлении многоголосый хор деятелей разных видов искусства, но и сами они стали организаторами «живого творчества масс».

Наглядно увидеть добровольное участие в промышленных преобразованиях писателей, композиторов, художников, сценаристов, артистов помогают личные фонды, которые хранятся в РГАЛИ.

Начало XX в. стало временем «экспансии» кино, театра. Среди представителей «самого сильного из искусств» – кино, надо выделить ценнейшие документы С.Эйзенштейна (ф. 1923), А.Довженко (ф. 2081),

Дз.Вертова (ф.2091), Э.Шуб (ф.3035) и десятков других, не только ставших новаторами в деле техники съемок и монтажа, разработки новых жанров киноискусства, но и выбора проблематики.

Авангард в театре межвоенного периода особо близок к именам Вс. Мейерхольда (ф.998), А. Таирова (ф.2328) и др.

Производственный роман, научная фантастика, имевшие в основе промышленные преобразования, не обошли творчество ни одного литератора. Среди них имена Ф.Гладкова (ф.1052), В.Маяковского (ф.336), И.Новикова (ф.343), О.Бергольц (ф.2888), Б.Ясенского (ф.1861), А.Платонова (ф.2124), В.Пановой (ф.2223), М.Шагинян (ф.1200), К.Паустовского (ф.2189), В.Катаева (ф.1723) и сотен других.

Не менее зрелищным и значимым было творчество художников и архитекторов, скульпторов, нередко отождествлявших строительство индустриальных гигантов с произведениями искусства, – П.Филонова (ф.2348), В.Татлина (ф.2089), В.Мухиной (ф.2326) и многих других.

Немалое количество документов по проблеме есть в материалах десятков общественных и государственных организаций: ВХУТЕМАС–ВХУТЕИН, Союз советских писателей, Союз архитекторов, Комитет по делам искусств при СНК СССР, Госкино и др.

Весь межвоенный период процессы консолидации шли в разных областях художественного творчества, что в итоге мобилизовывало и презентовало человека труда, как высшую ценность общества.

Библиографический список

1. А.М.Горький и создание «Истории фабрик и заводов»: Сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов в СССР / Сост. Л.М.Зак, С.С.Зими́на. М.: Соцэкгиз, 1959. 363 с.
2. Культурное строительство в СССР, 1917–1927. Разработка единой государственной политики в области культуры. Документы и материалы. М.: Наука, 1989. 381 с.
3. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
4. Макаров А.Н. Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг.: (по материалам Магнитогорска). // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. Вып.1(31): Январь – февраль – март. М.: Изд-во Магнитогорского государственного университета (МаГУ), 2011. С.113–125.
5. Наумов Н.В. Проблемы индустриализации СССР в советской историографии. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. №3 /2003. С.40–71.

6. Орлов О.Л. и др. Праздничная культура России / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. СПб.: КультИнформПресс, 2001. 159 с.

7. Шпотов Б.М. Социальная история индустриализации СССР по материалам американской и советской печати // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв. Т.3. М.: ИВИ РАН, 2010. С.133–196.

Наталья Суханова

Социалистическая модернизация сельского хозяйства на Северном Кавказе в годы коллективизации в контексте традиционалистского сознания его населения¹

Советская модернизация носила не системный, а, скорее, фрагментарный характер. На фоне динамичного развития экономической сферы явно были недостаточными и медленными качественные перемены в уровне культурного роста, бытовых норм, развития личности, общественного сознания, степени идеологической убежденности сельского населения молодого советского государства. Особенно сложно происходили означенные процессы в иноязычной среде.

В качестве яркого примера сложного протекания процессов «врастания» местного населения в социалистическую жизнь можно привести народы Северного Кавказа. Регион являлся сложным по многим показателям. Его характеризовали следующие особенности.

В конце 1920-х – 1930-е гг. территория Северо-Кавказского края была значительной. За указанные годы несколько раз менялось административно-территориальное устройство края. Можно определить его границы следующим образом: современные территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовская область, Адыгея, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия и Дагестан входили в его состав. По земельным ресурсам, полезным ископаемым, наличию акватории двух морей и ряду других показателей край был значимым регионом. При этом многообразии природно-климатических зон создавало различные условия для возможностей сельскохозяйственного производства. Регион имел как плодородные территории, так и зоны рискованного земледелия и горы.

Здесь проживали христиане и мусульмане разных течений, иудеи. Это, помимо земельных споров, создавало поводы для вражды.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».

Что касается русских регионов Северного Кавказа, то здесь в процессе коллективизации происходили известные процессы, направленные на формирование коллективных хозяйств, позволявших государству главенствовать в системе производства сельскохозяйственной продукции и ее распределения. Тогда было положено начало раскрестьянивания деревни, которое не было завершено, т.к. сохранилась их культура и исторический тип. При этом традиционное крестьянское хозяйство не было сохранено.

В казачьих регионах были свои особенности в проведении коллективизации, которая нивелировала хозяйственную разницу между казаком и иногородним, вела к «растворению» казачества в иных социальных слоях населения из-за потери ряда своих значимых признаков.

Но мы рассматриваем особенности проведения коллективизации в неславянских регионах Северного Кавказа для того, чтобы понять прямую связь экономической политики с практикой реализации национальной политики в СССР и вытекающие из этого последствия.

Край населяли свыше сорока этносов с ревностным отношением к сохранению своего традиционно-культурного типа [2, с.32–33]. Тейповая закрытость горцев не создавала условий для коллективных форм производства. Индивидуализм был и бытовой, и хозяйственной чертой населения.

Эти качества повлияли на ход и результаты коллективизации, которая осуществлялась без учета данных особенностей. При этом необходимо учитывать то, что к концу 1920-х гг. в регионе активно развивался процесс коренизации, принятый местным населением с воодушевлением. Между тем после Гражданской войны ситуация в регионе оставалась сложной. Противостояние новым органам власти имело место в Чечне, Дагестане, Северной Осетии. В середине 1920-х гг. было проведено несколько операций по разоружению местного населения, в ряде районов вместо советов вновь стали действовать ревкомы. Начало коллективизации в конце 1920-х гг. на Северном Кавказе сопровождалось 1440 антисоветскими выступлениями [5, с.31].

Смена ориентиров в сторону усиления прорусской ориентации в идеологии и национальной политике в начале 1930-х гг. в сочетании с коллективизацией усилили враждебность горцев. В условиях крайнего малоземелья они вели натуральное или полунатуральное хозяйство. Земледелие, особенно зерновое производство, было развито слабо. Ни психологически, ни экономически горцы не могли принять политику коллективизации. Поэтому решение о вхождении в колхоз принималось

общим голосованием. Руководство состояло из местных коммунистов, которые, понимая местные особенности, пытались смягчить сложности коллективизации. Помимо приписок, фиктивных цифр выполнения планов и коллективизированных хозяйств, они вносили предложения, облегчавшие ситуацию, – создавать только ТОЗы и животноводческие хозяйства – которые помогали, хоть и незаконно, сохранять частную собственность и частную инициативу внутри хозяйств. Это спасало население от голода и ухода в города.

На первом этапе цифры выполнения планов коллективизации в отчетах были реальными. Они составляли от 24,5 процентов в Северной Осетии до 2,6 процентов в Чечне [4, с. 276]. Но растущие требования к увеличению количества коллективных хозяйств привели к припискам, показывавшим до 80 процентов коллективизированных хозяйств. Все это происходило на фоне нараставшего недовольства местного населения новыми порядками, бесплатными работами, преследованием религиозных деятелей, запретом на традиционные уклады и религиозные основы мировоззрения, введением коллективного воспитания в детских яслях, светским образованием, созданием женсоветов и др. В ходе Баксанских выступлений 1928 г. население требовало распустить колхозы и партийные ячейки, вернуть тех, кто устанавливал в регионе советскую власть, убрать из советов коммунистов. Вооруженные выступления проходили во всех республиках Северного Кавказа под национально-религиозными лозунгами. Достаточно активным было сопротивление коллективизации в Чечне, большинство районов которой было охвачено долгосрочным противостоянием с 1928 до конца 1930-х гг. В планы восставших входило объединение с повстанцами Ингушетии, Дагестана и вовлечение в борьбу с советской властью казаков. В 1930-м году весь Карачай был охвачен повстанческим движением.

В январе 1930 г. постановлением ЦК ВКП (б) «О коллективизации на Северном Кавказе» национальные области Северо-Кавказского края «за исключением Адыгеи и осетин» были отнесены к районам сплошной коллективизации [1, с. 35]. Комиссия по раскулачиванию в крае приняла решение действовать силовыми методами. Арестам подверглись десятки тысяч человек. Только за 1930–1931 гг. из Северо-Кавказского края выселили 180 тыс. чел., было раскулачено свыше 50 тыс. хозяйств, 20 тыс. человек отдано под суд, 600 – расстреляны [3, с. 156–157].

В ходе коллективизации в национальной политике советского государства произошел резкий крен в сторону нивелирования этнических особенностей горского населения. К этому времени уже начала формиро-

ваться национальная элита, ставшая во главе процесса сохранения своего культурно-исторического типа. Находясь в сложном положении – между своим народом и союзным партийным и советским руководством – она в значительной степени была на стороне этноса. Здесь колхозы не стали преобладающей системой хозяйствования, а местное население крайне настороженно, порой даже враждебно, стало относиться к советским порядкам. Универсализм в реализации политики коллективизации в регионе нанес ощутимый урон авторитету советской власти. Отсутствие продуманной связи экономической и национальной политики стало одним из факторов, формировавших предпосылки событий 1991 г.

Библиографический список

1. Бейтуганов С.Н. Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. С.35. <http://fond-adygi.ru/dmdocuments/85.pdf> (21.05 2022).
2. Народы Кавказа / под ред. М.О. Косвена. Т.1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 1302 с.
3. Очерки истории Северного Кавказа: XX век. Пятигорск–Ставрополь: ПГЛУ, 2014. С.156–157. 354 с.
4. Сивков С.М. Национальная политика большевиков в 1920–1930-е гг. // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 478 с.
5. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы. Майкоп: Меоты, 1999. 167 с.

Любовь Лазарева

«Тайна» XX века: роль экономического фактора в гибели СССР²

Несмотря на богатый историографический багаж, до сих пор идет дискуссия: какой вес экономического фактора в причинах и предпосылках геополитической катастрофы – гибели СССР?

Важным этапом на пути осмысления данной проблемы стала монография «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.» [3]. В заключительной статье д.и.н. В.В. Журавлева сформулированы выводы, очерчивающие как существенные черты догоняющей модернизации

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21–09–43005 «Методология исследования причин распада СССР».

«по-советски», так и указывающие на закономерность ее на тысячелетнем пути страны в качестве очередной «революции сверху». Историк видит причину неудачи многовековой «погоны» за мировыми лидерами в «...идеологии и психологии догоняющего развития...», заставлявших ставить во главу угла именно экономику, забывая о гармонии составляющих процесс обновления факторов [4, с. 658].

Для решения «загадки» советской экономики не менее важны исследования самой базовой модели, лежавшей в основе народно-хозяйственного механизма. Намеченная В.И. Лениным в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» [2] хозяйственная система, которая должна была возникнуть после прихода большевиков к власти, оказалась нереализуема. Принятое советскими лидерами решение о форсированной индустриализации стало катализатором для формирования «сталинской модели», оставшейся «скелетом» советской экономики на весь отпущенный той период.

На круглом столе были представлены два сборника документов и материалов, выпущенных издательством РОССПЭН: «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947–1953 гг.» и «Социальная политика СССР в послевоенные годы: 1947–1953 гг.» [6; 4].

В первом разделе «Сталинского экономического наследства...» освещены основные этапы формирования долгосрочной стратегии развития страны. Материалы комиссии ЦК ВКП(б), руководившей созданием проекта новой партийной программы, раскрывают перед читателем представления политической верхушки страны о достижении заявленной большевиками цели – построении коммунистического общества. И этот «дивный новый мир» виделся им, прежде всего, как общество изобилия.

Вместе с тем «сталинская» модель обеспечивала приоритет развития сектора «А» – производства средств производства. Такой выбор был обусловлен как задачей гарантировать Родину «от всяких случайностей» [5], так и установкой на модернизацию на собственной базе. Выход современники искали в научном прорыве, новых технологиях, быстром внедрении новаций в производство. Все это должно было обеспечить возможность значительного роста уровня жизни.

Второй сборник раскрывает перед читателями как механизмы самой «сталинской» модели, построенной на парадигме единой «фабрики – государства», так и социальную цену, заплаченную обществом за выход СССР на уровень второй экономики мира. Именно после реформы 1947 г., «убравшей» из народного хозяйства «лишние» деньги и сделавшей возможным ежегодное снижение цен, механизмы «сталинской» мо-

дели достигли пика своего развития. Проблему дефицита товаров широкого потребления помогал решать кооперативный сектор, перманентное снижение цен формировало социальный оптимизм, госзаймы «убирали» денежный навес, не обеспеченный товарным покрытием. Рост производительности труда и квалификации мотивировались дифференциацией заработной платы, трудовой коллектив нацеливался на борьбу за снижение себестоимости, производя больше продукции с наименьшими издержками. Давление на аграрный сектор осуществлялось как за счет низких закупочных цен на продукцию, так и с помощью налогов и натурального обложения. Поэтому, отработав за трудовни, колхозник был вынужден с помощью личного подсобного хозяйства не только обеспечить продуктами свою семью, но и продать часть выращенного там на рынке.

Совокупность представленных документов и материалов дает основание для вывода: запрос на реформирование «сталинской» модели был объективен. Он формировался, прежде всего, необходимостью обеспечения более сбалансированного соотношения накопления и потребления. К тому же, задачи Центра на новом этапе развития модернизационного процесса входили в противоречие с объективными возможностями качественной обработки информации – необходимым условием в «сталинской» модели. «Прорыв» в «общество изобилия» ставился под угрозу и ценовой структурой экономики, «заточенной» под количественные характеристики.

«Наследники» Сталина решительно взялись за корректировку экономической политики. Трудно переоценить вклад в исследование этого этапа реформирования советской экономической модели д. и. н. Ю. В. Аксютин. Результаты исследовательского поиска историка можно резюмировать так: поворот к нуждам человека требовал инвестиций в сектор «Б». Незавершенная модернизация в сочетании с геополитическими амбициями ставили политиков перед необходимостью смены внешнеполитической стратегии или «смягчения» идеологии. Но, как справедливо пишет Ю. В. Аксютин, советские лидеры были «державники и коммунисты». Они не могли сделать такой выбор [3, с. 463–464].

Неудача осмысления особенностей и теоретического обоснования «сталинской» модели привели к тому, что новации политических лидеров, возглавивших страну после смерти И. В. Сталина, лишь деформировали сложившуюся на практике систему хозяйствования.

Экономическая реформа 1965 г., базировавшаяся на парадигме противоположной «сталинской» «единой фабрики», лишь усугубляла процесс

снижения эффективности народно-хозяйственных механизмов. Подробно данная проблема раскрывается в представленной на круглом столе монографии Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги [1] .

Еще на уровне поиска концепции попытки преодоления «сталинской» модели развернулась широкая дискуссия как среди специалистов, так и широких масс трудящихся. Обсуждение выплеснулось на полосы центральных газет. Условно в ней можно выделить три лагеря:

- «реформаторов», ратовавших за усиление «рыночных» рычагов;
- «консерваторов», доказывавших несовместимость «харьковской системы» – так окрестили журналисты предложения профессора Либермана – со «сталинской» моделью;
- «центристов», понимавших необходимость реформ, при этом ратовавших за внедрение новых методов хозяйствования с оговорками и ограничениями.

Судя по выводам Ю.В. Аксютин, победить могла только позиция «центристов».

Итогом стало затухание положительного импульса хозяйственной реформы по мере охвата новыми методами хозяйствования экономики СССР.

Можно констатировать: деформация механизмов «сталинской» модели усиливала проблемы экономики. Питательная среда дефицита стимулировала «ростки капитализма» под «перинной» социалистической идеологии. Дискредитация идеи светлого коммунистического «завтра» выбивала «замковый камень» из «советского проекта», лишая его центрирующей основы.

Какова же роль экономического фактора в гибели СССР?

Неспособность элиты решить задачи очередного этапа модернизационного процесса и идеология догоняющего развития запустили центростремительные силы, стимулируя региональных лидеров к борьбе с Центром за ресурсы. Исходя из такого понимания проблемы, получается, что экономический фактор занимал важное, но далеко не ведущее место, в постигшей страну геополитической катастрофе.

Библиографический список

1. Лазарева Л.Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги М.: ИИУ МГОУ, 2021. 310 с.
2. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин. М.: Прогресс, 1982. 78 с.

3. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 томах / Институт общественной мысли; ответственный редактор д. и. н., проф. И. Н. Данилевский. Москва: РОССПЭН, 2016. Т. 4: 1917–1991 гг. / ответственный редактор д. и. н., проф. В. В. Журавлев. 2016. 671 с.

4. Социальная политика СССР в послевоенные годы: 1947–1953 гг.: Документы и материалы / составители В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. Москва: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

5. Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. Эл. ресурс. Режим доступа: [<http://morgopolit.milportal.ru/pochemu-my-silnee-rech-stalina-9-fevralya-1946-g/>]. Дата обращения: 31.05.2022.

6. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947–1953 гг.: документы и материалы / составители В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. Москва: РОССПЭН, 2017. 646 с.

Дмитрий Маслов

Экономические реформы периода горбачевской «перестройки» и распад СССР³

Экономический фактор распада Советского Союза в последние годы стал реже упоминаться в качестве причины распада СССР. Впечатление такое, что некоторые исследователи едва ли не демонстративно отказываются от рассмотрения этого фактора (либо считают его несущественным), в чем можно заметить разрыв с некогда существовавшей традицией марксистской историографии выделять экономику как базис общества. Так, на пятидесяти страницах своей монографии о последних годах СССР, посвященных анализу причин его распада, Р. А. Медведев вообще не рассматривает экономику [3, с. 583–634]. Критически оценивают объяснительный потенциал экономического влияния С. Коэн, А. Браун, А. Медушевский и ряд других исследователей. Представляется, что такая оценка значимости экономического фактора является не совсем обоснованной.

В основе советского социально-экономического кризиса исследователи обнаруживают как минимум четыре крупных причины: хронические болезни плановой экономики; структурные противоречия, связанные с переходом от раннеиндустриального общества [7, с. 24–25]; влияние необязательных, в т. ч. внешних обстоятельств (удар по бюджету от па-

³ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 21-09-43005 «Методология исследования причин распада СССР».

дения цен на нефть, Чернобыльская авария, землетрясение в Армении и т. п.); ошибки команды М.С.Горбачева. Но являются ли они причинами распада СССР?

Подробнее остановимся на идее «республиканского хозрасчета», ставшей для ряда республик «пробой пера» как первого шага к суверенизации. Заявление на этот счет заместителя Председателя Совета министров Литовской ССР К.Прунскене на первом Съезде народных депутатов СССР в июне 1989 г. было построено на постулировании тезиса о невозможности проведения реформ в сложившейся в Союзе сверхцентрализованной экономике. Прунскене совершенно открыто призвала заменить единое народное хозяйство прямыми связями между республиками и предприятиями. Причем республики должны были получить полномочия в сферах денежно-кредитного и финансового обращения и внешнеэкономической деятельности [4, с. 21–24]. Дискутируя с С.В.Чешко, придерживающимся такой же оценки взглядов Прунскене, как проявления экономического изоляционизма [8, с. 268, 276], А.В.Шубин почему-то отметил, что схема Прунскене предусматривала полноценное союзное государство. Полагаем, что в этом случае А.В.Шубин неточно трактует источник – тот же текст выступления Прунскене на I Съезде народных депутатов СССР. Территориальными общностями, которые должны осуществлять полноценное экологическое, социально-демографическое, культурное, национальное регулирование являются не «и небольшие республики», как цитирует Шубин [7, с. 14–15], а просто «небольшие республики» (без союза «и») [4, с. 22], что меняет смысл идеи Прунскене, фактически не оставляя в ней места «большим» территориальным образованиям типа Союза ССР.

Эстонский коллега Прунскене Р.Отсасон высказался тогда же прямо: все платежи предприятий должны поступать в республиканский бюджет, а уже оттуда в виде некоего «сводного взноса» республики поступать в Центр. Авторы таких идей тогда не поясняли, зачем в этой схеме вообще нужно союзное государство, хотя отрицательный ответ вытекает сам собой. Подрыв союзного бюджета в 1991 г. во многом за счет сокращения поступлений из республик является общеизвестным фактом. Так, в апреле 1991 г. советские СМИ распространили обращение к Президенту СССР председателя комиссии по бюджету, плану и финансам Совета Союза Верховного Совета СССР В.Г.Кучеренко, министра финансов СССР В.Е.Орлова и председателя Госбанка СССР В.В.Герашенко, в котором основной причиной неисполнения Союзного бюджета на 1991 г. они называли принятие союзными республика-

ми и, прежде всего, РСФСР, законодательных актов по распределению бюджетных доходов, противоречащих союзному законодательству [2, с. 117–119; 1, с. 348–349]. Е.Гайдар считал, что черту под историей СССР подвела уступка Горбачева республиканским лидерам, когда союзный президент согласился на сбор налогов только республиками и лишил Союз финансовой основы [1, с. 376].

Правда, К.Прунсене вынуждена была в 1989 г. признать неравномерность экономического развития республик и неготовность ряда из них к хозрасчету, а также и то, что региональные различия в результате реформы могут усилиться. Эту проблему она разрешает философски: «лучше жить по-разному хорошо, чем всем одинаково плохо» [4, с. 22–24]. Следовательно, идея республиканского хозрасчета в том виде, как она замышлялась, имела приоритетом не укрепление экономической основы СССР, а реализацию лозунга «каждый за себя». Вопрос об экономическом суверенитете республик поднимался их представителями (прибалты, Грузия) и на последующих Съездах народных депутатов СССР [4, с. 116], когда уже полным ходом шли национальные процессы и политическая реформа, что указывает на самостоятельное значение экономического фактора в плане распада СССР. Это обстоятельство важно и в том плане, что указанный экономический фактор объясняет суверенизацию лишь отдельных республик и практически не является характерным для Казахстана и Средней Азии. Означает ли это, что экономический фактор должен быть исключен из числа причин распада СССР? С таким выводом не стоит торопиться, т.к. те республики, от которых зависела судьба Союза – и, прежде всего, Россия и Украина, оказались подвержены действию этого фактора. В конце концов среднеазиатским республикам ничего не оставалось, кроме как примкнуть к принятым первоначально не ими дезинтеграционным решениям. Дезинтеграция союзного государства в сфере экономики была разносторонней, когда даже, как принято считать, особо спешившие на выход из СССР прибалтийские республики проявляли осторожность.

В литературе общим местом стала констатация того, что ключевые события распада СССР произошли во второй половине 1991 г. Но очень редко это увязывается с динамикой экономического фактора. Так, А.В.Островский обратил внимание на заявление Б.Н.Ельцина 10 августа о том, что после подписания Союзного договора (намеченного на 20 августа) М.С.Горбачев обещал президенту России передать своим указом весь союзный «экономический потенциал» под юрисдикцию России [5, с. 556–557]. Все исследователи обращают внимание на срыв гэкачепистами подписания Союзного договора. Но при этом лишь немногие, как

А.В.Островский, подмечают, что в части экономической перетекание ресурсов из-под союзной юрисдикции в республиканскую (в частности, российскую) не только не остановилось, но даже и ускорилось в ходе и сразу после т.н. «путча» [5, с.617, 624–625].

Считаем совершенно не случайным, что Беловежье состоялось лишь тогда, когда к России не только перешли ключевые экономические рычаги, но и в основных чертах сложилась программа перехода к рынку. В этой ситуации Союз не только стал ненужным руководству «продвинутых» в плане сепаратизма таких республик, как Россия, но даже и вредным. Отчасти экономический фактор объясняет и то обстоятельство, что СССР не рухнул сразу после августа 1991 г., когда союзной власти был нанесен мощный удар. При этом следует учесть, что, конечно, не все экономические вопросы были решены к декабрю 1991 г. – с союзным бюджетом, собственностью, долгами продолжили разбираться и в следующем году [6, с.74], что говорит лишь о том, что наряду с экономическими были и другие причины распада СССР.

Безусловно, имелись и другие обстоятельства, способствовавшие дезинтеграции СССР в сфере экономики. Но и сказанное свидетельствует, что экономические факторы сыграли значительную роль в крахе Советского Союза.

Библиографический список

1. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 440 с.
2. Ефимов Н.Н. Распад СССР. 1991 год. М.: Вече, 2021. 320 с.
3. Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. 637 с.
4. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра: Сборник / Сост. С.Н.Красавченко, Г.Л.Подвойский. М.: Моск. рабочий, 1990. 255 с.
5. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д – ФОРУМ, 2011. 864 с.
6. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.): в 2 т. Т.1: Нормативные акты. Официальные сообщения / под общ. ред. С.М.Шахрая; сост. С.Н.Станских; Фонд современной истории. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.
7. Распад СССР: объективные причины и субъективный фактор / Распад СССР. Документы. Составитель А.В.Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.
8. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 2000. 395 с.

Виктор Шахматов

МОНАРХИСТЫ- НАРОДНИКИ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОНА- ЛИСТОВ:

КОНЦЕПЦИЯ «ЦАРСКОГО
САМОДЕРЖАВИЯ»
Н.Д.ОБЛЕУХОВА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(41/99)

В статье рассматриваются представления видного правомонархического деятеля, товарища председателя Русского Народного Союза имени Михаила Архангела Н.Д.Облеухова о государственном устройстве, изложенные им в программной статье «Царское Самодержавие как оплот народной свободы и равенства», которая была опубликована в газете «Русское знамя» в декабре 1915 г. В качестве ключевой особенности этой статьи определяется ее целевая аудитория – широкие слои населения, которым автор стремился разъяснить идеал монархического государственного устройства. Идеальный образ правления в России он характеризовал как «широко и стройно развитое народное самоуправление с Самодержавным Царем во главе». В качестве специфической черты воззрений Облеухова выделяется использование им понятий «народная монархия» и «монархисты-народники», которые демонстрировали стремление части русских монархистов к широкому народному самоуправлению, сочетающемуся с неограниченной единоличной властью.

The article examines the views of a prominent right-wing monarchist figure, Comrade Chairman of the Russian People's Union named after Mikhail Archangel N.D.Obleukhov about the current state and ideal of the state structure of Russia, set out in the program article «Tsarist Autocracy as a bulwark of people's freedom and equality», published by him under the pseudonym P.Ukhtubuzhsky in three issues of the daily right-wing monarchic newspaper «Russian Banner» in December 1915. As a key feature of N.D.Obleukhov's article is determined its target audience – the broad strata of the population, to whom the author seeks to convey the ideals of the monarchic state system. It is noted that the ideal way of government in Russia N.D.Obleukhov characterizes as «a widely and harmoniously developed people's self-government with an autocratic Tsar at its head». As a specific feature of N.D.Obleukhov's views stands out his use of the concepts of «people's monarchy» and «monarchist populists», which clearly demonstrate the desire among some Russian monarchists in the pre-revolutionary period for broad popular self-government, combined with unlimited sole power.

Ключевые слова: Н.Д.Облеухов; «Русское знамя»; Русский Народный Союз имени Михаила Архангела; Союз Русского Народа; правомонархическое движение; Черная Сотня; черносотенцы; монархисты-народники; народная монархия; Царское Самодержавие.

Key words: N.D.Obleukhov; «Russian Banner»; Russian People's Union named after Mikhail the Archangel; Union of the Russian People; The Right-Monarchist Movement; The Black Hundred; black-hundredists; Monarchists-Narodniks; People's Monarchy; Tsarist Autocracy.

E-mail: vvshakhmatov@gmail.com

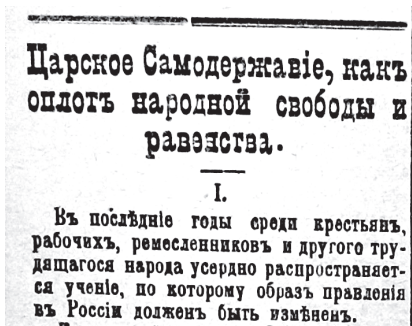
Интерес к историко-философскому наследию русских консерваторов возрастает в современном российском обществе. Это обусловлено геополитическими вызовами, с которыми столкнулась Россия, а также активностью средств массовой информации, пропагандирующих традиционные духовно-нравственные ценности. К таким СМИ может быть отнесен ряд федеральных и региональных телеканалов и радиостанций (прежде всего, телеканалы «СПАС» и «Царьград»), а также значительное количество «пабликов» в социальных сетях, которые в общении со своей аудиторией оперируют понятийным аппаратом, свойственным русскому консервативному дискурсу. Примечательно, что одной из центральных тем комментариев подобных информационных ресурсов становятся и вопросы общественно-политического устройства Российского государства. Особенно активно эта тематика затрагивается так называемыми блогерами. Нередко они опираются в своих утверждениях на традицию русской консервативной мысли XIX – начала XX вв. Наблюдаемое явление придает особую актуальность изучению опыта русской правомонархической печати, связанного с трансляцией в массы консервативных идей в годы Первой мировой войны.

Демонстрация монархистов

Вопросы восприятия русскими консерваторами (в том числе и представителями правомонархического движения) политических реалий Российской империи в конце XIX – начале XX вв., а также предлагаемые ими проекты общественно-государственных трансформаций получили достаточно широкое освещение в отечественной историографии. Среди публикаций выделим масштабную энциклопедию под редакцией В. В. Шелохаева [17], фундаментальные работы Ю. И. Кирьянова [6],

А.В.Репникова [13, 15], А.А.Иванова [3, 4], Д.И.Стогова [20], С.А.Степанова [22], А.Д.Степанова [21]. Наиболее полно взгляды консерваторов на государственное переустройство представлены в трудах А.В.Репникова [14]. Непосредственно взглядам и деятельности русских правых в годы Первой мировой войны посвящены монографии А.А.Иванова – «Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917)» [3] и «Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)» [4], совместные работы А.В.Репникова и А.А.Иванова [11], а также исследование Ю.И.Кирьянова [7]. Проблема восприятия самодержавия русскими интеллигентами анализируется и в статье К.А.Соловьева «Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.)» [18]. Целенаправленное обращение к правомонархической печати в качестве источника по изучению русской консервативной мысли и опыта ее трансляции в широкие народные массы в годы Первой мировой войны впервые было предпринято М.В.Лыковым, защитившим в 2006 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны: июль 1914 – февраль 1917 г.» [9]. Одним из немногих, кто продолжил исследовать тему, стал Д.И.Стогов [19]. Очевидно, что ресурс имеющихся источников далеко не исчерпан. Сохраняется большое пространство для исследовательской работы как по расширению спектра охватываемых правой прессой вопросов, так и по углублению анализа уже введенных в оборот материалов периодических изданий.

Заголовок статьи Н.Д.Облеухова в ежедневной газете «Русское Знамя»

В фокусе нашего исследования – статья Н.Д.Облеухова «Царское самодержавие как оплот народной свободы и равенства», опубликованная в трех номерах ежедневной правомонархической газеты «Русское знамя» в декабре 1915 г.» [16: 17, 19, 24 декабря 1915 г.]. Представив свой взгляд на текущую общественно-политическую ситуацию в стране, автор предпринял попытку обосновать идеал государственного устройства России. Содержание статьи

анализируется в упомянутой диссертации М.В.Лыковского, однако автор

использует объемный текст Облеухова выборочно, опираясь преимущественно на публикацию от 24 декабря 1915 г., не приводя развернутую идеологическую аргументацию, изложенную в статье. Цель же нашего исследования – подробно рассмотреть указанные публикации Облеухова, поскольку они являются ценным источником для изучения наследия русской консервативной мысли и опыта продвижения соответствующих идей в народные массы.

Николай Дмитриевич Облеухов входил в число видных представителей правомонархического движения. В рассматриваемый период он являлся фактическим руководителем как Русского Собрания [5, с. 696], так и – в связи с отъездом В.М.Пуришкевича на фронт – Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА) [23, с. 360].

Несмотря на поддержку шагов Пуришкевича по обособлению РНСМА от общемонархических съездов и совещаний, Николай Дмитриевич сохранил авторитет среди представителей других монархических организаций России. Так, председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий в письме Н.Н.Родзевичу в мае 1916 г. охарактеризовал Облеухова как «вполне нашего» [23, с. 360]. Да и сам факт публикации в газете «Русское знамя» говорит о лояльном отношении к автору со стороны Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа и его руководителя А.И.Дубровина. Такому положению Облеухова среди монархистов могло способствовать его умение, сохраняя основную линию РНСМА на несогласие участвовать в съездах «притязających на руководящую роль, стремящихся дать тон общей монархической жизни», приветствовать местные съезды монархических объединений. Об этом красноречиво свидетельствует циркулярное письмо Главной Палаты РНСМА отделам Союза, подписанное в декабре 1915 г. Облеуховым в качестве и. о. председателя, товарища председателя РНСМА [12, с. 529–530].

Рассматриваемую нами статью Облеухов предложил читателям в конце 1915 г., драматичного и тяжелого для России в военном отношении. Проявляя героизм и выдержку, воплощением которых стал знаменитый подвиг («Атака мертвецов») 13 роты 226 Землянского полка при обороне крепости Осовец, Русская императорская армия пережила Великое отступление. Трудное положение на фронте, сложные отношения между великим князем Николаем Николаевичем, военным министром В.А.Сухомлиновым, а также императором Николаем II привели к отставке Верховного Главнокомандующего [1, с. 16]. Николай II лично вступил в командование армией в августе 1915 г. Это событие было положительно

воспринято правыми монархистами. К примеру, 9 августа 1915 г. председатель Главного совета Союза Русского Народа Н.Е.Марков направил в адрес Николая II телеграмму, в которой характеризовал это решение императора как «добрую весть» [12, с.443].

Внутриполитическая обстановка в стране была крайне напряженной. Особенно ярко это проявлялось в стенах IV Государственной думы. В нее входили представители диаметрально противоположных политических сил – от РСДРП до Союза русского народа под руководством Н.Е.Маркова. Лидер Конституционно-демократической партии П.Н.Милюков в своих воспоминаниях следующим образом характеризовал этот период: «В Четвертой Думе борьба между самодержавием и народным представительством будет вестись при иных условиях, нежели она велась в Третьей Думе. Там была сделана последняя попытка установить между борющимися силами хотя бы видимость некоторого равновесия. Здесь эта видимость исчезла, и борьба пошла в открытую. В Третьей Думе наступающей стороной была власть; общественность, слабо организованная, только оборонялась, едва удерживая занятые позиции и идя на компромисс с властью. Суть перемены, происшедшей в Четвертой Думе, заключалась в том, что компромисс оказался невозможным и потерял всякое значение. Вместе с ним исчезло и то среднее течение, которое его представляло. Исчез "центр", и с ним исчезло фиктивное правительственное большинство. Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга» [10, с.375].

Заседание Четвертой Государственной Думы в зале Таврического дворца

Преддверие Смуты очень остро ощущалось представителями монархического движения уже в августе, что сподвигло одно из региональных их совещаний, в частности, саратовское, направлять соответствующие предостережения как в адрес своих единомышленников [12, с. 445–453], так и в адрес правительства [12, с. 454–455] и императора [12, с. 443–444].

К началу 1916 г. в тяжелом положении находилась и газета «Русское знамя», взявшаяся опубликовать масштабную статью Облеухова. А.И. Дубровин, издатель этого органа, в письме к И.И. Дудниченко 29 января 1916 г. признавал: «...нет бумаги и она так дорога, что становимся в тупик, что делать. Между нами: подумываем прекратить "Русское знамя". Все взвешено и обдуманно. Хочется сбросить с себя костюм Дон-Кихота» [12, с. 537–538]. К слову, это свидетельство несколько расходится с упоминанием в воспоминаниях Милюкова о масштабных субсидиях в адрес «Русского знамени» и лично А.И. Дубровина [10, с. 375].

О бедственном положении правой печати в декабре 1915 г. писал и Н.Н. Тиханович-Савицкий в телеграмме председателю Совету министров И.Л. Горемыкину. «Положение ужасное: правые, вернейшие слуги царя и отечества, забрасываемые грязью левых газет, не имеют возможности оправдаться перед их читателями. Население и армия систематически натравливаются на правых, которых изображают сторонниками Вильгельма, работающими для победы немцев. Положение правых очень опасно. Получаются анонимные угрозы, возможны покушения возбужденных газетами фанатиков», – заявлял он [12, с. 521–522].

В декабре 1915 г. на страницах газеты «Колокол» в статье «О внутренней политике» публикуются схожие оценки: «Все мы знаем и видим и осязательно чувствуем, что что-то нехорошо и неладно – в основном и в главном, в том, в чем смысл государственности и основа всякой политики» [8, 18 декабря 1915 г.].

В то же время некоторые представители монархического движения публично высказывали и более оптимистические взгляды. С.Глинка на страницах «Земщины» в конце ноября 1915 г. писал, приветствуя совещание представителей правых организаций: «Сейчас положение России, конечно, не так опасно, как было в августе и начале сентября. Твердость правительства, и особенно председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, рассеяла грозовые тучи. А все новые назначения свидетельствуют, что власть далеко не запугана, – а это самое главное, – и стало быть, правым нечего и бряцать оружием» [2, 21 ноября 1915 г.].

В сложившихся обстоятельствах ряд правомонархических газет публикует тексты, посвященные апологии самодержавной власти. К примеру,

«Земщина» в октябре 1915 г. разместила статью, приуроченную к 21-летию правления Николая II, под названием «Наш оплот и сила». Ее автор (под псевдонимом «Е.К.») утверждал, что «тайные наемники германского кайзера... пытаются подорвать доверие к Царю», но народ «видит, наконец, что безудержный поток Германцев, в несколько недель снесший все наши крепости, сразу остановился и отхлынул, лишь Царь Сам принял командование Своими доблестными войсками» [2, 22 октября 1915 г.].

Однако самая пространная и многоохватная по содержанию статья на данную тему появилась тогда в газете «Русское знамя». Автором публикации (под псевдонимом «П.Ухтубужский») выступил Н.Д.Облеухов. Статья носила во многом программный характер и преследовала масштабную цель – «показать всем русским людям, почему монархисты считают своим священным долгом отстаивать Царское Самодержавие в полной его неприкосновенности, почему монархисты считают конституционный (или республиканский) образ правления для России и русского народа вредным и гибельным» [16, 17 декабря 1915 г.].

Но указанной целью Облеухов не ограничивался. «Этой статьей, мы монархисты, хотим не только разъяснить необходимость и полезность для всего трудящегося народа Царского Самодержавия, но и необходимость и своевременность того, чтобы весь русский народ открыто и согласно в защиту Самодержавия выступал и громко заявлял о том, что Самодержавие ему нужно и что всякого, кто против неограниченной Царской Власти идет, будут считать врагом народа», – заявлял автор [16, 17 декабря 1915 г.].

Таким образом, во главу угла Облеухов ставил три задачи: обосновать «вред» и «гибельность» республиканского строя, «необходимость и полезность» Царского Самодержавия для России и русского народа, а также «необходимость и своевременность» открытой и гласной защиты самодержавия вплоть до объявления противников неограниченной царской власти «врагами народа».

Особенностью статьи является то, что она адресована низшим, самым массовым, слоям российского общества. Фактически автор выступил с апологией монархического строя и его сторонников перед лицом «крестьян, рабочих, ремесленников и другого трудящегося народа» на фоне распространения «в последние годы» среди них «учения, по которому образ правления России должен быть изменен» [16, 17 декабря 1915 г.].

Облеухов настаивал на том, что «недоверие и вражда к Царскому Самодержавию начали зарождаться в простом трудящемся народе не сами собой». По его мнению, «вражда к Царской Власти идет от людей образованных, от тех, которых крестьянин или ремесленник называ-

ет "господами"...», т. е. от представителей «высших сословий, живущих не телесным трудом, а умственным». Простому же народу, по словам автора, они внушают, что стремятся к ограничению и уничтожению царской власти, заботясь о «пользе для крестьян, рабочих и вообще трудящегося народа» [16, 17 декабря 1915 г.].

Говоря об образованных слоях населения, Облеухов рисует плачевную для своих соратников картину: «Интеллигенция в ряды монархистов не идет отчасти в силу своих конституционных убеждений, а отчасти из боязни травли и гонений. В образованных классах конституционалисты взяли такую силу, что доказательство монархических убеждений уже стало опасным. Можно даже лишиться места и последнего куска хлеба». Он констатирует, что монархистов за их «преданность Царю и народу всячески преследуют, насмеваются, клеветуют и облыгают». Кроме того, им даются «всякие клички; называют реакционерами, ретроgrадами, подкупленными слугами чиновников, черносотенцами и пр.» [16, 17 декабря 1915 г.].

Однако Николай Дмитриевич сохранял решительную готовность к политической борьбе. «Но несмотря на все эти гонения и притеснения, мы, монархисты, продолжаем быть верными нашему идеалу, ибо наша цель и долг – служение Родине и народу», – пишет он [16, 17 декабря 1915 г.].

Говоря о «сторонниках конституции», которых, с его точки зрения, очень много среди «людей образованных сословий», Облеухов подчеркнуто воспринимал их как единое целое. Несмотря на размежевание политических сил, которые «враждуют друг с другом», корнем межпартийных конфликтов он считал «второстепенные разногласия».

К примеру, по мнению Облеухова, социал-демократы являются врагами буржуазии только «на словах». Более того, социал-демократы «выступают вместе с буржуазией и борются с монархией, заранее зная, что их победа будет прежде всего победой буржуазии». Здесь он прямо говорит о «двуличии» социал-демократии и «бессмысленности» их теории, сводящейся к правилу «чем хуже, тем лучше», а также критикует тезис о том, что «торжество социал-демократии наступит не прежде, чем гнет капитала не достигнет до самых высочайших степеней» [16, 17 декабря 1915 г.].

В результате автор приходил к следующему выводу: «Накладывая свое иго на народ, овладевая народами для полной их эксплуатации во славу капитала, буржуазия даст этим своим рабам в виде утешения социал-демократию, т. е. возможность организовываться, громить на словах капитал, натравливать по временам одни сословия на другие, понемногу уже бунтовать и утешаться пророчествами о будущем, когда, дескать, рабочий класс победит буржуазию и вступит в господство. А пока что буржуа-

зия полновластно царствует, управляет и эксплуатирует народный труд». Облеухов допускал еще более резкие высказывания в адрес социалистов, заключая, что «социал-демократия – это нечто вроде клапана, из которого улетучивается пар недовольства рабочих масс игом буржуазии», и даже, что «социалистическое движение в конституционных государствах есть не что иное, как платоническая, хроническая и старательно мерами буржуазии обезвреженная революция» [16, 17 декабря 1915 г.].

В итоге все партии, отстаивающие необходимость упразднения «Самодержавия, или неограниченной Царской Власти» как «путем ограничения», так и «путем полного уничтожения»¹, противопоставляются Облеуховым «партии монархической».

Последнюю автор характеризовал как «единственную партию, не только признающую Царское Самодержавие, но считающую, что сохранение неограниченной Царской Власти необходимо для блага России, для блага всего русского народа, а, главным образом, для крестьян, рабочих, ремесленников и всего трудящегося русского народа» [16, 17 декабря 1915 г.].

Кроме того, к монархическим союзам Облеухов относил такие объединения, «которые в основу своей деятельности полагают три начала: защиту Православной Веры, Царское Самодержавие и Россия для русских», что означает, что «Россия должна быть единой и нераздельной, под властью неограниченного Самодержца, причем, несмотря на обилие племен, главной целью государственной деятельности должно быть развитие и процветание русского и православного народа, создавшего великое русское государство и составляющего его главную силу» [16, 19 декабря 1915 г.]. В перечень ведущих монархических организаций автор включал «Союз Русского Народа с отделами по всей России», «Союз Михаила Архангела также с отделами», «Монархическую партию» в Москве, народно-монархические партии в Нижнем Новгороде и Астрахани, Союз русских людей в Одессе.

Приступая к защите «Царского Самодержавия» как наиболее эффективной формы правления для России, Облеухов намеренно отказался от использования аргументов в пользу демонстрации принципа «ослабление Самодержавия... поведет Россию к ослаблению ее международно-политического могущества». Хотя, по его мнению, такая аргументация была бы для простого русского человека «доказательством того, что Царская

¹ К упомянутым партиям Н.Д.Облеухов причислял «партию прогрессивно-национальную» («партию умеренных, или конституционных, консерваторов»), Партию прогрессистов, Союз 17 октября, Конституционно-демократическую партию, а также трудовиков, социал-демократов, социал-революционеров.

Власть должна охраняться и сохраняться, независимо от их рабочих или крестьянских интересов», поскольку «громадное большинство русских трудящихся людей пламенные и ревностные патриоты» [16, 17 декабря 1915 г.].

Николай Дмитриевич целенаправленно обратился к рассмотрению именно «общественного значения Царского Самодержавия», того, «чем Самодержавие является в отношении к трудовым слоям русского народа», поскольку был настроен опровергнуть мнение о том, что «для крестьян, рабочих и трудящегося народа выгоднее конституционный строй».

Облеухов решительно оспаривал тезис о том, что при конституционализме народ напрямую управляет государством, а «парламент и народ – все едино». С его точки зрения, «народоправство в действительности есть не что иное, как переход или всей, или части верховной власти в руки богатых и сильных сословий». Пропаганда конституционализма, таким образом, представлялась «основанной на лжи», а само «учение о народоправстве» преподносилось как «ловкая ложь, при помощи которой денежная буржуазия, вступая с монархией в борьбу из-за власти, привлекает на свою сторону народы» [16, 17 декабря 1915 г.].

Согласно Облеухову, «в действительности падение или ослабление монархии передает власть не народу, а так называемым «верхам» – т.е. денежным и влиятельным людям и состоящей от них в материальной зависимости интеллигенции, т.е. классам людей, живущих умственным трудом и получающим настолько хорошие заработки, что образ жизни и общественное положение сближают их больше с буржуазией, чем с народом. В качестве одного из наиболее распространенных приемов «проповедников буржуазии» Облеухов называл использование «примеров из европейской жизни», которыми таковые «стараятся убедить русский трудящийся класс в том, что их собратьям в конституционных государствах живется лучше, чем русским рабочим».

В результате Облеухов предлагал следующие основные тезисы, характеризующие понятие «Царского Самодержавия» [16, 17 декабря 1915 г.]:

1. «Самодержавная монархия есть такая монархия, при которой Государь царствует и управляет страной по прирожденному и наследственному праву, причем власть его не ограничена никакой другой властью. Совершенно напротив, вся полнота власти принадлежит Государю, а все прочие власти в государстве (будь то министры или госуд. Дума или еще другое какое учреждение) собственных прав на власть не имеют, а властвуют и управляют только по уполномочию Государя.

2. Стремление ограничить царскую власть в пользу всего народа есть стремление неосуществимое. Если государь теряет часть своей власти или всю свою власть, то эта часть власти или вся власть непременно переходит не ко всему народу, а к буржуазии, т.е. к богатым и денежным людям, а положение народа отягчается настолько, что он даже теряет веру в Бога и бессмертие, перестает любить отечество и усваивает себе революционные идеи, основанные на злобе и ненависти (т.е. переходит в социал-демократию).

Отсюда следовал вывод автора статьи: «Очевидно, что для трудящегося русского народа выгоднее и безопаснее, чтобы государственная власть находилась в руках Самодержавного Государя, а не буржуазии. Т.е. русскому народу нужна не конституционная, а Самодержавная Монархия» [16, 17 декабря 1915 г.].

Облеухов был готов дать ответ и критикам его позиции, утверждающим, что «и при Самодержавной Монархии власти могут действовать плохо для народа» и даже покровительствовать буржуазии. Но, с его точки зрения, такое положение дел бывает «перед тем, как буржуазия одерживает окончательную победу и захватывает государственную власть в свои руки». Тем не менее он склонен видеть в самодержавии «оплот и поруку за народную свободу и равенство». Более того, автор утверждал, что именно «для трудящегося народа даже плохая монархия выгоднее хорошей конституции» [16, 17 декабря 1915 г.].

В статье также предпринята попытка опровергнуть мнение о превосходстве выборного порядка над «порядком назначения», поскольку «и в том, и в другом случае могут очутиться у власти плохие люди». Признавая «смысл выборного начала» в избрании населением на должности «самых способных и достойных», Облеухов указывал, что «таковые избираются редко, а проходят люди, умеющие подобрать себе большинство и стремящиеся к власти из личных видов и побуждений» [16, 24 декабря 1915 г.].

Николай Дмитриевич выделял одну из основных мыслей, которую хотели донести до народа монархисты-черносотенцы, суть которой заключалась в том, что «если полное равенство и свобода и неосуществимы на этой земле, то до некоторой степени эта свобода и равенство достигают тем, что высшая государственная власть независима от сильных и богатых». Подчеркивалось, что именно это и «должны понять все русские крестьяне, рабочие, ремесленники, приказчики и все вообще трудящиеся люди» [16, 17 декабря 1915 г.]. Облеухов предостерегал русский народ верить «уговорам крамольников», которые обещают ему «власть

и свободу, а на самом деле хотят наложить... крепкое ярмо беспросветного рабства» [16, 17 декабря 1915 г.].

Важным аргументом для автора публикации представлялась приверженность самодержавию предшествующих поколений, которые «крепко держались за самодержавную Царскую Власть, понимая, что этим они не только верноподданническую присягу исполняют, но и себя самих, и своих детей охраняют от сильных хищников». Автор призывал русский народ («честный и умный») идти «по следам... умных предков, которые, проводя жизнь в тяжелом труде и под игом рабства, умели сохранять государственный ум и смысл» [16, 17 декабря 1915 г.].

Облеухов отказывался признавать роль буржуазии в качестве локомотива научно-технического развития. Он писал: «Не конституционная буржуазия создала этот технический прогресс, а, напротив, этот прогресс создал буржуазию. Захват буржуазией власти был не причиной промышленного развития Европы, а его последствием». По словам автора статьи, центральная роль в отстаивании прав трудового народа принадлежала самодержцам (начиная с Николая I), а не силам буржуазии или социал-демократии [16, 17 декабря 1915 г.].

Облеухов трактовал Царское Самодержавие как «священное учреждение», обращая внимание на представление народа о неограниченной власти самодержца, при которой «царь ставится превыше всего народа, превыше богатых и сильных, настолько выше, что пред ним становятся равными самые неравные». Это достигается путем получения царем «от Церкви особого благословения на дело управления страной» [16, 17 декабря 1915 г.].

Примечательно, что автор статьи был не согласен с теми, кто рассматривал это «народное воззрение на Царскую власть» как «последствие чисто религиозных понятий». Он заявлял, что религия в этом случае «тесно связана с жизнью», и что «народ чтит Царскую Власть именно за то, что она своей огромной силой до некоторой степени уравнивает неравенства, порожденные жизнью, и облегчает положение слабых и угнетенных» [16, 17 декабря 1915 г.].

Подчеркнем также, что, согласно взглядам Облеухова, сохранение самодержавия не означало бы консервацию социально-экономического и общественно-политического устройства Российской Империи, в том числе отказ от решения рабочего и крестьянского вопросов. «Мы, монархисты, не только не отрицаем права трудящегося народа на требование реформ, предписывающих улучшить его материальное и духовное состояние, – заявлял он, – но все эти требования должны исходить от самого народа, диктоваться народными интересами и основываться на сохра-

нении и укреплении исторически сложившегося самодержавно-монархического строя» [16, 24 декабря 1915 г.]. «Главная сущность вопроса о Самодержавии», по его мнению, заключалась в том, что «сохранению для блага русского народа подлежит лишь полнота и неограниченность личной Царской Власти. Все остальное, в случае надобности, подлежит преобразованиям, изменениям и даже уничтожению» [16, 24 декабря 1915 г.].

Облеухов решительно отвергал обвинения в «угодничестве перед правительством, перед чиновниками, высшими и низшими», в отстаивании «чиновничьего произвола и самоуправства». От имени своих сподвижников («монархистов-народников»), он заявлял, что они «не только не против реформ», но, напротив, требуют «самых широких» преобразований, в равной мере исходя из интересов трудящегося народа и заботясь о «силе и крепости Царского Самодержавия». Таким образом, Россия представлялась Облеухову «народной монархией», которой она «по идее» была всегда и которой должна оставаться впредь [16, 24 декабря 1915 г.].

Идеал организации государственной жизни в России, охарактеризованный автором, предполагал «широко и стройно развитое народное самоуправление с Самодержавным Царем во главе», в котором значение высших и образованных сословий «сводится к служению Царю и народу, а не захвату власти у Царя и над народом» [16, 24 декабря 1915 г.].

Воззрения, изложенные в публикации, определили восприятие Облеуховым событий на подъеме революции 1905–1907 гг., а также его отношение к Манифесту 17 октября 1905 г. Происходившее тогда в стране он оценивал как «бунты» («в которые впутали трудящийся народ»), по сути являвшиеся «делом... буржуазии, которая добивалась участия в высшей государственной власти» [16, 17 декабря 1915 г.]. В связи с этим он убежденно заявлял: «Царское Самодержавие есть прежде всего всенародное право», которое «нельзя отнять... у народа, не спросив у народа согласен ли он на это» [16, 24 декабря 1915 г.].

При этом, по мнению автора, революция «никаких прав на название народной не имеет», поскольку она явилась не чем иным, как «инородческо-буржуазным заговором не только против Русского Царя, но и против всей России». В подобной трактовке, события 1904–1906 гг. имели «чисто буржуазный характер», а главным виновником очередной Смуты «назначалась» интеллигенция («совместно с инородцами, главным образом, при участии евреев»). Подчеркивалось, что участие народа в революции «было совершенно бессознательно». Облеухов полагал, что аграрное движение «было направлено не против Царя, а против землевладельцев». Что же касается рабочих, то, по его словам, действитель-

но активное участие в революционных событиях принимала «едва ли десятая часть», причем их основной мотивацией были «не столько конституционные убеждения..., сколько... недовольство своим положением, а главное, их политическая неактивность». Кроме того, автор утверждал, что «для уличных шествий с красными флагами вербовались агентами еврейского бунда хулиганы и оборванцы, причем (в Москве, например) была установлена даже для исполнения этого рода гражданских обязанностей 50 – копейная такса» [16, 24 декабря 1915 г.].

«Действительно народной» автору представлялась, напротив, «контр-революция, когда народ в день Казанской иконы Божией Матери повсеместно выступил и предал избвиению революционную интеллигенцию и евреев». Подтверждение отсутствия сознательной народной поддержки Манифеста 17 октября автор видел в факте начала «революционных бесчинств в крупных размерах... не до, а после издания Манифеста» [16, 24 декабря 1915 г.].

Особое внимание Облеухов уделил трактовке характера власти императора в тексте Манифеста 17 октября. Он выразил решительное несогласие с тезисом о том, что изъятие прилагательного «неограниченный» из царского титула как-либо ограничило власть Николая II, поскольку прилагательное «самодержавный» не может, как подчеркивалось в статье, восприниматься сугубо в качестве признака внешнеполитического суверенитета. В защиту своей позиции он приводил три следующих довода [16, 24 декабря 1915 г.]:

1. В Основных законах осталось прежнее определение – «Монарх Самодержавный и неограниченный» (статья 222).
2. Понятия «самодержавие» и «неограниченность» равнозначны.
3. «Царское Самодержавие неотменяемо. Это не такая мелочь, которую можно отменить и уничтожить канцелярской отпиской».

Облеухов указывал и на то, что Манифест 17 октября «ограничил властью вновь созданных законосоставительных учреждений не права Царской Власти, а права властей исполнительных, т.е. права правительства». Власть царя при этом находится над законом, а воля царя превыше него. Автор прямо пишет: «закон потому и законом становится, что под ним значатся слова "быть по сему" и Царская подпись» [16, 24 декабря 1915 г.]. Полномочия же Государственной Думы, обладающей «правом надзора за действиями правительственных властей», Облеухов сводил «к обязанности гос. Думы верноподданнически доносить Государю Императору обо всех, по ее мнению, незаконных действиях властей, подлежащих ее контролю» [16, 24 декабря 1915 г.].

Таким образом, согласно Облеухову, монархисты из числа его единомышленников не выступали против того, чтобы «одна подчиненная власть контролировала другую», главное, чтобы «все подчиненные власти объединились в общей гармонии и служили Царю». И от Думы, соответственно, требовалось, чтобы она «перестала быть рассадником конституционных вождельний и интриг, а была бы в действительности Царской думой, делающей Государево дело для блага русского народа» [16, 24 декабря 1915 г.].

Еще одной опасностью для «самодержавной монархии» (помимо «ненадлежаще действующей» Государственной Думы) Облеухов считал «конституционный бюрократизм». Он объяснял это так. Чиновники в массе своей тесно связаны с интеллигенцией, которая представляет собой «среду, из которой исходит бюрократия». Конституционализм, в свою очередь, «чрезвычайно выгоден» для чиновников, так как при нем «ответственности перед единым Монархом не существует» и «вырастает значение министров по отношению к Монарху». «Ответственность перед многоголовым формально и безголовым по существу парламентом для таких чиновников несравненно приятнее, чем ответственность перед единым неограниченным монархом», – заключал автор [16, 24 декабря 1915 г.]. Подкрепляет это обстоятельство «наличие объединенного министерства», при котором «министры действуют заодно».

Опираясь на приведенные доводы, Облеухов подчеркивал, что Самодержавная Монархия «не должна опираться всецело на бюрократический строй». «Более прочной опорой монархии является широкое самоуправление широких слоев населения, которое по духу является естественным союзником Самодержавия, – утверждал автор. – Всего нужнее оно именно для народа» [16, 24 декабря 1915 г.].

Кратко резюмируя взгляды монархистов, своих сподвижников, на Манифест 17 октября и связанные с ним законы, Облеухов заявлял, что «категорически отрицательного отношения» к этим документам у них нет, поскольку все это следует истолковывать «в духе Самодержавия». Вместе с тем принятые законы, по его мнению, «редактированы неудачно», не соответствуют «духу русского государственного права» и даже создают «почву для конституционных интриг и пропаганды». Во избежание негативных последствий предлагалось внести соответствующие изменения, причем «одновременно с введением широкого самоуправления для различных широких народных классов и групп». При этом особо подчеркивалась недопустимость «отдачи народа под опеку интеллигенции».

Очевидно, что статья Николая Дмитриевича Облеухова является ценным источником для изучения, во-первых, представлений русских консерваторов об идеале общественно-государственного устройства России, а, во-вторых, их опыта трансляции собственных идей в народные массы. Сам факт печати публикации статьи товарища председателя РНСМА Облеухова в «Русском знамени», газете Всероссийского Дубровинского Союза Русского народа, свидетельствует о стремлении (по крайней мере, на уровне отдельных видных деятелей, в частности, А. И. Дубровина и Облеухова) к консолидации усилий монархических организаций в деле сохранения самодержавия в годы Первой мировой войны.

Стоит отметить определенную смелость Облеухова в оценках положения монархистов в российском обществе. Он не боялся указывать на непопулярность монархических идей среди образованных слоев общества и на распространение революционных настроений в народе, что, по его мнению, было вызвано в том числе отсутствием активного продвижения монархической идеологии ее сторонниками среди крестьян и рабочих. Его усилия и были как раз направлены на исправление этой ситуации.

Облеухов видел суть происходивших в России политических событий в противостоянии монархистов, выступающих за сохранение «Царского Самодержавия», и конституционалистов. К последним автор относил всех сторонников конституции, действовавших (прямо или опосредованно) в интересах буржуазии. В качестве антагонистических сил он характеризовал «Царское Самодержавие» и власть «денежных людей» (с примкнувшей к ним интеллигенцией). Последние, по его словам, под видом радения о свободе и равенстве для народа стремились ограничить или устранить царскую власть в пользу укрепления своего собственного влияния в обществе, что, как подчеркивал автор статьи, неминуемо повело бы к ущемлению прав и свобод малоимущего большинства. Царская же власть, полагал он, в некоторой степени «уравнивает неравенства», так как царь выступает силой, ограничивающей буржуазию. Рассматривая в данном контексте ликвидацию крепостного права, Облеухов считал эту реформу заслугой трех императоров – Николая I, Александра II и Николая II. Поэтому именно монархию он признавал подлинным «оплотом народной свободы и равенства», в отличие от конституционализма («ловкой лжи»).

Вместе с тем государственное устройство России начала XX в. Облеухов считал далеким от идеала и требующим существенной трансформации. Не выступая, в целом, против Манифеста 17 октября и Государственной Думы как института, автор видел в них большое количество

недостатков, создающих почву для «конституционных интриг и пропаганды» и ведущих к ослаблению государства. Так, Манифест, по его мнению, содержал неоднозначные формулировки и разночтения, позволявшие двойственно интерпретировать царскую власть. Дума же была призвана лишь информировать императора о нарушениях в действиях контролируемых ею властей, но не воздействовать на решения самого Государя.

Облеухов подверг резкой критике «конституционный бюрократизм», проявления которого он видел в Совете министров Российской Империи и действовавшей земской системе самоуправления. Этим явлениям противопоставлялась идея учреждения самоуправления широких слоев населения. Идеальный образ правления в России Николай Дмитриевич характеризовал как «народную монархию», а своих единомышленников – как «монархистов-народников», сторонников самых серьезных преобразований. Трудно судить о том, вызвала ли статья Облеухова читательский резонанс, но сам факт появления этой публикации достаточно красноречив. Проблема утраты влияния монархистов на умы и сердца простого народа сильно волновала руководство монархических организаций.

Центральная тема статьи – обоснование идеала «народной монархии» – нашла отклик в трудах представителей русской консервативной мысли середины XX в. Не исключено, в частности, что и название программной работы И. Л. Солоневича в какой-то степени связано с публикацией Облеухова. Кроме того, идея народного самоуправления в сочетании с сильной, по сути, неограниченной единоличной властью своеобразно отразилась в трансформациях, пережитых страной после революционных событий 1917 г.

Библиографический список

1. Емелина М.А. Кризис Верховного Главнокомандования и бунт министров летом 1915 года // Военно-исторический журнал. 2019. №2. С. 14–23.
2. Земщина [ежедн. газ.]. – Петроград, 1915 г.
3. Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 208 с.
4. Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 518 с.
5. Иванов А.А., Степанов А.Д. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб.: Царское дело, 2015. 733 с.
6. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.

7. Кирьянов Ю.И. Численность и состав правых партий в России в 1914–1917 годах // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С.216–229.
8. Колокол [ежедн. газ.] – Петроград, 1915 г.
9. Лыкосов М.В. Проблема развития России в русской консервативной печати в годы Первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917 г.: дисс. на соиск.уч.степ. канд.ист. наук. Новосибирск, 2006. 202 с.
10. Миллюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
11. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т.2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв.ред. А.В.Репников; сост., авторы пред. и комм. А.В.Репников, А.А.Иванов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 652 с.
12. Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: в 2 т. Т.2. 1911–1917 гг. / Отв.ред. В.В.Шелохаев, сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю.И.Кирьянов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 816 с.
13. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.
14. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
15. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М.: Готика: Московский гос. обл. ун-т, 2006. 424 с.
16. Русское знамя [ежедн. газ.]. – Петроград, 1915 г.
17. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 637 с.
18. Соловьев К.А.Идея самодержавия (конец XIX – начало XX вв.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т.2. №2. С.48–69.
19. Стогов Д.И.Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. Сер. «История». 2011. №1. С.83–91.
20. Стогов Д.И.Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 662 с.
21. Степанов А.Д.Черная сотня: взгляд через столетие. СПб.: Царское дело, 2000. 136 с.
22. Степанов С.А.Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 669 с.
23. Черная сотня: историческая энциклопедия. 1900–1917 / Отв.ред. О.А.Платонов; сост. А.Д.Степанов, А.А.Иванов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 640 с.

Мы все изгнанники и на
родине.

Петр Вяземский

Там, где свобода, – там моя
родина.

Джеймс Отис

Вячеслав Романовский

**«...ПОПРОБУЮ
НАПИСАТЬ, ЧТО
ПРИКАЖУТ»**

**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТА
Н.В.УСТРЯЛОВА НА
СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ
ПЕЧАТИ (1935–1937)**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

9.94(47).084.6

Статья посвящена возвращению видного сменовеховца Николая Устрялова из Харбина на родину, условиям жизни в Москве и его сотрудничеству с советской печатью. Основное внимание уделяется статьям публициста, написанным по заказу редакций газет «Правда» и «Известия», – о конституции, Пушкине и Герцене. Анализируется содержание публикаций, раскрывается их проблематика и связь с переживаемой эпохой, отмечается стремление автора донести до властей и соотечественников идеи и ценности, которые он считал актуальными. Формулируется вывод о важности последних статей Н.В.Устрялова как публицистических документов, отражавших грани эпохи и личность автора.

The article is devoted to the return of an eminent smenovekhovets Nikolai Ustryalov from Harbin to his homeland, to the conditions of his life in Moscow and its cooperation with the Soviet press. It mainly focuses on the articles of N.V.Ustryalov, written on request of the editorial offices “Pravda” and “Izvestia” – about the constitution, Pushkin and Herzen. The author analyzes the subject matter of the publications, he reveals its’ problems and connection with the era being experienced, and he also notes Ustryalov’s desire to convey to the authorities and compatriots the ideas and values that he considered relevant. The conclusion is formulated about the importance of the last articles of N.V.Ustryalov as journalistic documents reflecting the lines of the era and the personality of the author.

Ключевые слова: Н.В.Устрялов; Москва; 1935–1937 гг.; газета «Правда»; газета «Известия»; публикации; конституция; Пушкин; Герцен.

Key words: N.V.Ustryalov; Moscow; 1935–1937; newspapers; «Pravda»; «Izvestia»; publications; constitution; Pushkin; Herzen.

E-mail: vkroman@mail.ru

Николай Васильевич Устрялов – личность разносторонних дарований: политик, правовед, ученый, философ, политический мыслитель, педагог. Окончив юридический факультет Московского университета незадолго до Первой мировой войны (1913), он уже в годы революции и Гражданской войны стал заметной политической фигурой в кадетских кругах, принимал активное участие в Белом движении, возглавлял (на финальной стадии) Восточный отдел ЦК кадетской партии в Сибири. В эмиграции получил широкую известность одного из лидеров сменовеховства. Им написаны труды по проблемам философии и права, государствоведения и нациестроительства, российской и мировой истории. Много лет отдал преподаванию в высшей школе: работал в Московском и Пермском университетах (1916–1918), на Юридическом факультете в Харбине (1920–1934).

Николай Васильевич Устрялов. Харбин, 1920-е годы

Но первостепенное место в его жизни занимала публицистическая деятельность. «Публицистика для меня, – писал он в своем дневнике незадолго до ареста, – несомненно, есть ОВ – отравляющее вещество.

...Это не профессия: это – страсть» [10, с.62]. В большой печати его дебют состоялся в годы Первой мировой войны. В 1917–1918 гг. он уже работал ведущим публицистом главной газеты русской буржуазии «Утро России», являлся редактором еженедельника «Накануне», подвергая критике большевиков и выступая в защиту русской государственности и культуры. В 1919 г. в Омске Устрялов возглавлял правительственное пресс-бюро, входил в руководство Русского бюро печати, редактировал газету «Русское дело». После разгрома Колчака, уже в Харбине, подвергнув переосмыслению события в России, на страницах эмигрантских изданий Китая и Европы публицист активно пропагандировал в своих статьях идею примирения с большевиками. В 1935 г., руководствуясь чувством патриотизма и гражданского долга, известный сменовеховец вернулся на родину. По инициативе редакций газет «Правда» и «Известия» им были написаны и опубликованы две статьи о Конституции, о Пушкине и Герцене – последние в его публицистической практике. 6 июня 1937 г. его арестовали, а 14 сентября 1937 г. расстреляли за «шпионскую» и «контрреволюционную» деятельность. Реабилитирован Н.В. Устрялов в 1989 г.

В ряде исследовательских работ публицистическая деятельность Н.В. Устрялова раскрывается в годы Первой мировой войны [8], русской революции и Гражданской войны [5; 7], эмиграции [4; 9]. Но статьи публициста, вышедшие на родине после его возвращения из-за границы, пока обделены вниманием исследователей, хотя некоторые из них переизданы [18; 19; 20; 21]. Между тем они заслуживают внимания как важные публицистические документы, отражающие особенности эпохи, мысли и идеи автора после его возвращения на родину и в условиях идеологических ограничений. В настоящей статье на основе дневниковых и публицистических материалов Н.В. Устрялова раскрываются обстоятельства написания и выхода его статей в советской печати, анализируется их тематика и содержание, определяется значение публикаций в контексте времени.

Н.В. Устрялов вернулся на родину (с супругой и двумя сыновьями) в начале июня 1935 г. с противоречивыми настроениями. Он был рад встрече с родиной и принимал ее такой, какой она стала – социалистической. На чужбине в письме своему другу по Харбину Г.Н. Дикому (проживал в Европе), он сообщает, что возвращение на родину воспринимает «не только как непререкаемый долг чести, но и как живую радость...» [6, с. 160–161]. Незадолго до отъезда в авторском сборнике статей «Наше время» (1934) Устрялов публично объявляет о преодолении своих раз-

ногласий с советским режимом; сменевеховская идеология нэповской эпохи, по его словам, стала «пройденным этапом» и «в корне утрачивает смысл», а «генеральная политическая линия правящей партии ходом событий оправдана». СССР стал «индустриальной страной», где формируется «советский патриотизм», «сокращается жестокость приемов властвования» и «суживается сфера внеправовых методов управления» [13, с.2–11].

Но радость Устрялова от возвращения домой сопровождалась его переживаниями и тревогами за семью, своих детей, за то, будет ли он на родине востребован, сможет ли сохранить свободу творчества. В одном из писем Г.Н. Дикому, обращаясь к теме возвращения на родину, Устрялов пишет: «Я даже боюсь, что собственным детям приношу лишь кажущуюся пользу..., которая вдруг обернется реальным, на этот раз, вредом!..» [6, с. 126]. На родине нужно будет со многим смириться, оставить «все свое прошлое». «Если государство, – продолжает делиться своими мыслями Устрялов с другом, – придет и скажет мне: "Молчи, такой-сякой, или, еще лучше, пиши, что я тебе приказываю", – тогда я прислушаюсь, замолчу и даже, насколько хватит сил, может быть, попробую написать, что прикажут...» [6, с. 125, 143]. Но и в новых условиях он не хотел отказываться от права и возможности свободных суждений на политические темы. «Что же мне прикажете делать? ...Молчать? – пишет он Дикому. – Намолчатся всегда успеем... Менять образ поведения не чувствую себя в силах...» [6, с. 144–145].

В Москве довольно долго решался (в Наркомате путей сообщения) вопрос с трудоустройством Устрялова (как бывшего служащего КВЖД). Он был готов на любую работу. «На все согласен, – записывает возвращенец в «московский» дневник 25 сентября 1935 г. – Хотя бы учителем арифметики в первую ступень! Да, да... Не все ли равно – быть деппроизводителем в мелочной лавке – или заведовать почтеннейшей библиотекой?!» [10, с.18]. Еще больше его угнетало «состояние изоляции». Окружающие его люди проявляли осторожность в общении с ним. По возвращении из Харбина видный сменевеховец, отмечают исследователи, «находился под плотной опекой органов НКВД, о его взглядах и высказываниях регулярно составлялись оперативные сводки, которые докладывались руководству наркомата» [1, с.122–123]. Устрялов испытывал страх и тревогу за возможный арест, за семью, мать, брата и других родственников, которые проживали в Калуге. «Я знал, – признавался он на допросе, – что рано или поздно меня арестуют» [3, с.249].

Только спустя полгода после возвращения на родину, в ноябре 1935 г. его трудоустроили в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). Устрялову предстояло разработать и читать курс экономической географии. Вместе с разработкой курса он решает более масштабную задачу; старается, по его словам, «работать над собой», понять «советскую действительность» [10, с.6, 23, 25, 38].

В начале лета 1936 г. к Устрялову впервые обратились из редакции газеты «Правда» с просьбой высказаться в печати по поводу проекта новой советской Конституции. Сотрудник редакции, приехавший к нему, выразил желание «получить статью немедленно». Она была написана в редакции газеты, куда Устрялов приехал вскоре с «правдистом». Его первая публикация в советской печати вышла с редакционным заглавием «Документ мирового резонанса» [14]. «Дебют в ... "Правде"! – отметит он в дневнике. – Да, странно было бы подумать это, скажем, в 17-м, 19-м, 30-м и проч. годах...» [10, с.36].

В статье, посвященной проекту Конституции, он критически оценивает «буржуазный» мир и противопоставляет ему «государство победившего социализма». Мир буржуазный, по его словам, «ставит в порядок дня закон джунглей», «отрекается от лучших заветов всемирно-исторической культуры», а молодое советское общество утверждает великие ценности человечества, реальной демократии, что и демонстрирует проект Советской конституции. Документ «проникнут исторически обоснованным новаторским духом», в нем определяются новые пути развития человечества [14].

В проекте Конституции, отмечает автор, внимания и тщательного анализа достойны и основные начала общественного устройства, и принципы ленинско-сталинской национальной политики, и то, как решается проблема свободы в советском обществе – «свободы в труде, свободы в творчестве, свободы в реализации великих идей». Впервые на конституционном уровне подчеркивается ведущая роль коммунистической партии, являющейся «передовым отрядом трудящихся». Этот «замечательный документ мирового резонанса» свидетельствует, по словам публициста, что «наша родина, наш великий советский народ стали подлинно авангардом человечества, средоточием нового мира – мира свободы, счастья и творчества» [14].

Публицист также актуализирует темы культурного наследия и гуманизма, «устаревшие» для советской эпохи. Автор дает понять читателям и властям, что документ создается не с «чистого листа», о чем нередко подчеркивалось в советских газетах. Конституция, по его словам,

«сочетает в себе критическое усвоение культурного наследия с новой концепцией человеческого общества», «подводит итоги лучшим достижениям человечества в прошлом» и пронизана «социалистическим гуманизмом» [14].

Стиль статьи Устрялова, наполненной пафосом и патетикой, был близок к образцам советской печати. Выдержанная в таком духе, она не вызвала замечаний у редакторов и была напечатана. Сам автор, не уверенный в ее публикации, оценит этот факт как «отрадный симптом». «Одиозна в этой статье, – заметит он, – только подпись» [10, с. 37]. Публикация вышла за подписью «Проф. Н. Устрялов» (как и все последующие), имя которого крайне негативно воспринималось в советско-партийных кругах. Примечательно, что в главной партийной газете страны была опубликована статья автора, который в 56-м томе Большой советской энциклопедии, изданном в том же 1936 г., характеризовался как «убежденный апологет капитализма» [2, столб. 392–393].

Но Н. В. Устрялов после разрыва с кадетизмом и либерализмом (1920), напротив, был критически настроен к западной системе ценностей. Многие его оценки и характеристики в отношении Запада и советской России, изложенные в статье, перекликались с позицией, которую публицист занимал на чужбине. Он писал о пороках и кризисе буржуазной демократии, реальности советского народоправства, бесклассовом обществе как важном рубеже утверждения реальной демократии и превращения России в авангард человечества [12, с. 263–282; 13, с. 20–28].

Вскоре к публицисту проявили интерес из газеты «Известия». 31 октября 1936 г. к нему приехал сотрудник газеты с просьбой от редакции подготовить к праздничному номеру статью на тему Конституции и 19-й годовщины Октябрьской революции, причем в крайне сжатые сроки – ко 2 ноября. Устрялов, изменив свои планы ближайших дней, подготовил, по его словам «боевую, острую публицистическую статью» и отвез в редакцию. В присутствии автора в одном из редакционных отделов познакомились с ее содержанием и сообщили, что решение по ней будет принято позднее и его известят по телефону [10, с. 57].

Из редакции Устрялову позвонили только через месяц. Публицисту объяснили, что номер газеты, который готовился к празднику, «вышел урезанным» и его статья «не смогла в него войти». И предложили написать новую статью об утвержденном проекте Конституции, «частично используя для нее материал первой». Публицист без особой спешки ее подготовил и передал в редакцию. На следующий день, 14 декабря

1936 г., по этому поводу он оставил запись в дневнике: «Не пройдет – отложим публицистику в сторону. ...Литературного честолюбия у меня как будто почти не осталось. Полезно – пожалуйста, я готов. Но самому протискиваться, проявлять инициативу – нет, не стану» [10, с.61].

Его статья была опубликована в «Известиях» 18 декабря 1936 г. [15]. Автор радостно и эмоционально реагирует на это событие: «Именинный подарок – сегодняшний номер "Известий" с подвалом "Самопознание социализма". Напечатали целиком и полностью. С тремя–четырьмя небольшими поправками, – пишет он в дневнике. – Большая политическая статья на страницах советских "Известий"! Хочется протереть глаза. Что это? Не сон ли? – Нет не сон. Явь. Волнующая и почти головокружительная... Неужели и впрямь я "имманентен" вполне, по-настоящему, великому советскому государству и его идее-правительнице? Если бы так!.. Однако статья-то в самом деле глядит со страницы "Известий"» [10, с.62].

Используя прием сопоставления и противопоставления, публицист создает в статье картину масштабных изменений на родине. «Вместо разрухи, – пишет он, – прекрасная стройка, пронизанная самодисциплиной труда. Вместо нищеты – растущее обилие на основе социалистической собственности. Вместо борьбы непримиримых классов – становящееся бесклассовое общество. Вместо царской тюрьмы народов – их свободный, равноправный союз. Вместо задворок буржуазной цивилизации – первое государство социализма, маяк международного прогресса. Вместо очага темноты и деспотизма – оплот человечности, новой, высшей культуры. Вместо претенциозного бессилия – спокойная, мирная мощь». Результаты этих изменений, по словам автора, отражает «Конституция победившего социализма». С аналогичным оптимистическим настроением раскрываются в статье тезисы о порочности буржуазной «псевдодемократии», сущности советской демократии как «демократии нового типа», «сталинской конституции», воплотившей лучшие идеалы человечества, конституционном закреплении ведущей роли Компартии, без которой советская демократия была бы «расслаблена и бесхребетна» [15].

Автор отмечает, что в СССР успешно решается «неразрешимая для буржуазных стран» проблема «сочетания свободы и авторитета». Нет власти в мире «более массовой..., сильной, компактной, сосредоточенной, ...нежели советская» [15]. Публицист едва ли не открыто характеризует советскую власть как авторитарную, но именно в этом он видит ее положительную особенность, противопоставляя власти буржуазной.

Публицист решается напомнить большевистскому руководству, что в стране с принятием советской Конституции и со строительством «бесклассового общества» завершается эпоха классового противоборства и утверждается новая эпоха, в которой должны господствовать принципы права и гуманизма. «Рефлекс права уже назрел», – констатирует Устрялов [15].

В статье Устрялов по-иному, чем было принято в СССР, решает проблему советского патриотизма. Он наполняет это понятие новым содержанием. «Любовь к родине и к своему народу, – пишет он, – есть любовь не только к их настоящему и будущему, но также и к их историческому прошлому». Плох тот патриот, который «уважает историю своего народа лишь в будущем», забывая свое историческое прошлое [15]. Автор отстаивает положения, актуальные, по его мнению, для общественного сознания советского человека: созидание нового невозможно без опыта прошлого, преемственность исторических эпох – незыблемый закон истории, патриотизм есть чувство любви к родине, в котором неразрывно связаны ее прошлое, настоящее и будущее.

Отмечая международное значение советской Конституции, автор подчеркивает, что она на весь мир демонстрирует гуманистические идеи, противостоящие подлинному варварству. Современное варварство, по его словам, – это фашизм, воплощающий «худшие стороны отмирающей исторической эры». Сторонники этой идеологии толкают мир к новой войне, и она уже «у ворот». Мир расколот: одни «активно и сознательно» готовят войну, другие активно или пассивно «попустительствуют ей». И только Советский Союз, которому война не нужна, «отстаивает дело мира и мирного труда». Советский гуманизм, по мнению автора, есть «единственное спасение от подлинного варварства, угрожающего человечеству». Статья завершается выводом: «пройдут десятилетия, и наш сегодняшний рубеж войдет отрадной межой в историю освобожденного человечества, как мудрый и зоркий акт самопознания социализма» [15].

Работая над статьей, Устрялов пытается разгадать мотивы редакции, обратившейся к нему с предложением о публикации. Возможно, полагает он, это стремление его «втянуть в хорошую работу», что в полной мере соответствовало внутреннему настрою самого публициста – выполнять работу «на заданном участке». Но были и опасения о планируемой «публичной "проработке" статьи после ее напечатания» [10, с.62].

Беспокойства Устрялова не оправдались. Критические отзывы в адрес статьи были, но они имели локальный характер. Публицист упоминает

об этом в своем дневнике: один партиец из Наркомюста заметил, что «некоторые мотивы статьи, конечно, не наши...», а заведующий кафедрой, на которой работал Устрялов, признав статью удачной, все же пожурил его за «чрезмерную акцентировку авторитарности власти» [10, с.64].

Таким образом, автор в своей публикации вполне корректно и в духе времени, раскрывая сущность советской Конституции, ее значение для СССР и мира, стремится привлечь внимание властей и соотечественников к ценностям патриотизма, права и гуманизма, которые, по его мнению, призваны занимать важное место в советском обществе.

В первые дни нового 1937 г. Устрялов вновь получает предложение от «Известий» – подготовить статью о Пушкине. Актуальность темы была связана с приближением скорбной даты – 100-летия трагической гибели первого поэта России. Публицист осознает всю сложность предстоящего дела – написать на известную тему так, чтобы было «и содержательно, и читабельно, и... свежо» [10, С.65]. И он успешно справляется с задачей. Его статья «Гений веков» была напечатана в день столетия смерти Пушкина – 10 февраля 1937 г. [16]. «Слово» Устрялова о Пушкине правомерно поставить в ряд лучших отечественных публикаций о великом русском поэте.

Во вступительной части статьи автор раскрывает актуальность Пушкина как исторического явления: его слава растет и вся русская культура развивается «под знаком Пушкина». Творчество великого поэта оказывает огромное влияние на общественную и культурную жизнь страны. Оно, по словам публициста, «в нашем общественном бытии, в нашем сознании, в нашей литературе». Истоки и причины актуальности пушкинского наследия Устрялов справедливо видит в том, что оно связано с национальными корнями русской жизни и пронизано принципами единства и универсальности. Пушкин есть «живой залог общенародного единства» [16].

При этом, отмечает Устрялов, Пушкин – «явление сложное, многостороннее, бесконечно богатое мотивами». Его все «тянули» в свои ряды: западники и славянофилы, великодержавные националисты и демократические народники, консерваторы и либералы, реакционеры и радикалы. И царская власть стремилась «приручить» поэта. Но он руководствовался принципом: «Односторонность есть пагуба мысли» (Пушкин) и принадлежал всей России. Творчество поэта благотворно отразилось на развитии страны, обогащало собою «различные струи

русской общественной мысли, вдохновляло противоположные, взаимно чуждые и враждебные слои русского общества...» [16].

Прошедшее столетие автор называет «пушкинским веком», пронизанным гением поэта. Гений Пушкина отражается в реализме, гармонии и гуманизме его творчества. Он, пишет публицист, реалист «в глубочайшем смысле слова». Реальностью для него была природа, радость, горе, любовь. Поэт «умел и страдать, и смеяться, и ненавидеть». Все краски знала его палитра, все чувства знала его душа, все струны и ритмы «звучали в творческом облике его... победоносной гармонией». «Он, – продолжает публицист, – человечен в своих противоречиях и гармоничен в своей человечности. Не будь он столь "противоречив", не был бы он столь убедителен для нас и столь близок нам теперь... Человечность, гуманизм – лейтмотив в гармонии пушкинской лиры, неподвижная ось пушкинского самосознания и мироощущения» [16].

Неотъемлемой чертой личности поэта и его творчества Устрялов называет патриотизм. Россия – «одна из руководящих тем» его творчества. Но отношение поэта к ней, подчеркивает автор, было сложным и противоречивым. Родина его и притягивала, и отталкивала. Травимый светской чернью и донимаемый «царскими кнутами и пряниками», поэт устремлялся к народной стихии, которая была ему и близка («чаяниями, песнями»), и далека («нищетою и темнотою»). В самом творчестве поэта отчетливо отражаются его метания между светским обществом и народом. Он прокликает «свинский Петербург» и поет ему бессмертную славу в «Медном всаднике», называет современное ему общество «тупым и презренным» и слагает дифирамбы дворянству, считает русский бунт «бессмысленным и беспощадным» и объявляет Стеньку Разина «единственным поэтическим лицом русской истории». И он же, с горечью восклицая: «Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом», всей мощью своего творчества прославляет Россию в веках [16].

Замечая все пороки русской действительности, Пушкин, по словам публициста, обладал мудростью и умел «видеть вещи в их развитии», «быть орудием их преобразований». В отличие от Чаадаева он не приходил в ужас, в уныние от темных сторон русского прошлого и русской современности, они не мешали ему «ценить историческое величие нашего народа и верить в его историческое будущее». «Пушкинская философия русской истории, – подчеркивает автор, – последовательная и патетическая апология динамизма, преобразования, строительства...» [16].

В заключение Устрялов, подчеркивая значение великого поэта и его творчества для новой эпохи, обращает внимание на пророческий смысл

пушкинских слов: «Я принадлежу всей стране». «Слух о нем, – пишет автор, – и впрямь идет по всей необъятной нашей советской земле. ...Вся великая наша страна, – "всяк сущий в ней язык" – называет имя Пушкина. Если прежде культура была пленницей тончайшего верхушечного социального слоя, то теперь она становится подлинно всенародным достоянием». Публицист отмечает «глубочайшее созвучие между музыкой наших дней и гармонией пушкинской лиры»: это оптимизм, вера в разум и высокое призвание человека, глубинная связь с истоками народной мудрости и народных сил, "способность к всемирной отзывчивости", волевая устремленность к будущему. Проникая в массовое сознание, поэт, – заключает автор, – продолжает посмертно творить великое культурное дело», и его имя обязывает «быть на уровне великих задач, поставленных историей» [16].

Таким образом, публицист Устрялов создает сложный и противоречивый облик великого русского поэта. Пушкин в его трактовке правдив и реалистичен. Он предстает мудрым мыслителем, философом, открывающим глубинные пласты национальной истории и русского характера, патриотом и гражданином, который видит недостатки и пороки в обществе и народе, но неистово любит и прославляет Россию, верит в ее великое призвание. Автор выделяет «мудрый реализм» первого поэта России, его способность, несмотря на противоречивые явления русской жизни, гармонично мыслить, диалектически воспринимать действительность, оставаться гуманистом, оптимистом и созидателем. Устрялов раскрывает величие и значение Пушкина, выразившего думы и чаяния русского народа, отмечает огромное влияние его творчества на общественную жизнь, бытие, культуру и сознание нации. Пушкинское наследие, пронизанное гуманизмом и верой в высокое призвание человека, – подчеркивает публицист, особенно актуально в эпоху преобразований.

Завершая работу над статьей о Пушкине, Устрялов узнает, что его лекционный курс по инициативе «сверху» передан «в другие руки», и в институте он «лишний». Эту новость он воспринимает как приближение трагического конца. В день выхода статьи о Пушкине публицист делает запись в дневнике, пронизанную трагизмом: «Еще перед отъездом из Харбина говорил, что если для блага родины потребуются моя "жертва"... – роптать не стану никогда. Но, конечно, грустно. Грустно, что служить родине приходится не разумом, не знаниями и опытом, а "костями"» [10, с. 67–68].

В марте 1937 г. к Устрялову из «Известий» вновь обратились с просьбой подготовить статью о А.И.Герцене, приуроченную к 125-летию

со дня его рождения. Он с охотой взялся за эту тему, так как его многое «сближало» с именем идеолога «русского социализма»: интересы (публицистика, философия), факты биографии (заграница), духовная эволюция (от западничества к почвенничеству). В Харбине публицист уже обращался к личности Герцена, отмечая точность его предсказаний о революционном взрыве в России [11]. В герценовском наследии Устрялов находил немало близких ему мыслей (разочарование в демократических ценностях, критическое отношение к Европе, вера в историческое призвание России и др.). Размышляя о Герцене и его «думах», Устрялов в своем дневнике признается, что «часто ощущал в себе самом – в какой-то мере – те состояния души, ума, сердца» [10, с. 75].

Статья «Революционер-демократ» вышла в «Известиях» 6 апреля 1937 г. [17]. В ней Герцен предстает многогранной личностью – мыслителем, общественным деятелем, философом, литератором, мемуаристом. Но прежде всего, замечает автор, он был «первым русским политическим публицистом». Публицистика, по словам Устрялова, требует «зоркого ума и литературного вкуса», «работы над формой», исторических, экономических, философских знаний, живого и непрерывного интереса «к злобам текущих дней». Публицист обязан следить «за стрелками истории», должен «знать свою аудиторию, своего читателя». И всеми этими качествами, подчеркивается в статье, обладал Герцен. Ему были свойственны всепостигающий ум, литературная одаренность, энциклопедическая образованность, темперамент борца, интерес к политике [17].

Автор отмечает сложность и противоречивость жизненного пути А.И.Герцена. Его творчеством «отмечены» три десятилетия русской общественной мысли, но своей «школы» или «доктрины» он не создал, потому что был, по словам автора, «слишком индивидуален, утончен, догматичен, даже противоречив». Своими идеями Герцен вызвал к жизни различные течения русской мысли, но сам не уместился «ни в одном из них». Он тосковал по «практическому действию», но «единственной доступной ему формой дела оказывалось слово» [17].

Анализируя основные вехи духовных исканий Герцена, Устрялов останавливается на 1820–1840-х годах – времени становления его личности под влиянием идей декабристов, Пушкина, французского Просвещения и немецкого идеализма. Арест, ссылки и Москва «сороковых» с ее спорами в салонах и кружках, чтением философских трудов заканчиваются тем, что растущему таланту, не имевшему выхода в условиях николаевской реакции, оставалось одно – покинуть Россию. На чужбине критик царизма переживает серьезную трансформацию взглядов

и духовный кризис: от веры в демократию и цивилизованную Европу к разочарованию в демократических «принципах 89 года» и западном образе жизни. Влюбленность в Европу сменяется у Герцена ненавистью к ее буржуазному обществу. Политический эмигрант обнаруживает «всю порочность и обреченность буржуазного мира и прогнозирует неизбежность "грядущей революции"», хотя не представляет ее конкретных путей. Отсюда его «политическая растерянность и историософский пессимизм». «Он подошел к новой эпохе, – характеризует автор суть нового духовного кризиса Герцена, – но не вошел в ее разум. ...Его концепция социализма оставалась до конца неясной, расплывчатой... Простирая руки к царству социализма, он не нащупывал явственно ни его исторической плоти, ни человеческого его средоточия, рабочего класса, народных масс» [17].

«Вера в Россию», пишет Устрялов, помогает Герцену преодолеть духовный кризис. Покинув родину «европейцем», мечтавшим переделать Россию с помощью западных идей, он в Европе становится «послом революционного русского мессианства». Революционер-демократ приходит к выводу, что Россия, пройдя ускоренно фазы европейского развития, «первая в мире осуществит социалистический строй», и Европа получит свободу «через освобождение России». На страницах «Полярной звезды» формулируются гуманизм и вера в будущее России как отражение духовной эволюции Герцена [17].

В годы издания «Колокола», по словам Устрялова, Герцен стремится влиять на общественные процессы в России, старается создать широкую освободительную платформу – вплоть «до царского кабинета». Но это привело к тому, что от него отвернулась внутрироссийская революционно-демократическая общественность. После 1861 г. в нем «оживают радикал и демократ», но демократическая интеллигенция уже создает «своих вождей». Герцен оказывается в одиночестве и в последние годы жизни приходит к идеям эволюционизма и мирного развития [17].

Примечательно, что актуальность творческого наследия Герцена, его современность автор статьи видит не в «русском революционном мессианстве», а в идеях гуманизма и свободы, которые, по его мнению, всегда были в центре внимания революционера-демократа. «В наши дни, – пишет он, – ...его большое слово о человеке, о вольной мысли и вольной речи, о достоинстве личности, звучит с новой силой... Звучит... как напоминание, как заповедь, как призыв. Призыв к обществу – ценить и воспитывать личность, заботиться о человеке... В этом смысле Герцен не только наше прошлое. В этом смысле он всегда с нами» [17].

Авторские акценты на ценностях вольной мысли, свободы, достоинства человека, гуманизма явно противоречили тому, что в это время происходило с правами и свободами человека в советском обществе. Эти ценности не были актуальными ранее (на чужбине) и для самого Устрялова. Обращение публициста к ним в последних статьях, на наш взгляд, связано с теми реалиями, с которыми он сталкивается в Москве после возвращения на родину – бесправной, несвободной жизнью, полной лишений и тревог за родных и близких. В таких же условиях находились и многие другие граждане страны. Вероятно, эти обстоятельства заставляли его в своих публикациях говорить об идеях и ценностях, особенно важных для текущего времени, – о необходимости утверждения в СССР «силы права», гражданских свобод, бережного отношения к человеку, заботы о людях.

После опубликования статьи о Герцене Устрялов отмечает, что в печати она сомотрится «прилично». Правда, по его словам, ее название можно было бы заменить на «Колокол свободы», которое «более соответствовало бы содержанию статьи» [10, с. 78]. После этой публикации публицисту уже не поступало предложений из редакций газет.

После безуспешных попыток Устрялова найти работу у него складывается комплекс «лишнего человека». Днем 27 февраля 1937 г. он записывает в дневник: «Пауза в работе, в спасительных иллюзиях дела, полезного участия в жизни... Нехорошо. Рождается психология лишнего человека, причем беда в том, что сознаешь себя лишним. Нечего делать, ибо твое делание никому не нужно. ...» [10, с. 72]. До его ареста оставалось три месяца и одна неделя.

Таким образом, публицистическая деятельность Н. В. Устрялова после возвращения на родину проходила в специфических советских условиях. За ним велось наблюдение, люди с осторожностью шли на общение с ним. Он лишился преподавательской должности в институте, поработав в нем чуть более года. В этой ситуации Устрялов чувствовал некоторую востребованность лишь при написании «заказных» публикаций. Просьбы исходили от редакций ведущих советских изданий – «Правды» и «Известий».

На страницах этих газет были опубликованы его две статьи о конституции, о Пушкине и Герцене. Они были наполнены пафосом и патетикой, свойственными советской печати. Но качественный уровень последних статей Устрялова был безупречен: они отличались глубоким анализом проблем, всесторонним изложением их содержания, ярко выраженной авторской позицией, аргументированными оценками и выводами. Пуб-

лицист определяет ключевые положения и сущность основного закона страны, раскрывает универсальность, «мудрый реализм» и огромное влияние первого поэта России на ее настоящее и будущее, показывает сложный путь духовных исканий А.И.Герцена, его вклад в историю общественного движения и русской мысли, выявляет глубокую и неразрывную связь этих тем с переживаемой эпохой.

Суждения, оценки и выводы Н.В.Устрялова, в особенности, о Пушкине и Герцене, на наш взгляд, сохраняют научную актуальность и представляют интерес для исследователей. Статьи Устрялова правомерно также рассматривать как важные публицистические документы, отражающие грани эпохи и личность автора. В них формулируются идеи и ценности, к которым автор сознательно стремится привлечь внимание властей и соотечественников. Это оптимизм и вера в историческое величие и призвание родины, в творческие возможности России и человека-созидателя, воспитание патриотизма, основанного на неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего отечества и нации, уважительное отношение к культурному наследию прошлых поколений. Особенно важным является призыв автора к властям и обществу укреплять в стране право, свободу мысли, заботиться о человеке, защищать его достоинство. Публицист и мыслитель Н.В.Устрялов был убежден в актуальности этих ценностей для соотечественников – современников и потомков.

Библиографический список

1. Артизов А.Н. Дневник Н.В.Устрялова писался не столько для души, сколько для возможных читателей из ежовского ведомства // Отечественный архив. 1999. №5. С.121–125.
2. Большая советская энциклопедия // Гл. ред. О.Ю.Шмидт. Т.56. М: ОГИЗ РСФСР, 1936. 719 с.
3. Быстрянцева Л.А. Устремленный к истине. Протокол допроса Н.В.Устрялова // Клио. 1999. №1(7). С.246–256.
4. Довбыш А.В. Трансформация воззрений Н.В.Устрялова на советское государство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2016. №3. С.131–137.
5. Колеров М.А. О еженедельнике «Накануне» (1918) // Исследования по истории русской мысли: ежегодник за 1998 год. Вып.2. М.: ОГИ, 1998. С.305–318.
6. «Политическая эмиграция – не наш путь». Письма Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому, 1930–1935 гг. // Исторический архив, 1999. №3. С.107–166.

7. Романовский В.К. Устрялов о русской революции (по его публикациям 1917–1918 гг.) // Вопросы истории. 2005. №1. С.50–161.
8. Романовский В.К. Poleмика о национализме на страницах русской либеральной печати в 1916–1917 гг. // Вопросы истории. 2016. №5. С.53–59.
9. Романовский В.К. Н.В.Устрялов в общественно-политической, научной и культурной жизни русского зарубежья (1920–1935). Нижний Новгород: Изд-во НИРО, 2017. 371 с.
10. «Служить Родине приходится костями...». Дневник Н.В.Устрялова 1935–1937 гг. // Источник. 1998. №5–6. С.3–100.
11. Устрялов Н. Пророческий бред (Герцен в свете русской революции) // Смена веков (Париж). 1922. №18. С.10–16.
12. Устрялов Н.В. Под знаком революции: сб. ст. 2 изд., перераб. и доп. Харбин: Полиграф, 1927. 415 с.
13. Устрялов Н.В. Наше время. Сб.ст. Шанхай: [б.и.], 1934. 202 с.
14. Устрялов Н.В. Документ мирового резонанса // Правда. 1936. 15 июня. №183. С.2.
15. Устрялов Н.В. Самопознание социализма // Известия. 1936. 18 дек. №294. С.3.
16. Устрялов Н.В. Гений веков // Известия. 1937. 10 февр. №36. С.3.
17. Устрялов Н. Революционер-демократ // Известия. 1937. 6 апр. №83. С.3.
18. Устрялов Н.В. Документ мирового резонанса // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / Научн. ред. Ю.А.Веденеев, И.Б.Борисов. М.: РОИИП, 2010. С.607–608.
19. Устрялов Н.В. Самопознание социализма // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / Научн. ред. Ю.А.Веденеев, И.Б.Борисов. М.: РОИИП, 2010. С.601–606.
20. Устрялов Н.В. Самопознание социализма. Избранные труды / Сост., коммент. В.Э.Багдасарян, М.В.Дворковая. М.: РОССПЭН, 2010. С.825–834.
21. Устрялов Н.В. Гений веков: (А.С.Пушкин) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия:2: История, языковедение, литературоведение: Вып. 2 (№9) /1999. С.77–82.

Наши авторы

Ивкина Наталья Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры ТИМО,
Российский университет дружбы народов

Кучеров Михаил Юрьевич

аспирант 1-го курса кафедры сравнительной политологии
МГИМО МИД России

Бзегежев Асхад Заурович

выпускник магистратуры «Международный политический
консалтинг», МГИМО МИД России

Торхов Александр Дмитриевич

выпускник магистратуры «Международный политический
консалтинг», МГИМО МИД России, сотрудник Министерства
экономического развития России

Келлер Андрей Викторович

доктор исторических наук, доктор философии (Фрайбургский
университет), старший научный сотрудник Уральского
Федерального университета, Екатеринбург

Филиппова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН

Матвеев Сергей Алексеевич

аспирант Московского государственного областного
университета, кафедра новейшей истории, факультет истории
политологии и права МГОПУ (областной педагогический)

Запезалова Екатерина Анатольевна

соискатель ученой степени, Институт российской истории РАН;
издательство «Кварц», редактор, Нижний Новгород

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
новейшей истории России Московского государственного
областного педагогического университета, главный специалист
«Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Наши авторы

Лазарева Любовь Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры новейшей истории России МГОПУ, главный
специалист Центра документальных публикаций РГАСПИ

Беспятова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, зам. заведующего
кафедрой истории Московского государственного университета
приборостроения и информатики

Курапова Елена Рудольфовна

к.и.н., зам. директора
Российского государственного архива экономики

Шахматов Виктор Валерьевич

историк, выпускник факультета Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова, директор Дирекции
цифровых инициатив Евразийского банка

Шашкова Ольга Александровна

к.и.н., директор РГАЛИ

Суханова Наталья Ивановна

доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры
Новейшей истории России
Московского государственного областного педагогического
университета

Маслов Дмитрий Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей
истории Московского государственного
областного педагогического университета

Романовский Вячеслав Константинович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
историко-филологических дисциплин, Нижегородский институт
развития образования

Our authors

Ivkina Natalya Viktorovna

Ph.D in History, associate professor at the Department of History and Theory of International Relations, PFUR

Kucherov Mikhail Yur'evich

1st year postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, MGIMO

Bzegezhev Askhad Zaurovich

master's degree graduate of International Political Consulting programme, MGIMO

Torkhov Alexander Dmitrievich

master's degree graduate of International Political Consulting programme, MGIMO, employee of the Ministry of Economic Development of Russia

Keller Andrei Victorovich

D.Sc., historian, D.phil., senior research fellow Ural Federal University (UrFU) Russian Federation, Ekaterinburg

Filippova Tat'ana Aleksandrovna

Ph.D., senior researcher of the Institute of Oriental Studies of RAS

Matveev Sergei Alekseevich

2nd year postgraduate student, Department of Contemporary History, Faculty of History, Political Science and Law (Regional Pedagogical)

Zapevalova Ekaterina Anatol'evna

Ph.D candidate, IRI RAN, publishing house "Quartz", editor, Nizhny Novgorod

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D.Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern Russian History, Moscow State Regional Pedagogical University, head specialist of the "Centre Documentary Publications", the Russian State Archive of Socio-Political History

Our authors

Kurapova Elena Rudol'fovna

Ph.D., historian, deputy head Russian State Archive of Economics

Lazareva Lyubov' Nikolaevna

Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Modern History of Russia, MGOPU, Chief Specialist of the Center for Documentary Publications of the RGASPI

Bespiatova Elena Borisovna

Ph.D. in history, assistant Professor, deputy head of the History Department at Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science

Shakhmatov Viktor Valerievych

the historian, Alumnus of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Director of the Direction for Digital Initiatives of the Eurasian Development Bank

Shashkova Ol'ga Aleksandrovna

Ph.D., historian, head RGALI

Sukhanova Natal'a Ivanovna

D.Sci. historian, Professor, Associate Professor, State Educational Institution of Higher Professional Education Moscow State Regional Pedagogical University

Maslov Dmitriy Vladimirovich

D. Sci., historian, Professor of the Chair of Modern History, Moscow State Regional Pedagogical University

Romanovskii Viacheslav Khonstantinovich

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor in the Department of History and Social Sciences in the Nizhny Novgorod Institute of the Development of Education Nizhny Novgorod

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2022 г.

Теория и практика политических игр

Орешин С. А. *Хасавюртовские соглашения: капитуляция или вынужденная необходимость?* №3. С. 6

Татаринов И. Е. *К вопросу «о передаче Крымской области в состав Украинской ССР в 1954 году».* №1. С. 24

Геоглобалистика

Ивкина Н. В., Кучеров М. Ю., Бзегежев А. З., Торхов А. Д. *Россия в концептуальных документах ФРГ и речах канцлера А. Меркель: опыт количественного анализа.* №6. С. 6

Сафарян Л. А., Сушилова Е. А. *«Фараон и дядя Эм»: падения и взлеты отношений между Египтом и США в водовороте революций.* №5. С. 6

Синдеев А. А. *Карибский кризис 1962 г. и «единство» Запада.* №2. С. 6

Сушилова Е. А., Сафарян Л. А. *«От любви до ненависти»: к истории отношений между США и «Братьями-мусульманами».* №4. С. 6

Эйриян В. А. *Минский маятник: последствия президентских выборов в Белоруссии 2020 г.* №1. С. 6

Эйриян В. А. *Дипломатия ЕС на Южном Кавказе на примере нагорнокарабахской проблематики в 2020–2021 гг.* №2. С. 10

Ресурсы нации

Зверев В. В. *Кустарная или крестьянская промышленность? К неоконченному спору народников и марксистов.* №2. С. 14; №3. С. 22

Келлер А. В. *Оружие, иностранцы и сталь: государственные и партикулярные практики в металлообрабатывающей и оружейной промышленности в России.* №6. С. 22

Митрофанов Н. Н. *Бело-черный сериал изобретателя Льва Термена.* №1. С. 182

Писарькова Л. Ф., Горячева А. Н. *Состав гласных городских дум России в конце 1880-х гг.* №3. С. 18

Ярлыки и мифы

Костырченко Г. В. *Были ли хрущевские «экономические процессы» антиеврейскими?* №3. С. 16

Романовский В. К. *«...Попробую написать, что прикажут».* Статьи публициста Н. В. Устрялова на страницах советской печати (1935–1937). №6. С. 150

Юрганов А. Л. *О восприятии и трансляции первой идеологической кампании Сталина в сатирическом журнале «Крокодил» (1928).* №1. С. 136; №2. С. 18

Юрганов А. Л. *Идеологическая кампания по борьбе с «оппортунистами» в сатирическом журнале «Крокодил» в 1929–1931 гг.* №5. С. 134

Национальная доктрина

Исхаков С. М. *Ахмед Цаликов в эмиграции: партийный деятель, политолог, кавказовед.* №2. С. 16

Марчуков А. В. *Национальные движения в брежневском СССР (вторая половина 1960-х – начало 1980-х годов): немцы, крымские татары, турки-месхетинцы.* №5. С. 28

Россия в мире

Ковалев М. В. *«Аудитория в Сорбонне была забита до отказа»: парижские лекции академика М. Н. Тихомирова 1957 года.* №4. С. 100

Матвеев С. А. *«Это вводит историю национальную в общую рамку всемирной истории»: Лев Михайлович Сухотин и его учебники по истории.* №6. С. 62

Филиппова Т.А. «Балканская кадрили» глазами русских карикатуристов. №6. С. 48
Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия...»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940–1950-х гг. №5. С. 60

Пути духовных исканий

Ранчин А.М. О новой книге Андрея Каравашкина: некоторые размышления. №1. С. 166

Страницы истории

Волобуев О.В. Ялта. 1948–1950. №2. С. 24

Волобуев О.В. Симферополь. Крымпединститут. 1950–1954 годы (продолжение). №3. С. 50

Волобуев О.В. Алушка. Учитель истории. 1954–1960 гг. (продолжение). №4. С. 70

Горячева А.Н. Москва 1919 года глазами ее жительницы: отрывок из дневника Н.Д. Андросовой. №5. С. 106

Дегоев В.В., Стамова И.И. Конгрессы-призраки в дипломатической истории Северной войны 1700–1721 гг. №1. С. 46

Журавлев В.В., Запезалова Е.А., Беспятова Е.Б., Курапова Е.Р., Шашкова О.А., Суханова Н.И., Лазарева Л.Н., Маслов Д.В. Советская экономическая модель и судьба союзного государства (материалы круглого стола). №6. С. 104

Журавлев В.В., Савельев П.Ю. Российская социал-демократия и исторический выбор России. I. Социал-демократы в революции. №3. С. 54

Журавлев В.В., Савельев П.Ю. Российская социал-демократия и исторический выбор России. II. От социализма к коммунизму. №4. С. 60

Журавлев В.В., Савельев П.Ю. Российская социал-демократия и исторический выбор России: III. Становление однопартийной диктатуры. №5. С. 82

Запезалова Е.А. Дворянки Нижегородской губернии в 1860-е – 1890-е годы: землевладение, брачный статус, предпринимательская деятельность в имениях. №6. С. 78

Киянская О.И. «Люди двадцатых годов»: к семейной истории декабристов Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов. №1. С. 72

Марчуков А.В. Герои и дезертиры: один эпизод обороны Донбасса (осень 1941 года). №2. С. 20

Морозова А.Ю. А.А. Богданов и группа «Рабочая Правда». №1. С. 118

Писарькова Л.Ф., Горячева А.Н. Состав гласных городских дум России в конце 1880-х гг. №1. С. 78

Хмуркин Г.Г. К вопросу о статистике жертв среди православного духовенства южно-российских регионов в 1918–1919 гг. №4. С. 60

Черникова Н.В. Мастера законодательной техники: Государственная канцелярия и ее штат. №1. С. 100

Шахматов В.В. Монархисты-народники против конституционалистов: концепция «Царского Самодержавия» Н.Д.Облеухова. №6. С. 130

Актуальный архив

Сак К.В., Сорокина М.Ю. Русские эмигранты и 20-летний юбилей Победы: документы ЦК КПСС и КГБ СССР о награждении участников движения Сопротивления. №2. С. 130

Татарьнов И.Е. История одного предательства. К вопросу о природе украинского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. №4. С. 200

Редакционная почта

Камари Д.М. «Эффект Рингельманна» в цифровом обществе. №5. С. 166

LIST OF ARTICLES, PUBLISHED IN THE MAGAZINE IN 2022

Theory and Practice of the Political Games

Oreshin Sergei. Khasavyurt Agreements: Capitulation or Forced Necessity? №3. P.6
Tatarinov Igor'. To the Question "on the Transfer of the Crimean Region to the Ukrainian SSR in 1954". №1. P.24

Geopolitics and International Policy Issues

Ivkina Natalya, Kucherov Mikhail, Bzegezhev Askhad, Torkhov Alexander. №6. P.6
Eiriyan Vartan. The Minsk Pendulum: the Implications of 2020 Belarus Presidential Election. №1. P.6
Eiriyan Vartan. The EU's Diplomacy on the South Caucasus on the Basis of the Nagornokarabakh Conflict in 2020–2021. №2. P.10
Safarian Levon, Sushilova Ekaterina. "Pharaoh and Uncle Sam": The Ups and Downs of Egypt–US Relations in a Maelstrom of Revolutions. №5. P.6
Sindeev Alexey. The 1962 Caribbean Crisis and the "Unity" of the West. №2. P.6
Sushilova Ekaterina, Safarian Levon. "From Love to Hatred": To the History of Relations Between the USA and the Muslim Brotherhood. №4. P.6

Resources of Nation

Zverev Vasily. Artisanal or Peasant Industry? Towards the Unfinished Dispute Between Narodniks and Marxists. №2. P.14; №3. P.22
Keller Andrei. Weapons, Aliens and Steel: State and Particular Practices in the Metalworking and Weapons Industry in Russia. №6. P.22
Mitrofanov Nikolai. White-and-Black Series of the Inventor Lev Theremin. №1. P.182
Pisar'kova Lyubov', Goriacheva Anna. The Composition of the Vowel City Dumas of Russia in the Late 1880s. №3. P.18

Labels and Myths

Kostyrchenko Gennadii. Were Khrushchev's "Economic Processes" Anti-Jewish? №3. P.16
Romanovskii Viacheslav. "...I Will Try to Write What They Command". Articles of the Publicist N.V.Ustryalov on the Pages of the Soviet Press (1935–1937). №6. P.150
Yurganov Andrey. On the Perception and Broadcast of Stalin's First Ideological Campaign in the Satirical Magazine "Krokodil" (1928). №1. P.136; №2. P.18
Yurganov Andrey. Ideological Campaign Against "Opportunists" in the Satirical Magazine "Crocodile" in 1929–1931. №5. P.134

National Doctrine

Iskhakov Salavat. Akhmed Tsalikov in Exile: Party Leader, Political Scientist, Caucasian Scholar. №2. P.16
Marchukov Andrei. National Movements in the Brezhnev USSR (second half of the 1960s – early 1980s): Germans, Crimean Tatars, Meskhetian Turks. №5. P.28

Russia in the World

Eiriyan Vartan. "And the Work of Righteousness shall be Peace; and the Effect of Righteousness...": ROC in the Struggle for Peace at the Turn of the 1940s–1950s. №5. P.60
Filippova Tat'ana. "Balkan quadrille" through the Eyes of Russian Cartoonists. №6. P.48
Kovalev Mikhail. "The audience at the Sorbonne was Packed to Capacity": Parisian Lectures of Academician M.N.Tikhomirov in 1957. №4. P.100
Matveev Sergei. "This Pushes National History into the General Framework of World History": Lev Mikhailovich Sukhotin and his History Textbooks. №6. P.62

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Ranchin Andrey. About Andrey Karavashkin's New Book: Some Reflections. №1. P.166

Pages of History

Chernikova Natal'a. Masters of Legislative Technique: the State Chancellery and its Staff. №1. P.100

Degoev Vladimir, Stamova Irina. From the Diplomatic History of the Great Northern War: The Braunschweig Congresses of 1713–1714 and 1719–1721. №1. P.46

Goriacheva Anna. Moscow in 1919 Through the Eyes of its Resident: an Excerpt from the Diary of N.D.Androsova. №5. P.106

Khmurkin Georgiy. On the Question of the Statistics of Victims Among the Orthodox Clergy of the Southern Russian Regions in 1918–1919. №4. P.60

Kiyanskaya Oksana. "People of the Twenties": to the Family History of the Decembrists Matvey and Sergey Muravyov-Apostol. №1. P.72

Marchukov Andrei. Heroes and Deserters: one Episode of the Defense of Donbass (Fall 1941). №2. P.20

Morozova Alla. A.A.Bogdanov and the group "Working Truth". №1. P.118

Pisar'kova Lyubov', Goriacheva Anna. №1. P.78

Shakhmatov Viktor Valerievych. Monarchists-Narodniks against Constitutionalists: the Concept of "Tsarist Autocracy" by N.D.Obleukhov. №6. P.130

Volobuev Oleg. YALTA. 1948–1950. №2. P.24

Volobuev Oleg. Simferopol. Krympedinstitut. 1950–1954. №3. P.50

Volobuev Oleg. Alupka. A History Teacher. 1954–1960 (continuation). №4. P.70

Zapevalova Ekaterina. Noblewomen of the Nizhnii Novgorod Province in the 1860s – 1890s: Land Ownership, Marital Status, Entrepreneurial Activity in Country Estates. №6. P.78

Zhuravlev Valeriy, Lazareva Lyubov', Bespiatova Elena, Kurapova Elena, Shashkova Ol'ga, Sukhanova Natal'a, Maslov Dmitriy. Soviet Economic Model and the Fate of the Union State (Materials of the Round Table). №6. P.104

Zhuravlev Valeriy, Savel'ev Petr. Russian Social Democracy and the Historical Choice of Russia. I. Social Democrats in the Revolution. №3. P.54

Zhuravlev Valeriy, Savel'ev Petr. Russian Social Democracy and the Historical Choice of Russia. II. From Socialism to Communism. №4. P.60

Zhuravlev Valeriy, Savel'ev Petr. Russian Social Democracy and Russia's Historical Choice: III. Rise of a one-party dictatorship. №5. P.82

Topical Archive

Sak Ksenia, Sorokina Marina. Russian Emigrants and the 20th Anniversary of the Victory: Documents of the Central Committee of the CPSU and the KGB of the USSR on the Awarding of Members of the Resistance Movement. №2. P.130

Tatarinov Igor'. The Story of a Betrayal. To the Question of the Nature of Ukrainian Collaborationism During the Great Patriotic War. №4. P.200

Readers' Letters

Kamari Daniel. "Ringelmann Effect" in a Digital Society. №5. P.166

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»

(Подписка возможна с любого месяца)

Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ **KNIGI.ECC.RU**
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ

Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru

Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 19.01.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 187596**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

6. 2022 november-december

Geopolitics and International Policy Issues

*Natalya Ivkina, Mikhail Kucherov,
Alexander Torkhov, Askhad Bzegezhev*

The Russian Federation in the Doctrinal Documents of the German Federal Republic and Speeches of Chancellor A.Merkel: the Evolution of Perception _____ 6

Resources of Nation

Andrei Keller

Weapons, Aliens and Steel: State and Particular Practices in the Metalworking and Weapons Industry in Russia _____ 22

Russia in the World

Tat'ana Filippova

“Balkan Quadrille” through the Eyes of Russian Cartoonists _____ 48

Sergei Matveev

“This Pushes National History into the General Framework of World History”: Lev Mikhailovich Sukhotin and his History Textbooks _____ 62

Pages of History

Ekaterina Zapevalova

Noblewomen of the Nizhnii Novgorod
Province in the 1860s – 1890s: Land
Ownership, Marital Status, Entrepreneurial
Activity in Country Estates _____ 78

*Valeriy Zhuravlev, Ekaterina Zapevalova,
Lyubov' Lazareva, Elena Bespiatova,
Elena Kurapova, Ol'ga Shashkova,
Natal'a Sukhanova, Dmitriy Maslov*

Soviet Economic Model and the Fate
of the Union State (Materials
of the Round Table) _____ 104

Viktor Shakhmatov

Monarchists-Narodniks Against
Constitutionalists: the Concept of “Tsarist
Autocracy” by N.D.Obleukhov _____ 130

Labels and Myths

Viacheslav Romanovskii

“...I Will Try to Write What They
Command”. Articles of the Publicist
N.V.Ustryalov on the Pages
of the Soviet Press (1935–1937) _____ 150

РОССІЯ ХХІ